

ПАРАДОКСЫ ПРОТЕСТА

Эдуард
РОЗЕНТАЛЬ

Эдуард РОЗЕНТАЛЬ
**ПАРАДОКСЫ
ПРОТЕСТА**

Эдуард РОЗЕНТАЛЬ

ПАРАДОКСЫ ПРОТЕСТА

ОЧЕРКИ О МОЛОДЕЖИ ЗАПАДА

Издательство Агентства печати Новости
1985

ББК 66.75
Р64

Рецензенты:
В. Л. Артемов, В. В. Сухомлинов

Розенталь Э. М.
Р64 Парадоксы протеста. Очерки о молодежи
Запада.— М.: АПН, 1985.—272 с., ил.
100 000 экз.

В яркой публицистической форме автор рассказывает о различных формах протеста молодежи Запада против капиталистического общества. На основании личных встреч и бесед с хиппи, рокерами, студентами, писателями, профессорами, журналистами, бизнесменами и др. он прослеживает эволюцию этого процесса, показывает, как буржуазные идеологи с помощью изощренной пропаганды средствами прессы, кино, телевидения, рекламы пытаются отвлечь молодежь от высоких социальных идеалов, от борьбы против власти капитала.

Р 1100000000—184 а Без объявл.
067(02)—85

ББК 66.75
ЗКМ

© Издательство Агентства печати Новости, 1985 г.

Эдуард Маркович Розенталь

ПАРАДОКСЫ ПРОТЕСТА. Очерки о молодежи Запада

Редактор И. Г. Александров. Художественный редактор и художник С. А. Чайкун.
Технический редактор Л. С. Колесова. Корректоры О. М. Зурабишвили, Т. П. Буча.
Технолог Л. А. Пчельникова.

ИБ 8938

Сдано в набор 11.04.85. Подписано в печать 30.07.85. Т 17808.
Формат издания 84х108/32. Бумага типографская № 1.
Гарнитура универс. Высокая печать.
Усл. печ. л. 14,28. Уч.-изд. л. 15,31. Тираж 100 000 экз.
Заказ № 409. Изд. № 7110. Цена 65 коп.

Издательство Агентства печати Новости
107082, Москва, Б. Почтовая ул., 7.

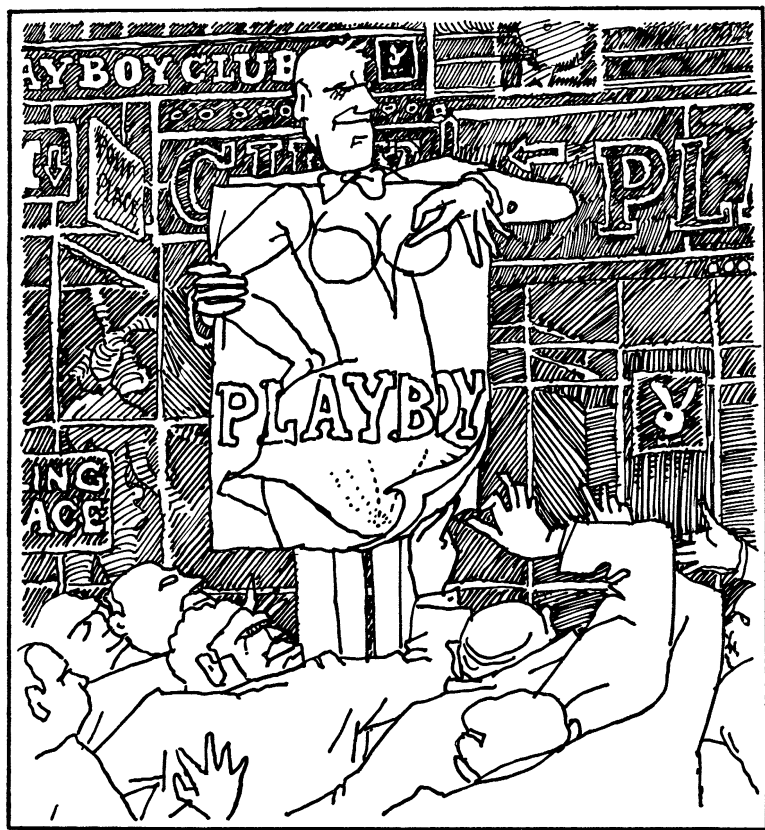
Типография Издательства Агентства печати Новости
107005, Москва, ул. Ф. Энгельса, 46.

Оглавление

В одном измерении	5
Плейбой Хефнер	6
Приход-расход	11
Но мрамор сей ведь бог!	17
Философия потребления	22
Тупики	31
Хиппи баста!	32
Бунт в мае	40
Все или ничего!	45
Жан-Пьер и другие	53
Философский базар	67
Новая философия?	68
«Новые» старые	76
Протанцевать жизнь	84
О чем рассказал Оканза?	90
«Интеллигентный» капитализм	94
Антикоммунизм подслащенный...	104
...И антикоммунизм откровенный	111
Подвиг	123
17 ноября	124
Маршрутом «вечно живой памяти»	130
Интервью через решетку	136

Ассоциации	140
Брандмейстер из Патр	152
Драйв плюс децибелы	159
Майк Джеггер и другие	164
«Я не отделяю музыку от политики»	177
Герои спускаются с Олимпа	188
Анатомия акулы	196
Культура «питьевой соды»	197
Бр-у-у-ум! Дзинг!	207
Продается мечта	216
Как создаются символы	223
Пощекотать нерв...	231
Что дальше?	246
Жизнь продолжается...	247
Дорога к Ленину	261
«Я — оптимист»	266
К читателю	271

В одном измерении

Плейбой Хефнер

«Все началось с Хефнера»...

Хью Хефнер, директор популярного в Америке журнала «Плейбой», был явно в дурном настроении: пуритане из горного швейцарского кантона, отставшие от духа времени, оказали ему и сопровождавшим его красоткам в мини-юбках прием более чем холодный. И вот в цюрихском аэропорту перед возвращением в Соединенные Штаты «плейбой» (жуир) № 1 отвечал на вопросы журналистов.

Из ответов Хефнера явствовало, что он осчастливил мир новой философской концепцией, которую не могут осознать только тупицы, но что даже самые заядлые из них рано или поздно примут ее. Мне удалось вклиниться в разноголосье журналистов и спросить у Хефнера, в чем же суть его концепции.

Ответ седеющего плейбоя был сродни ответам дельфийского оракула:

— В центре моей философии — женщина, в этом ее суть.

Впрочем, подобный ответ мог показаться загадочным только непосвященным, а таких оставалось не так много, разве что в горной Гельвеции. Миллионные тиражи «Плейбоя» просветили западного обывателя весьма основательно. Женщина для Хефнера была отнюдь не олицетворением эмансипации «слабого пола» или материнства. Она являла в его философии символ вечной ценности, нечто вроде игрушки высшей пробы, дополняющей собой роскошные виллы, спортивные автомобили, стереосистемы, модную

одежду и прочие атрибуты ширпотреба. Прославляя женщину, он прославлял потребительство.

И за это был включен британским еженедельником «Санди таймс» в число тысячи граждан, оказавших, по мнению журнала, наибольшее влияние на свой век. Наряду, скажем, с основоположником современной физики Альбертом Эйнштейном. Который, между прочим, как-то сказал, что «опустошение личности» он рассматривает как самое страшное зло потребительского общества. Но именно в утверждении этого зла и состояла «заслуга» Хью Хефнера в глазах истеблишмента, правящей системы. И за это она его причислила к лику «святых».

Разумеется, вовсе не Хефнер изобрел потребительскую психологию. Она стара, как сам капитализм. Ее подвергал остракизму великий итальянский гуманист Томмазо Кампанелла, который еще в 1623 году в своей книге «Город Солнца» мечтал об обществе, где вещи будут служить людям, а не люди — вещам.

Что касается успеха и популярности Хефнера, которые пришли к нему в середине 50-х годов, то им он обязан тому, что его тривиальные идеи, поданные в броской рекламной упаковке, упали на благодатную почву и в нужный момент.

Еще будучи студентом Иллинойского университета, Хефнер познакомился с трудами американского сексолога Кинсея, и с тех пор его преследовала мысль о том, что все беды человека происходят от ущемления сексуальной свободы. В 1953 году Хефнер собрал 10 тысяч долларов и начал издавать новый журнал — «Плейбой». В первом номере он опубликовал несколько фото обнаженной Мэрилин Монро, самой популярной в то время американской актрисы. Тираж быстро разошелся. Хефнер превратился вскоре в одного из богатейших людей Америки.

Он написал серию статей под названием «Философия «Плейбоя». В одной из них выражена суть этой «философии»: цель жизни — индивидуальные поиски счастья. А само счастье — это удовольствия, развлечения, мода, спортивные автомобили, доступные женщины. В этой банальной идее не было ничего оригинального.

Хефнер со своим «Плейбоем» нанес удар по мифу о Генри Форде I — «простом» механике, ставшем, якобы лишь благодаря собственному упорному труду, автомобильным королем. И нанес он этот удар именно тогда, когда сама

жизнь сокрушала прежние иллюзии. Времена, когда ловкий Горацио Алджера писал книжонки по десять центов за штуку, в которых рассказывал о том, что любой американец может стать миллионером и президентом США, безвозвратно миновали.

Монополистическая стадия капитализма с битвой компаний-гигантов исключила успех мелкой конкурентной борьбы. Вакантных мест на тронах автомобильных, нефтяных и прочих империй не осталось. Необходимо было заменить легенду о том, что каждый американец может стать миллионером, если будет трудиться и копить деньги.

Разрушив ореол индивидуального предпринимательства, монополии создали новый — вокруг массового стандартизированного потребления. В этот момент и явился Хефнер со своим «Плейбоем», уверяя, что смысл и цель жизни заключается в потреблении.

Выход Хефнера на арену совпал с усиливающимся недовольством молодежи, которая протестовала против жизненного уклада, не сулившего ей никаких перспектив.

Этой молодежи Хефнер заявлял: счастья можно достичь немедленно, причем в этом самом обществе.

Хефнер не случайно избрал символом «Плейбоя» изображения зайчат («банниз») и девиц в мини-юбках с заячьими хвостиками. Доступная женщина и дорогие товары заняли ключевое место в его идейной системе — автомобиль последней модели, роскошная квартира, другие блага потребительства.

Этикетками «банниз» запестрели рубашки, джинсы, транзисторы. Программа «освобождения секса» дополнялась на страницах «Плейбоя» серьезными статьями о проблемах политики, культуры и искусства — Хефнер сумел привлечь людей с громкими именами: политиков, деятелей культуры, ученых. Сам Хефнер постоянно выступал по телевидению. Регулярно два раза в месяц его программы транслировались 50 телевизионными станциями. Программы эти включали театрализованные представления, концерты и прочие шоу.

Хефнер создал сеть «Плейбой-клубов». Внешне они мало примечательны. Небольшие залы с притушенными огнями. Официантки в купальных костюмах с хвостиками и заячьими ушками. Все довольно вульгарно. Но никаких раздеваний на сцене, никаких фривольностей в отношении официанток-

«банниз». Здесь царит правило: «Смотри, но не прикасайся». Проповедуя раскрепощение секса, Хефнер не хочет шокировать обывателя. При этом клубы Хефнера дают миллионные прибыли. Расчет состоит в том, что это клубы не для избранных, а для массового посетителя. Каждый постоянный читатель «Плейбоя» автоматически становится членом «Плейбой-клуба» и получает собственный ключ от его входных дверей. Таким образом, Хефнер приобщил «человека улицы» к «элите».

Это позволило Хефнеру заявить: «Я дал Америке философию. Без меня она не имела бы идеологии, отражающей потребности эпохи».

70 процентов читателей «Плейбоя» — это люди от 18 до 34 лет, большинство выходцы из средних слоев, 50 процентов — студенты. Биографы Хефнера утверждают, что он нашел общий язык с молодежью, так как дал ей «концепцию нового типа человека и нового типа культуры». Хефнер не объясняет, как разрешить классовые противоречия, он вообще не говорит о социальных проблемах, все люди для «Плейбоя» представляют один «класс потребителей». Он рассказывает, как приобщиться к этому «классу».

Хефнер не скрывает, что обращается со своей «философией» прежде всего к молодому поколению и что он предлагает ему вместо «сомнительной революции» модификацию системы изнутри путем «восстановления забытых ценностей». «Мы делаем ставку на то, — заявил он, — что мотивируем внутреннее «я» молодого человека: секс и амбицию потребления».

Это был довольно тонкий расчет, основанный на психологических особенностях молодежного сознания. Молодежь острее всего чувствует социальную несправедливость. Как в силу большей психологической ранимости, так и потому, что подвергается большей дискриминации (меньшая оплата труда, больший процент безработицы и т. д.). Хефнер предлагает ей следующий выход: молодым людям гораздо легче осуществить свою свободу в области сексуальной, чем социальной.

Он считает, что амбиции молодых людей следует направить в русло потребительства. Действительно, учащаяся молодежь не участвует в процессе производства материальных ценностей, но она полноправная участница процесса потребления. Более того, молодому поколению в этом отношении

отводится почетное место. Целые отрасли производства на Западе специально рассчитаны на молодежь. Молодежные журналы, грампластинки, мини-платья, джинсы и прочие товары создаются для молодых.

Западное телевидение, радио, кино внедряют в сознание молодых людей миф о потребительском счастье и успехе, направляют их мысли, надежды и стремления к осуществлению этого мифа. Приучая юношу или девушку к постоянному руководству со стороны средств массовой информации, молодежные журналы, радио, телевидение постепенно превращаются для них в необходимых советчиков, без которых повседневная жизнь становится невыносимой.

Все это направлено на выработку у молодежи конформистского сознания и сосредоточивает ее интересы на перспективе потребительского рая в будущем. Именно на это делал свою ставку Хефнер. «Плейбой»,—говорил он,—рассчитан на период, когда молодой человек экспериментирует перед окончательной адаптацией к жизни». И пояснял: «Молодой человек, заканчивающий университет, должен провести 10 лет в поисках себя самого и своей системы мышления, жизни, деятельности».

Хефнер дает и свою шкалу жизненных ценностей:

до 20 лет—образование;

от 20 до 40 лет—поиски своего «я» и устройство в жизни;

от 40 до 60 лет—удовольствия жизни;

после 60 лет—размышления о прожитом.

Обратите внимание: в приведенной шкале ценностей, где труд выступает придатком к жизни, условием для удовольствий, нет места для труда-удовольствия, то есть для творческой деятельности.

В свое время Лев Толстой сказал: «...Необходимое условие счастья человека есть не праздность, а труд». То есть любимый и свободный труд, не труд-средство, а труд-цель. Капитализм такого творческого труда человеку дать не способен. Я имею в виду «массового» человека, а не избранных одиночек, которым с пеленок уготованы места в Гарварде, Кембридже или Сорбонне и которые затем имеют все возможности приложить полученные знания к своим жизненным занятиям.

Приход-расход

...Я сидел в шезлонге на корме и завороженно смотрел на воду. Вздурораженная винтом теплохода, она фосфоресцировала, переливаясь теплым серебром.

— Любуетесь морем?— я вздрогнул от неожиданности, обернулся. Узнал профессора Уорника. В свете мерцающих южных звезд его белый, безупречно выглаженный костюм тоже фосфоресцировал. Мы познакомились с ним в Марселе, я помог ему поднести по трапу большой чемодан, который оказался неожиданно невесомым. Он мне представился профессором философии из Кембриджа и рассказал, что любому отдыху предпочитает морские путешествия, нет ничего лучше для успокоения нервной системы.

— Я согласен с Фалесом, вода— начало всего сущего,— профессор простер руки.— Когда вокруг вода, время останавливается, и я чувствую себя бессмертным. А вот Анаксимен началом всего считал воздух. Земля, говорил он, плавает в воздухе, как широкий лист. Все образуется из воздуха, и саму душу человек вдохнул с воздухом. Когда мы дышим, то вбираем в себя частицу всего мира, всей жизни,— профессор улыбнулся и поднял глаза к небу.— Диоген согласен с Анаксименом, он утверждал, что наша Вселенная обладает дыхательной системой, а органами дыхания служат звезды...

Я тоже поднял глаза к черному небу, на котором сверкали яркие созвездия Лебедя и Орла, подмигивала далекой электросваркой самая яркая звезда— Вега.

А профессор все говорил о древних греках, которые, очевидно, были его коньком, об их философии и искусстве, доказывал, что все современные открытия уже были предвосхищены в Древней Греции.

— Возьмите хотя бы Пифагора, он первый обнаружил Число как неизменное выражение всего сущего. Бесконечное— это не что иное, как «один». «Один» есть абсолютное число. «Два» есть только отношение одного к одному. А элементы чисел суть нечетное и четное.

Профессор начал декламировать с привыванием:

Конечное и бесконечное,
Нечетное и четное,
Свет и тьма,
Добро и зло...

— Вы знаете, что слово «философ» впервые употребил Пифагор? Однажды некто Леонтий спросил его: кто он такой? Пифагор ответил, что у него нет определенной профессии, что он философ. На вопрос Леонтия, что это означает, Пифагор ответил: «Жизнь можно сравнить с Олимпийскими играми, на которые одни являются с жаждой славы, другие — с расчетом на выгодную продажу или покупку, третьи — просто из желания насладиться чудесным зрелищем. Вот эти третьи и есть философы. Философ изучает мир, презрев тщеславие и корысть». — Профессор хмыкнул: — Неплохо сказано, а? Анаксагор, когда стал нищим, воскликнул: «Теперь я настоящий философ. Философии я обязан разорением, но и духовным богатством».

Утро следующего дня было прозрачное и ясное. Нежаркое солнце и ослепительная синь Средиземного моря. Теплоход медленно входил в Генуэзскую бухту. На палубу вышел профессор, в руке у него был чемодан, тот самый, большой и невесомый. Я удивился:

— Вы сходите?

Он засмеялся:

— Нет, просто хочу купить несколько сервизов.

— На память об Италии?

— Не совсем так. Видите ли, здесь они дешевые, а в Англии посуда очень дорогая. Мы с женой продадим эту посуду с большой выгодой.

Вероятно, у меня изменилось выражение лица. Как уживались в этом человеке увлеченность греками-бессребренниками с сомнительной коммерцией?

Я не удержался:

— А как же Пифагор, Анаксагор?

Профессор засмеялся:

— Я уважаю древних философов, но в этом смысле они были ... — он приложил большой палец руки к уху и повертел ладонью...

Тогда эта история меня поразила, и я даже посчитал ее за некое исключительное явление. Позже я привык к подобным взглядам на Западе.

С Дадли Райтом, американским миллионером, поселившимся на берегу Женевского озера, меня познакомил швейцарский журналист Альфред Буле. Райт был не только богатым человеком, владельцем ряда крупных электронных компаний в Соединенных Штатах, но и знающим инженером.

Когда я приходил к нему, то приносил бутылку водки и баночку икры. Райт неизменно хлопал в ладоши от искреннего восторга по поводу моих подношений, которые тут же прятал в бар. По правде говоря, подобное проявление радости по поводу скромной бутылки водки и не менее скромной баночки икры повергало меня в некоторое недоумение. Тем более что в баре у Райта стояла батарея бутылок самых дорогих напитков, не было недостатка и в водке, в том числе «Столичной». Да и икру на приеме у него подавали в объемистых ледяных блюдах, лед и икра таяли одновременно.

Я уехал из Швейцарии и не видел Дадли Райта несколько лет. Зимой 1976 года я вновь попал в Женеву. Позвонил Альфреду Буле, и мы вместе отправились к Дадли Райту. Я достал свою традиционную бутылку водки, которая была встречена традиционной реакцией. Хозяин захлопал в ладоши и гаркнул: «Великолепно!»

Я не выдержал:

— Скажите, Дадли, неужели эти скромные подношения доставляют вам такое удовольствие? Или вы хотите доставить мне удовольствие?

Дадли усмехнулся.

— Видите, у меня самого немало бутылок, и вам кажется, что ваша должна пройти незамеченной. Но дело в том, что все мои бутылки, как бы вам лучше объяснить, заактированы, в расходе. А ваша — дармовая, она в доходе. Мне доставляет радость, что я ее пью как незаприходованную. Я не жадный, отнюдь. Но водка незапрограммированная, внебюджетная, проходит веселее. — И, посерьезнев, добавил: — Миллионы складываются не из долларов, а из центов. Это правило у нас, американцев, в крови. — Он подмигнул Буле. — Думаю, и швейцарцы в этом смысле от нас не отстают. А то еще и дадут нам фору. Ну а у вас в России как на этот счет?

За меня ответил Буле.

— Думаю, что русские устроены несколько иначе, чем мы. Я бывал в России, встречался с коллегами, и всегда меня поражало в них спокойное отношение к благам жизни. Совершенно для меня необъяснимое. Я знаю, что большинство из них обеспечены хуже, чем я, квартиры скромные. Но всякий раз, когда я приходил к кому-нибудь в гости, стол ломился от яств. Мне иногда становилось неловко при воспоминании о наших приемах с сэндвичами-лилипутами. Причем я знаю, что лишних денег они в банке не держат. И

вот еще: однажды я не застал своих друзей дома, и меня пригласили скоротать время их соседи, совсем незнакомые мне люди, это мне вообще было непонятно. У нас такое немыслимо. И многое другое у русских мне непонятно.

...Городок Таормина стоит на холме. А внизу морская лазурь. У берега три огромные глыбы, это их бросал в корабль Одиссея разъяренный Полифем, когда Одиссеей с товарищами спасались от него бегством. Ныне ничего кроме этих камней не напоминает здесь о легендарном прошлом южного городка: тихие кривые улочки, рынок, рыбацкие сети на высоких деревянных шестах, несколько кабачков. В одном из них мы и попивали сухое сицилийское вино. Мы — группа журналистов, аккредитованных при женевском Дворце Наций, приглашенных на Сицилию владельцами всемогущего треста «Монтекатини Эдисон». По всей Италии раскинулись его филиалы: «Монтекатини» — это и горючее, и синтетика, и фруктовые напитки, и пластмассовые изделия. На Сицилии мы посетили впечатляющий комбинат по переработке нефти близ Сиракуз: легкие металлические конструкции, сверкающие алюминиевой краской, уходили далеко в море, там продукция комбината перекачивалась прямо в нефтеналивные суда.

Потом в прохладном зале заседаний у нас была беседа с дирекцией предприятия. Присутствовали представители администрации, но ни одного рабочего. Журналисты задавали разные вопросы, касающиеся технологии производства, записывали ответы в блокноты. Я спросил, можно ли узнать, каковы зарплаты директора и квалифицированного рабочего. Вопрос этот почему-то шокировал некоторых моих коллег, которые зашикали на меня: очевидно, они сочли его нарушением закона гостеприимства. Синьор же, отвечавший на вопросы, пошептавшись с другими представителями администрации, назвал мне зарплату рабочего. Но так и не раскрыл зарплату директора, сказав вместо этого, что все сотрудники комбината оплачиваются соответственно их знаниям, опыту и компетенции. Ему на помощь поспешил мой коллега из ФРГ — Гендлер. Он встал, подошел к окну и поманил меня пальцем. Указал на длинный ряд «фиатов», стоявших во дворе, и торжественно произнес:

— Это все машины рабочих. Как видите, зарплаты им вполне хватает. А если директор и обладает более солидной

машиной, то рабочих это мало трогает. Не правда ли?

И так же торжественно вернулся на свое место.

Потом мы ездили в Сиракузы, где смотрели театрализованное представление «Электра» по Софоклу. В полуразрушенном древнем амфитеатре вместе с многочисленными туристами из Франции, Соединенных Штатов, Швеции поражались великолепной акустике. На самой верхней ступени каменного амфитеатра было отчетливо слышно каждое слово, произнесенное актерами на сцене. А ведь это происходило под открытым небом. Из театра отправились в кабачок Таормины. Для пущей экзотики нас повезли в заведение, принадлежавшее, как нам сказали, мафии. Нас развлекал гитарист, низенький курносый парень в красной косынке и сапогах. Развлекал весьма своеобразно. Он подходил поочередно к каждому из журналистов, узнавал его национальность и тут же исполнял куплеты из немецкого, американского, французского, норвежского и прочего фольклора. Когда очередь дошла до меня и я назвался советским, парень несколько оторопел, но быстро пришел в себя, сдернул с головы косынку, подпрыгнул, лихо ударил по струнам и что есть силы завопил:

Оча черная — товарищ, товарищ.

Оча жгучая — товарищ, товарищ.

И снова: оча черная, оча жгучая.

Со мной за столиком сидели Лоран Масю, французский журналист из газеты «Фигаро», немец Гендлер и сопровождавший нас сотрудник комбината. Когда гитарист закончил свое ревью, сопровождающий шепнул мне:

— Кстати, если вы хотите поговорить с нашими рабочими, то это очень просто сделать, вон там в углу сидят двое. Можете с ними пообщаться в неформальной, так сказать, обстановке.

Я согласился, и он пригласил их к нашему столу. Рабочие попались разговорчивые, они сказали, что рады знакомству с журналистом из Советского Союза, вообще показывали, что относятся к нашей стране с симпатией. Но и в Италии жить можно. Оба семейные, недурно зарабатывают. Условия работы на комбинате сносные, администрация с ними корректна, генеральный директор лояльный человек. По слухам. Самим им с ним встречаться не приходилось.

— А как вы относитесь к Софоклу?

Оба смотрели на меня некоторое время с недоумением. Наконец один пожал плечами.

Я спросил их, интересуются ли они футболом. Оба оживились и начали рассказывать об успехах своей «Скуадра адзурра». В это время проходило первенство мира по футболу, и итальянская сборная играла успешно...

А эта встреча произошла в государственном университете Антананариву, столице Мадагаскара. Нас, нескольких советских людей, пригласили там выступить. Речь шла о странах социалистической ориентации. Мадагаскар избрал такую ориентацию, и мы обсуждали различные стороны этой проблемы.

— Мсье позволит задать ему вопрос?

Не то великовозрастный студент, не то аспирант вступил в разговор.

— Вы тут говорили о прелестях социализма, а сможете ли вы нам помочь построить социализм так, чтобы у нас не было трудностей, какие испытывают Куба, Ангола, Мозамбик? Если да, я — за социализм, если нет — против.

— То есть тогда вы за капитализм?

— И даже за колониализм. Французы нас одевали и кормили. Мы хотим жить без трудностей.

Что я мог ему ответить? Рассказать о городе Мураманге? В марте 1947 года на Мадагаскаре вспыхнуло восстание против французских колонизаторов. Оно было подавлено с невероятной жестокостью. Когда мы были в этом городе, нас повезли в окрестный лес. Эвкалипты на красноватой почве. На опушке холмик, на нем шест с тотемом — рогами жертвенного быка. Работник местного партийного комитета показал на опушку.

— Здесь захоронено десять тысяч малагасийцев, среди них много стариков, женщин, детей. Если вы копнете тут землю, то всюду обнаружите человеческие кости. Десять тысяч! Все население Мураманга насчитывало тогда двадцать тысяч. Потом это место было засажено эвкалиптами...

Я не стал рассказывать хлыщу из университета о Мураманге, он знал об этом лучше меня. Вместо этого я привел ему мысль Ленина:

— Раб, который не осознает своего рабства, просто раб; раб, который сознает свое рабское положение и борется

против него,—революционер. Раб, который восторгается прелестями рабской жизни,—холоп и хам, достойный презрения.

Не знаю, согласится ли со мной читатель, но я не вижу особой разницы между психологией профессора, который спекулирует посудой, миллионера, подсчитывающего сантимы, рабочего, чьи жизненные интересы не выходят за рамки футбола, или студента, мечтающего о сытой жизни в колониальном рабстве.

Все они рабы «прихода-расхода», их жизненный интерес сфокусирован на потребительстве. Этой психологией пропитана вся жизнь капиталистического общества.

Потребление (но не потребительство) служило и служит человечеству стимулом жизнедеятельности. И, конечно, будет еще служить. Это естественно. Что можно возразить против стремления людей иметь хорошую квартиру, телевизор, магнитофон, хорошие книги или модную одежду, против материальных благ, которые облегчают жизнь, делают ее удобней и красивей?

Другое дело, когда потребление переходит в потребительство, становится самоцелью, поглощает все жизненные силы человека. Именно этого добиваются, используя всю мощь своего идеологического аппарата, западные монополии. Они стремятся продлить ту ступень в жизни общества, которая, по мысли Маркса, замыкает интересы человека прежде всего рамками потребительства. И здесь я хочу поделиться с читателем некоторыми мыслями, которые пришли мне на ум в Греции, в музее древней Олимпии.

Но мрамор сей ведь бог!

Стою перед Гермесом, изваянным Праксителем, и кажется, что выщербленный во многих местах камень вот-вот начнет дышать. Иллюзия живой материи. А ведь статуе—за две тысячи лет.

И вдруг рядом—молодые голоса. И смех. Туристы из Бельгии. Он и она.

—Представляешь, этот обрубок мрамора стоит миллионы!—говорит он. Она смеется.

А я думаю: как же далеко назад ушли эти современные

молодые люди от тех древних греков, которые не измеряли красоту деньгами. Творчество было их счастьем. При всей ограниченности своих национальных, религиозных и политических воззрений они тем не менее рассматривали человека и творческую деятельность как вершину бытия, стремились запечатлеть мудрость, героизм, силу людей в мраморе. На века.

Каждый свободный гражданин Афин или другого греческого города-полиса мог стать образцом для статуи и быть увековечен за свои личные качества. Один из беднейших греков, Ламах, стал полководцем, и его статую поставили в Афинах рядом со статуями Мильтиада и Фемистокла.

О такой славе мечтали все греки, для них она была выше любого богатства.

Лучшие мастера всякого ремесла сами могли рассчитывать на увековечение своего имени. Мы знаем, например, имя Архителя, каменотеса, умевшего особенно искусно гранить колонны. Всему миру известно имя знаменитого Аякса, но известно и имя простого седельника, сделавшего из кожи щит для Аякса.

Греческие города стремились приобрести лучшие произведения искусства, которые оплачивались всеми горожанами. Так, малопримечательный город Алифера прославился тем, что приобрел бронзовую Палладу работы Гекатодора и Сострата. Соревнование греческих городов в приобретении выдающихся образцов искусства способствовало и творческому соревнованию самих художников, их постоянному совершенствованию.

Дальнейшее развитие истории, или, по выражению Маркса, предыстории человечества, в корне разрушило творческий дух ранней античности. Капитализм неизмеримо развил производительные силы, но и создал разрыв между трудом и свободной творческой деятельностью. Количественная сторона труда, выраженная в меновой стоимости товара, стерла его качественную творческую грань. Господство меновой стоимости породило презрение к труду, страсть к обогащению стала предвестником гибели того духовного склада, который был присущ античному обществу. Древние греки чувствовали это и проклинали монету, на которую начинал размениваться экономический и моральный уклад их жизни. Криком души звучат слова Софокла:

...Деньги — зло
Великое для смертных: из-за денег
Обречены на гибель города,
И отчий кров изгнанник покидает;
И, развратив невинные сердца,
Деяниям постыдным учат деньги,
И помыслам коварным и нечестью.

Приведя эти строки из «Антигоны», Маркс замечает, что деньги низводят всех богов человека с высоты и обращают их в товар. Но можно ли изобразить Гермеса, Аполлона или Афродиту, обращенных в товар, с такою же силой и искренностью? И отношение к гармонии мрамора стало иным: а что от нее пользы, от этой гармонии?

Это прекрасно выразил А. Пушкин в стихотворении «Поэт и толпа». Тупая обывательская чернь высмеивает поэта, который «праздно бренчит» на струнах своей лиры:

...О чем бренчит? чему нас учит?
Зачем сердца волнует, мучит,
Как своенравный чародей?
Как ветер песнь его свободна,
Зато как ветер и бесплодна:
Какая польза нам от ней?

И ответ поэта:

...Тебе бы пользы всё — на вес
Кумир ты ценишь Бельведерский,
Ты пользы, пользы в нем не зришь,
Но мрамор сей ведь бог!.. так что же?
Печной горшок тебе дороже:
Ты пищу в нем себе варишь!¹

Вернуть утраченную гармонию жизни могут только новые общественные условия, где будет начисто изгнан дух наживы и потребительства. В отличие от тех, кто искал гармонию жизни в прошлом или пытается воскресить ее в условиях капитализма, коммунисты видят, что истинно гармоничная жизнь — впереди и что главным препятствием на ее пути служит именно это противоречие общественного производства, которое превращает человека из цели в средство.

Социализм создает условия для того, чтобы творческое

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 3, с. 85.

начало стало стержнем всего существования людей. И это касается не избранных, а всех.

Однако до этого еще далеко. И тут есть целый ряд причин, объективных и субъективных. Начать с того, что потребление по-прежнему представляет в глазах многих людей, в том числе и при социализме, главную ценность. Производительные силы еще не могут обеспечить изобилия материальных благ. Огромные средства отвлекаются гонкой вооружений; развязываемой и поддерживаемой империализмом. Все это создало почву для постоянного воспроизводства в сознании людей потребительской психологии. И как следствие, снижается спрос на прекрасное. Часто в области культуры люди довольствуются суррогатами. Отсутствие массового спроса на прекрасное неизбежно сужает и сферу предложения прекрасного, даже высокоодаренные художники и писатели нередко подыгрывают усредненному вкусу и создают эрзацы искусства.

Капитализм завершает предысторию человечества, настоящая же история начинается с приходом социализма, который ставит своей задачей рост не только материального, но и духовного богатства общества. В свое время, составляя второй проект программы Российской социал-демократической рабочей партии, видный деятель российского социал-демократического движения Г. Плеханов определил в качестве цели социализма «планомерную организацию общественного производительного процесса для удовлетворения нужд как всего общества, так и отдельных его членов». В. И. Ленин не согласился с такой характеристикой социализма: «Этого мало. Этакую-то организацию, пожалуй, еще и тресты дадут. Определеннее было бы сказать... не только для удовлетворения нужд членов, а для обеспечения *полного* благосостояния и *свободного всестороннего* развития *всех* членов общества»¹. Вот в этом, в создании всесторонне развитой личности в масштабе всего общества, капиталистические тресты абсолютно бессильны. Эта задача будет осуществлена на высшей стадии коммунизма, где, пользуясь выражением Маркса, человек, сохранив все богатства достигнутого исторического развития, «вернется к самому себе, как человеку *общественному*, то есть *человечному*»².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 232.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 116.

Но все это не придет само, за человеческого человека надо бороться. Мы сами являемся участниками ожесточенной борьбы двух тенденций: потребительской и творческой. Буржуазия и ее идеологи сознательно стремятся придать личности одномерный, потребительский характер. Они больше всего страшатся, что массовое сознание поднимется до осмысления объективных процессов действительности и, отвергнув потребительское начало, подведет трудящихся к активной революционной борьбе против капитала. Именно здесь зарыта та иголочка, которая убила Кашея, считавшего себя бессмертным.

Мишель Лансело — работник французского телевидения, как-то сказал: «Причинами гибели человека будут причины не физического, а духовного свойства. Если во имя потребления его жизнь будет лишена творческого и интеллектуального содержания, он — существо конченное, мертвец». Это точно. Ну а если нет? Тогда мертв будет Кашей. Однако это уже другая история и другая тема.

А пока что западный Кашей жив и делает все, чтобы иголочка интеллекта затерялась в стоге потребительства. Расчет здесь простой: уход в потребительство неизбежно ведет к эгоцентризму, сужению круга жизненных интересов человека, который постепенно замыкается на себе самом и утрачивает способность к единению и совместной борьбе с другими за свои коренные интересы.

Вот почему, пытаясь заглушить стремление людей к свободному творчеству, идеологи капитализма усиленно разжигают их интерес к оупляющему мозг и отвлекающему от политики потребительству. Моральным идеалом буржуазии, говорил Маркс, «является *рабочий*, откладывающий в сберегательную кассу часть своей заработной платы, и она даже нашла для этого своего излюбленного идеала нужное ей холопское *искусство* — в театре ставили сентиментальные пьесы в этом духе»¹.

Прошу читателя очень внимательно отнестись к этому высказыванию Маркса. Конечно же, он имел в виду не сам процесс откладывания сбережений, а превращение этого процесса в жизненную цель. Но в данном случае я хочу обратить внимание на другое, а именно на то, что Маркс

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 131.

связал этот процесс с воздействием на трудящихся «холопского искусства». Мы еще вернемся к этой марксовской мысли.

Философия потребления

Его называли и называют по-разному: «общество изобилия», «цивилизация досуга», «государство всеобщего благоденствия» и тому подобное. Все эти пышные ярлыки, характеризующие, по уверению буржуазных идеологов, современный этап развития капитализма, стали с некоторых пор разменной монетой западной пропаганды. По сути своей они служат перепевами уже известной нам философии Хефнера, правда, на более солидном, «академическом» уровне.

Типичным примером в этом отношении может служить разработанная американским социологом и экономистом Уолтом Ростоу «теория стадий экономического роста». По его утверждению, она является «общей теорией современной истории» и альтернативой теории Карла Маркса. Согласно взглядам Ростоу, высшим этапом исторического развития служит стадия «высокого массового потребления», в которую вступают страны, ликвидировавшие нужду и предоставившие своим гражданам благополучную материальную жизнь. Эта стадия, по словам Ростоу, «процветает в США», в нее вступили Канада, Япония, Западная Европа.

По существу, сходную концепцию отстаивали Франсуа Перру, Раймон Арон и многие другие философы, экономисты и социологи Запада.

Теоретики потребления вынуждены были, конечно, отмечать чувство неудовлетворенности жизнью, которое испытывают трудящиеся капиталистических стран. Они констатировали и другое: безработицу, постоянную неуверенность в завтрашнем дне, нервное перенапряжение на производстве, бессмысленное времяпрепровождение в часы досуга. И тем не менее они считают, что рабочие Запада не осмелятся на революционные действия, так как дорожат достигнутыми при капитализме материальными завоеваниями и не хотят их терять или, точнее, рисковать своим относительным благополучием.

Это очень удобная концепция. Для господствующего класса, разумеется. Ведь в ней производственные отноше-

ния, то есть отношения между классами, подменяются отношениями между потребителями, независимо от их социальной принадлежности.

При этом нетрудно доказать, что рабочий может питаться не хуже, а то и получше капиталиста-вегетарианца, а мелкий чиновник-франт одеваться шикарнее своего директора. И что и те и другие ездят в скромных «фольксвагенах». Чем не равенство?

Начиная с 70-х годов экономика Запада вновь испытывает кризисные явления, и оптимизм сменился пессимизмом. Особенно больно новая экономическая ситуация отразилась на молодежи, значительная часть которой не может найти места в жизни. К началу 80-х годов среди молодежи не имели постоянного заработка 42,4 процента в Англии, 45,7 процента — в США и Бельгии, 45,2 процента — во Франции, более 60 процентов — в Италии. А в ряде лицеев и колледжей западных стран введены даже специальные курсы, где юношей и девушек учат тому, как жить, будучи безработным.

Но и трудящиеся, имеющие работу, не могут похвастаться материальным положением. Во Франции выборочная социологическая анкета показала, что 80 процентов опрошенных располагают бюджетом меньшим, чем тот финансовый эталон, который был признан «нормальным». Более 40 процентов ограничивают себя в потреблении мяса, свежих овощей, фруктов.

...Помню, в Женеву приехали два ленинградца, Владимир Кулаков и Александр Клементьев. На заводе «Тарекс» они осваивали купленное оборудование. К ним приставили переводчика, который при каждом удобном случае пытался их «агитировать».

Однажды он заговорил о том, какая высокая заработная плата у местных токарей. А мимо как раз проходил пожилой рабочий. Переводчик его окликнул:

— Послушай, Клод, сколько ты зарабатываешь в месяц?

— 1800 франков.

По тем временам это было солидно.

— Вот я им и говорю, что зарплата здесь высокая.

Тогда Клод раскрыл рот и показал недавно вставленный протез.

— Вот вставил три зуба — тысяча франков.

Потом полез в карман и вытащил коробку с пилюлями:

— За лекарства заплатил в этом месяце 90 франков. И за квартиру 570 франков. Теперь посчитайте, сколько осталось от зарплаты.

Он махнул рукой и устало пошел прочь.

Буржуазные газеты много говорят о «среднем потребителе» — этом удивительном человеке, которого никто не видел. «Средний потребитель» в действительности оборачивается капиталистом, рабочим, мелким ремесленником, крестьянином. Но ведь каждый из них потребляет и имеет возможность потреблять далеко не одинаково. Национальный институт экономической статистики Франции опубликовал на материалах целого ряда социологических опросов любопытные данные. Соотношение уровней потребления в зависимости от социального и профессионального положения различных групп населения выражается в следующих пропорциях: в сфере потребления продуктов питания — 1:1,5; одежды — 1:3; домашней обстановки — 1:4; транспорта — 1:6; культуры и отдыха — 1:7. Иначе говоря, наиболее привилегированные категории могут тратить в 3—7 раз больше средств на одежду, транспорт, развлечения, чем другие.

Как-то один американский журналист опубликовал красноречивый разворот на две страницы. На одной были изображены предметы, принадлежавшие семье Джексона: коттедж, автомобиль, телевизор, холодильник, стиральная машина. На другой странице были изображены предметы, за которые семья Джексона уже расплатилась с кредиторами: стена от дома, сиденье автомобиля, дверца холодильника, крышка стиральной машины. А сам глава семейства Джексон стоял так: один рукав от пиджака, штанина от брюк, один ботинок.

Это кабала не добровольная, как представляют некоторые, а вынужденная. Отсутствие возможности снять дешевую квартиру вынуждает покупать квартиру или дом в кредит, отсутствие развитой сети городского транспорта вынуждает приобретать автомашину в кредит, отсутствие достаточного числа больниц, яслей и детских садов вынуждает нанимать сиделку, няню, домработницу с почасовой оплатой. Все это ложится тяжелым дополнительным бременем на бюджет трудящихся.

Погоня за прибылью сопровождается такими явлениями, как загрязнение окружающей среды, внедрение химических веществ в продукты питания, что делает продукты внешне

более привлекательными, продлевает срок их хранения, но одновременно снижает их качество, а иногда и угрожает здоровью.

В Цюрихе мне довелось присутствовать на Международной конференции по рекламе. Американский бизнесмен учил европейских коллег: «Продавайте товары весело! Чем веселее покупатель, тем легче открывается его кошелек»; «Не бойтесь создать островки потерь в океане прибыли. Снижение цен десяти видов товара на 50 процентов может на 200 процентов повысить спрос на эти товары»; «Реклама должна не только давать информацию о товаре и не только заставлять клиента покупать, но заставлять его купить не тот товар, который ему нужен, а тот, который мне выгодно продать»; «Реклама создает не только объект для клиента, но и клиента для объекта».

На потребителя постоянно оказывается давление, с тем чтобы навязать ему потребности, наиболее прибыльные для капиталиста. Реклама вылепливает клиента, для которого первоочередным становится не то, что для него насущно, а то, что выгодно в данный момент монополиям. На покупателя воздействуют, чтобы заставить его приобретать то, что выгодно капиталисту.

Например, автомобиль, а не развитие транспорта общественного пользования.

Таким образом, идеология потребления призвана оправдать в глазах трудящихся колоссальную растрату материальных и человеческих ресурсов, которую осуществляют монополисты в целях максимального накопления капитала и личного обогащения.

Психология потребления создает условия, при которых трудящемуся значительно легче приобрести автомобиль в кредит, чем дать своим детям образование или добыть денег для оплаты врача в случае болезни. С другой стороны, такая политика переносит центр тяжести человеческих ценностей из области производства в сферу потребления и тем самым перечеркивает одну из важнейших социальных функций человека — творческую.

Рабочий, по словам американского социолога Эриха Фромма, ощущает себя товаром, который надо повыгоднее продать на рынке, и вовсе не ощущает, что он активный деятель, носитель человеческих сил и способностей. Иначе говоря, человек не работает, а зарабатывает.

Вот почему человек на Западе подготовлен к восприятию пропаганды, призывающей его «уйти» в потребление.

Потребление, включая и духовное (коммерческие фильмы, порнография, комиксы и прочие атрибуты «массовой культуры»), призвано заполнить всю жизнь человека труда и по возможности отвлечь его от активного участия в общественной и политической деятельности. Реклама вбивает ему в голову, что и где следует приобрести, как и где провести досуг, что смотреть в кино и что читать.

При этом преследуется цель не только занять внимание трудящихся потреблением, но и создать у них видимость широкого выбора и демократизации самой жизни. Фармацевтические корпорации, например, выпускают «новые» патентованные лекарства в зеленых, синих, желтых облатках, которые на самом деле являются повторением уже имеющихся лекарств, выпущенных в продажу в оранжевых, голубых и фиолетовых упаковках. Это не выбор, а видимость выбора.

Таким образом, не только в производственной деятельности, но и в области потребления человек превращается в винтик гигантской промышленности. Он не живет своей жизнью, а, как выразился западногерманский социолог Ганс Фрайер, «его живут».

...Мы стояли в холле Женевского университета.

Роже был еще возбужден — только что он сдал два зачета за третий курс. Ему под тридцать; ходит в студентах не меньше семи лет, и каждый сданный зачет для него — праздник.

— Теперь опять пойду работать. Стипендии нет, а жить надо. И за учебу платить тоже.

— А родители? Не помогают?

— Смейся? Когда я приезжаю к ним в Ньон — погостить, то плачу им за комнату. Поменьше, чем в отеле, но все же. Кормят, правда, бесплатно... Чему ты удивляешься, я их понимаю. К тому же папаша мечтает о новом автомобиле...

— А как инфляция, кризис? Не убивают ли они потребительские каноны?

— Что ты, напротив, кризис еще больше обостряет психологию потребительства. Когда не хватает средств на покупку вещи, она становится еще желаннее. Правительство, правда, призывает к экономии, но реклама продолжает буйствовать: покупайте, покупайте, покупайте!

В его голосе зазвучала злость:

— Конечно, я понимаю, что нас тоже покупают. Многие это понимают. И даже выступают против потребительской психологии. Я ее давно ненавижу. Помню, с удовольствием читал, как парижские парни жгли автомашины в мае шестьдесят восьмого. Но когда тебя со всех сторон осаждает реклама, хочешь не хочешь, а купишь. Если уж быть до конца честным, то я тоже хочу автомобиль. И даже уже кое-что скопил. За учебу заплатить не могу, а вот на автомобиль коплю. Иногда презираю себя за это, а ничего поделать не могу.

Роже подумал немного и добавил как бы в оправдание:

— Наверное, потому, что нам внушили: автомобиль — это свобода. Надо отдать им должное, это они ловко выдумали. Почему именно автомобиль? Потому что он лучше всех прочих вещей символизирует прогресс.

...Джансанти Колуцци, сутуловатый господин преклонного возраста, ничем особым от прочих смертных не отличается. Но в Лозанне его хорошо знают. И не как потомственного графа, а как обладателя «роллс-ройса» стоимостью 200 тысяч франков. Это — зарплата квалифицированного рабочего за 10 лет.

Сам граф, беседуя со мной, не скрывает своей гордости:

— «Роллс-ройс» — мечта детства. Осуществленная... Я устраиваюсь за рулем этого монстра, и все прочее исчезает. Наступает тишина Английского клуба. Одно легкое движение руки: клик, и сиденье автоматически поднимается. Комфорт! Включаю мотор, но в салоне все та же тишина. А ведь под капотом — 8 цилиндров! Объем в 6750 кубиков! 32 метра гидравлических тяг, 700 метров кабеля!..

Мечта детства!

...Во весь экран — маленькие босые ножки. Они топают по мягкому ковру, обходя разбросанные на нем игрушки. Задерживаются около игрушечного автомобиля. Потом решительно следуют дальше к какой-то неведомой, но заветной цели. Стоп!

Ножки останавливаются, на сей раз прочно. Кинокамера поднимается, и зрители видят обладателя ножек — симпатичного малыша. Ручки его тянутся вверх к столу, достают копилку. Малыш тщательно засовывает в щель копилки пятифранковую монету. Трясет копилкой над ухом. Звон монет заглушается нарастающим ревом автомобильного мотора. И

вот он появляется, настоящий автомобиль. Могучий перламутровый красавец с шестью цилиндрами. Господин автомобиль! Вершина потребительской пирамиды.

Невольно возникает вопрос, кто кем правит: человек автомобилем или автомобиль человеком? Более ста лет назад Маркс подметил закономерность, согласно которой развитие производства при капитализме приводит к тому, что «вместе с ростом массы предметов растет царство чуждых сущностей, под игом которых находится человек...»¹.

Потребление, преломленное в уродливой форме господства над человеком, уродует сознание человека, способствует формированию личности, замкнувшейся в собственной скорлупе и живущей мелкими личными заботами. «Все только и норовят ухватить удачу за хвост,—говорит Джон Гринузэй, один из молодых англичан, опрошенных социологами.—Представить только, что значит для человека счет в банке и теплый семейный очаг! Начинаешь думать лишь о своей машине, о том, чтобы был ухожен твой собственный садик, о страховом полисе, о том, чтобы купить себе еще один телевизор, и вовсе не остается времени беспокоиться о больших проблемах или подумать, например, о том, сколько людей умирает от голода в Африке».

Духовный «перекосяк» личности не ограничивается одной аполитичностью. Чем больше человек поддается чувству приобретательства, тем больше он опасается потерять то, что имеет. А это в условиях Запада—обычное явление. Выплаты процентов и погашение кредита за дом, автомобиль, товары домашнего пользования поглощают существенную долю доходов трудящихся. Перерыв в поступлении дохода в результате безработицы или продолжительной болезни ведет к прекращению выплаты долгов, и в этом случае дом, автомобиль, холодильник могут быть отобраны.

Товары в кредит приобретают миллионы трудящихся. Но драма заключается и в том, что эти миллионы живут в постоянном нервном напряжении, в страхе попасть в число неудачников, неспособных выплатить долги. Нервное напряжение и страх подавляют личность, ведут к росту психических заболеваний и самоубийств.

С другой стороны, страх и неуверенность вызывают к жизни тип работника-конформиста, «хорошо обструганного

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 128.

человека». Он, как правило, обходит стороной профсоюз, старается подтвердить свою лояльность предпринимателю, угодить мастеру, от которого зависит получение сверхурочных, а следовательно, и возможность подзаработать.

Это именно то, к чему стремятся монополии. Аполитичным человеком, отказавшимся от борьбы, легче помыкать.

Вот почему выпячивание потребительского начала в ущерб творческому стало сегодня, пожалуй, одним из главных приемов буржуазной пропаганды.

В последнее время эта пропаганда принимает все более четкие структурно-организационные очертания.

Во многих странах Запада появились даже так называемые организации потребителей. Летом 1972 года в Стокгольме состоялся первый Международный конгресс потребителей. Цель подобных организаций, как она рекламируется, — «борьба за гуманизацию отношений в сфере потребления».

Я присутствовал на одном из собраний потребителей. Мадам Эрика Каррер, член комитета Швейцарской федерации потребителей, очень красноречиво говорила об этих целях. Она признавала, что потребители не могут влиять на образование цен, но зато в их руках, по ее словам, имеется такое орудие, как бойкот тех или иных товаров, той или иной фирмы. Долго говорила мадам Каррер. А затем заключила: «Однако организации потребителей не должны попасть в сети тех, кто во имя борьбы против отдельных злоупотреблений преследует другую цель: подрыв общества и экономики свободного рынка. Не надо забывать, что им мы обязаны высоким уровнем потребления!»

Как-то Швейцарская федерация потребителей призвала своих членов бойкотировать говяжьи сосиски, содержавшие слишком высокий процент фосфора. Пожертвовать сосисками ради поддержания экономики свободного рынка, а заодно попытаться направить борьбу трудящихся в рамки потребительства — на это монополии идут без страха и сомнения. Другое дело, когда рабочие требуют активного участия в управлении производством. Тут капиталист решительно возражает. Бороться в сфере потребления он согласен, но в производстве, по его мнению, должен царить мир.

Во власти концепций массового потребления пребывают многие философы и социологи Запада. И хотя они констати-

руют в обществе чувства неудовлетворенности жизнью, неуверенности в будущем, тем не менее считают, что трудящиеся не захотят менять существующий образ жизни, надеясь, по словам французского социолога Р. Арона, на лучшее. И рассуждают так: «Я имею шанс приобрести завтра то, чего не имею сегодня».

Но нерастраченная творческая энергия молодежи ищет применения. Она задыхается в омуте тихого мещанского благополучия. Отсюда возникает внутренний конфликт, зачастую не осознанный молодыми людьми. Они бунтуют против скуки и пустоты жизни, ищут выхода из потребительского тупика.

Тупики

Хиппи баста!

Он стоял на обочине дороги и протягивал навстречу автомашинам лист картона с надписью «Лозанна». Потрепанная фетровая шляпа с широкими полями, желтая куртка с кистями, джинсы, красные боты, тоже с кистями. И гитара. Я притормозил.

— Барри из Калифорнии.

Мне неоднократно доводилось подвозить хиппи. Летом они наводняли Швейцарию. Хотелось узнать, что они о себе думают сами, представители этого «прекрасного племени», как они себя именовали. Увы. Они охотно предлагали сыграть на гитаре или спеть. А вот говорить...

С Барри мне повезло: он оказался не только хиппи-гитаристом, но и хиппи-философом.

Узнав, что я журналист, Барри вдруг предложил:

— Хотите побывать на сборе хиппи? Это в лесу, недалеко от Лозанны. Вообще-то мы не любим, когда посторонние лезут к нам в душу. Но терпим.

Так я оказался у ночного костра.

На опушке леса собралось человек пятьдесят. Сидели и полулежали, почти не шевелясь. Некоторые парочки целовались. Иногда кто-нибудь вставал, чтобы подбросить ветки в костер.

Время от времени какой-нибудь парень с девушкой отходили от костра в темноту. Потом возвращались. На руках молодой женщины спал белокурый хиппенек лет четырех.

Перед тем как заснуть, он ползал у ног молчаливых парней, дергал их за брюки и называл всех «дэд» — папа.

Уныло брэнчала гитара. Когда музыкант уставал, его сменял другой. Только мелодия не менялась. Набор монотонных звуков. Такое впечатление, будто гитарист лишь настраивает инструмент и вот-вот заиграет по-настоящему.

Я чувствовал себя не в своей тарелке, но на меня никто не обращал внимания, и скоро я привык к этой странной обстановке, однако старался держаться поближе к Барри.

— То, что вы видите здесь,— это настоящие хиппи,— сказал он.— Их не так уж много наберется на свете. Вот те двое,— он указал на девушку и парня,— побывали в Катманду. Это для хиппи что-то вроде Мекки. Сейчас их много развелось, с длинными волосами, которые работают под хиппи. Но одни вечерами возвращаются домой к маме, другие имеют чековые книжки и ночуют в приличных гостиницах, некоторые ходят на службу. Это не настоящие хиппи.

— А что же такое настоящие хиппи?

— Видите ли, это не столько индивидуумы и даже не столько движение, сколько философия, философия самой жизни. Жизнь в отрыве от общества. Философия ухода из больного общества. Мы не похожи на других... Дело не во внешних признаках. У нас другой внутренний мир, и мы, если хотите, живем совсем в другом измерении.

Барри вытащил из-за пазухи свернутый вчетверо листок бумаги.

— Вот возьмите, здесь изложена вся наша философия.

Я взял листок. Барри продолжал:

— Ваш Иван Павлов называл речь второй сигнальной системой. А мы, хиппи, общаемся друг с другом при помощи третьей сигнальной системы. Прислушайтесь.

Я прислушался. Трещали цикады, гитаристы продолжали брэнчать.

— Музыка. Она и есть третья сигнальная система. Вы не были на фестивале в Вудстоке, а я был. Джо Кукер, Арло Гатри, Джимми Хендрикс своей музыкой сплотили полмиллиона незнакомых хиппи. Вы бы посмотрели, что это такое. Грандиозно!

— Вы ведь не хотите меня убедить, что понимаете друг друга с помощью вот такой музыки.

Он посмотрел на меня с сожалением.

— Я сказал, что музыка спланивает нас. Но не говорил,

что мы понимаем друг друга. Мы не понимаем самих себя. Я не знаю сам, чего я хочу. Я знаю, чего я не хочу. Я не хочу участвовать во всем этом буржуазном свинстве. И каждый из нас уходит или пытается уйти из этого свиначника.

Барри обвел широким жестом бивак:

— Вы думаете, что мы здесь все знакомы. Ошибаетесь. Я знаю этих двоих. Знаю, что здесь есть американцы, французы, скандинавы. Но мы незнакомы. И не имеем никакого желания знакомиться. И все-таки мы общаемся друг с другом. В этом суть: незнакомые, мы любим друг друга. Вчера в Базеле кто-то мне назвал место сбора — и я пришел сюда. И другие пришли. Поодиночке, парами, группами. А завтра так же разбредемся. Может быть, больше не встретимся никогда. Это и неважно. Для того чтобы любить, не обязательно быть знакомыми. Главное — быть свободными. Музыка помогает нам, незнакомым, объединиться и вместе искать свободу.

Я слушал Барри и ловил себя на мысли, что он начинает меня раздражать. Как раздражает обычно что-то, чего ты не можешь понять.

Однажды я услышал песню американца Гарри Белафонте, в которой есть слова о том, что если бы люди, все люди Земли, полюбили музыку, то войны никогда бы не было. И тогда я вспомнил Барри и его слова о «третьей сигнальной системе». Вторая сигнальная система — вещь безусловно великая, без нее не было бы мышления и самого человека, и все же язык, слова ограничивают общение рамками национальной принадлежности, и хотя эти рамки раздвигаются по мере овладения чужими языками, они остаются тесными. Когда-то это не было особенной жизненной помехой, еще в середине XIX столетия подавляющая масса людей жила интересами своей деревни, города или в лучшем случае страны. Ныне не то. Мы живем сегодня в эпоху глобальных проблем, когда вопросы войны и мира, охраны окружающей среды, борьбы с болезнями волнуют все человечество. Не случайно в последнее время столь повысился интерес к международному языку эсперанто, но создание его и овладение им — дело нескорое. Энергичная, нетерпеливая молодежь пытается найти язык международного общения в музыке, символизирующей те или иные ее устремления, и в этом смысле музыка, искусство, культура вообще приобретают

сейчас колоссальное политическое и идеологическое значение.

...Стало холодно. Я зябко поежился. Девушка, сидевшая неподалеку, подошла и бросила мне на колени клетчатый плед. Ни слова при этом. И вернулась на свое место.

— Барри, а как вы стали хиппи? И когда?

Он поморщился:

— Я сам себя об этом спрашиваю. И не могу ответить точно. Так же, как не знаю, почему стал лысым. Так, по волоску. Помню, отец мне рассказывал, что мечтал стать географом — у нас в доме было полно карт и глобусов, а стал коммерсантом. И не жалеет об этом. Внушал мне, что главное в любой профессии — доллары. А мать, сколько я себя помню, твердила мне, что главное — чистота. Преподаватели в колледже рассказывали о величии американской демократии и красотах Большого каньона. Я впитывал всю эту абракадабру. Потом университет. Во время каникул я почти не отдыхал — подрабатывал. То мыл посуду в ресторанах, то помогал механику в гараже. Не потому, что нуждался в деньгах. Просто было совестно терять время. Делал бизнес — так был воспитан. Многие так делают.

Барри усмехнулся:

— А потом понял, что все это муча. Зачем деньги? Чтобы обзавестись домом, семьей, нарожать сопляков и учить их бизнесу и чистоте? Рассказывать о красотах Большого каньона? Надоело. Может быть, все было бы иначе, если бы отец не бросил свои глобусы. Не знаю.

Барри потянулся и зевнул.

— В детстве все мы думаем, что рождены для чего-то большого. Каждый чувствует себя Гераклом, которого ждут подвиги. А потом вдруг замечаем, что годы проходят, а подвигами и не пахнет. Наши дедушки, когда были молодыми, наивно тешили себя мыслью, что все еще впереди. А нам надо спешить, пока ядерные мегатонны не посыпались на голову. Вот мы и бунтуем. Я тоже было начал бунтовать. Говорил какие-то речи, бегал от полицейских. А потом и это прошло. Послал всех к дьяволу — и вот я тут.

Было уже поздно, но спать не хотелось. Барри заговорил снова:

— Вы спросите: а зачем я тут? Не знаю. Ни Лувр, ни развалины Рима меня не волнуют. Разве что только природа. Одна она естественна. Хотя и ее тоже отравляют, как могут.

Станет прохладнее — подамся к югу. А пока и в Швейцарии недурно. Повезло швейцарцам с природой, красиво, ничего не скажешь. Никакие подвиги меня больше не прельщают. Я свободен, и это главное. Не хочу работать — и не работаю. Я свободен в выборе — созидать или отвергать. Я выбрал второе, потому что не вижу цели созидания. Набивать себя калориями и просиживать за рулем — это не цель. Нас часто упрекают, что мы попрошайничаем. Ну что же, мы ведь не требуем, а просим. Не очень, правда, дают. Устраиваемся, как можем: некоторые продают свои паспорта уголовникам; кое-кто сдает кровь лабораториям — за это хорошо платят. Бывает, воруют тоже. А бывает, что и мрут от тифа и другой заразы.

Барри устало махнул рукой:

— Вообще-то мы, хиппи, — вымирающее племя. Но мы горды тем, что отказались участвовать в крысиных гонках за материальным благополучием. Мы отвергаем тупое потребление, которое губит все живое.

Он на секунду остановился, усмехнулся и сказал ту фразу, с которой я начал эту книгу:

— А все началось с Хефнера! Вы слышали о Хефнере? Любопытный тип. Впрочем, Хефнер — пройденный этап. Мы начали революцию против общества хефнеров, но нас никто не понимает... Ничего, когда-нибудь поймут.

— Барри, вы сказали, что любовь не требует знакомства, что ей необходима свобода. Вроде этой? — Я кивнул в сторону парочки.

Барри привстал, помахал рукой:

— Эй, рыжая, не знаю, как тебя зовут. Можно тебя на минуточку?

Она неторопливо поднялась, подошла к нам. Протянула руку:

— Меня зовут Ула.

Барри хмыкнул:

— Вот журналист хочет узнать, как ты относишься к любви. Ула не удивилась.

— Если парень — «секси» и нравится мне, я с ним сплю.

Я спросил Улу, не слишком ли она упрощенно понимает любовь.

Она посмотрела на меня внимательно.

— А зачем усложнять? Я давно уже освободилась от буржуазных комплексов.

— А сколько вам лет?

— Скоро будет девятнадцать.

— Ну, а вот тот мальчуган, что спит на коленях у матери. Ему ведь еще и четырех, наверное, нет. Что с ним будет к девятнадцати?

— Ему не надо будет освобождаться от комплексов. И он никогда не будет занудой.

Последнее замечание относилось, вероятно, ко мне. Ула сухо кивнула и вернулась к своему секси-бою, прыщавому парню в очках и с бусами из розового сердолика на шее.

Между тем Барри занялся делом. Он расшнуровал свой мешок. Вытащил из него какие-то лоскуты, катушку ниток, потрепанную книжку Махатмы Ганди, наконец, небольшую алюминиевую коробочку.

— Давайте-ка лучше попутешествуем.

На языке хиппи это означало принять наркотик.

Хиппи — народ незлобивый. Но есть один верный способ рассердить хиппи — это отвлекать его, когда он готовится «путешествовать».

Я развернул листок, который мне дал Барри. Там было всего несколько строк: «Вы свободны. Мы свободны. Создавайте! Не будьте создаваемыми. Сад наш надо создать внутри нас самих и быть в нем. Свободный человек создает свой новый мир внутри себя».

Хиппи бросили вызов обществу. Им казалось, что они ушли из общества и отвергли его ценности, в первую очередь потребительские.

На самом же деле они жили паразитами на теле того самого общества, которое отвергали.

Эксперимент хиппи закончился неудачей, и иначе быть не могло. «Власть цветов» («Flower Power»), как любили называть свое движение сами хиппи, была властью пассивности, а пассивность никогда еще ничего не могла изменить. В бурный период 1968—1969 годов часть хиппи присоединилась к бунтующим студентам, часть примкнула к многочисленным молодежным коммунам, которые провозгласили создание «параллельного общества» и пытались выработать некую «параллельную культуру». А многие хиппи вернулись в общество. Я знал некоторых добропорядочных буржуа, бывших хиппи, которые любят в холодные зимние вечера, сидя у камина, иронически вспоминать о своих былых похождениях.

Социологи быстро сошлись на том, что движение хиппи состояло в отрицании традиционных ценностей, а поскольку 65—70 процентов хиппи были выходцами из семей мелкой буржуазии, средних слоев, то главным образом — ценностей этих социальных слоев. Американские социологи Т. Парсонс и У. Уайт определили систему буржуазных ценностей как «активизм», согласно которому вся деятельность оценивается критерием полезности и подчиняется принципу рациональности.

Эталон личности у хиппи стал противоположностью принятому эталону «делового человека», антигуманного и отчужденного, который тратит жизненные усилия на погоню за успехом. А поскольку успех в буржуазном обществе все больше отождествлялся с потреблением, протест хиппи был направлен и против потребления как такового.

При всем том многих наблюдателей поражала в хиппи двойственность и противоречивость их психологии: с одной стороны, вызов потребительству, с другой — обостренная чувствительность к моде, одному из основных проявлений того же потребительства. От того, что мода хиппи была своего рода антимодой (заплаты, лохмотья и т. п.), суть дела не меняется. Хиппи очень тщательно относились к выработке своих фасонов одежды. Вероятно, им нужно было выделиться из общества как группе и по внешним признакам. Узнавать друг друга по этим внешним признакам.

Я говорю об отношении к моде как о наиболее заметном внешнем проявлении противоречивости психологии хиппи. Однако сюда можно было бы добавить и их отношение к сексу или наркотикам.

Но сегодня все это в прошлом. Встретить в наши дни настоящего хиппи очень трудно. Мне это удалось. Несколько лет назад на вокзале в Эдинбурге. Закутанный в вылинявшее мексиканское пончо, хиппи устроился на пустой лавке, рядом лежал холщовый мешок, к которому была пристегнута издававшая виды гитара. К ее деке была приклеена национальная эмблема Швейцарии: белый крестик на красном фоне. Я подошел к нему.

— Хиппи?

Не дождавшись ответа, я спросил:

— Сюисс? Швейцарец?

Он неохотно кивнул, а я продолжал спрашивать:

— Из Женевы? Невшателя? Мартини?

Он буркнул:

— Из Делемона.

Жан-Батист изрядно постранствовал по белу свету. Потом прибил к группе таких же бродяг, с которыми попал в перуанские Анды, в город Куско, построенный на руинах древней столицы инков. Сколько их там было? Около тысячи. Что они делали? В основном скучали, тянули местное пиво, разглядывали туристов. Чем жили? Позировали за деньги тем же туристам, продавали им полудрагоценные камни, выкопанные из могильников.

Наиболее часто в скудном наборе слов, которыми изъяснялся Жан-Батист, встречалось жаргонное слово «фрик», деньги. Если резюмировать его рассказ, то вся жизнь хиппи проходила в поисках денег. Чтобы утолить постоянный голод, купить гашиш, марихуану, героин, кокаин. Многие не выдерживали тягот такой жизни, некоторые погибали при утомительных переходах в горах, другие — от чрезмерного потребления наркотиков. Каким он видит будущее хиппи?

— Хиппи баста. Маразм. Один американец прыгнул в пропасть. Местные крестьяне нас презирали. Однажды полиция забрала самых грязных. Их помыли, постригли и выгнали из страны. Меня не тронули, я считался чистым.

Жан-Батист продал свой фотоаппарат и спустился в долину. Добрался до Лимы, потом — до Лондона. В Шотландии у него живет приятель — сын богатых родителей, с которым он подружился, когда хиповали вместе, приятель отказался от бродяжничества первым и вернулся домой.

На вопрос, что он думает делать дальше, ответил:

— Побреюсь, а там видно будет.

На том мы и расстались.

Вот так массовое движение хиппи, собиравшее порой до полумиллиона участников, как это было на фестивале в Вудстоке, вылилось в ручейки бродяг, не знающих, чем себя занять. Движение, которое основывалось на пассивном протесте, с самого начала было приговорено к смерти. Сейчас этого движения больше не существует, оно изжило себя.

Пассивный протест хиппи зашел в тупик. Но та же участь постигла и протест активный, каким был студенческий бунт конца 60-х — начала 70-х годов.

Бунт в мае

В Женеве ломали кафе «Ландольт», что в двух шагах от университета. Основную его клиентуру составляло студенчество, и поэтому хозяин пригласил студентов отметить это событие за его счет. Студенты выдвинули требование: бесплатное пиво и разрешение бить пивные кружки. После некоторого раздумья хозяин согласился. Он рассудил: чем больше шума, тем солиднее реклама. К тому же на месте старого он решил строить новое кафе-модерн и со студентами конфликтовать не хотел. Хотя и осуждал их за то, что вечно они чего-то требуют и ставят условия.

...Дым стоял коромыслом. Пол был усеян осколками битых кружек. Под сводами звучали слова старых студенческих песен. Вспоминали студенческий май 1968 года, баррикады Латинского квартала, подожженные машины. Пили за грядущий Май.

Мой спутник, Марсель Перикар, который участвовал в майских событиях 1968 года в Париже, цедил пиво молча, только время от времени негромко повторял:

— Быть или не быть, быть или не быть...

Потом мы сидели вдвоем на скамейке Университетского парка и говорили о проблемах студенчества. Марсель пытался разобраться в этих проблемах, а я — узнать его мнение о них.

— Что я чувствовал в те дни? — Марсель задумчиво тер лоб. — Тогда это было чувство праздника, необыкновенного прилива сил. Нам казалось, что мы все можем. И мы считали себя настоящими революционерами.

— Ну а теперь?

— Теперь я воспринимаю май шестьдесят восьмого как сплошной угар. Мы выдвигали лозунги, беспрерывно дискутировали. Но никто не имел ясного представления о происходящем. Рыжий Дани — так мы звали нашего вожака Даниэля Кон-Бендита — призывал протестовать против всего. Неважно, где и как. Он убеждал, что важен сам акт протеста. Сартр — известный философ — публично поддержал Дани, и это было для нас убедительно...

Я слушал рассказ Марселя и мысленно представлял себе толпу студентов со сжатыми кулаками и пылающими от волнения и восторга лицами. Препраждая полицейским вход

в университет, они пели «Интернационал». Марсель тоже пел. Но вот любопытная деталь: как и многие другие его товарищи, он пел по бумажке.

В семье Перикара, инженера с достатком, пролетарский гимн не был в почете.

Вместе с Марселем строили баррикады и швыряли камни в полицейских дети адвокатов, учителей, врачей, инженеров. И автомобили поджигали часто те, кто их имел сам. Многие обыватели не могли тогда понять этого парадоксального явления и объясняли его тем, что студенты просто «бесятся с жиру».

Западные социологи не употребляли подобной «домашней» терминологии. Они обличали «по-научному». Социолог из ФРГ Э. Топич утверждал тогда, что студенчество ведет бой против рациональности во имя иллюзорных идей интеллектуальной независимости.

Леворадикальные идеологи, напротив, обнаружили в студенчестве провозвестника новой революции и даже «новый революционный класс», идущий на смену якобы «обуржуазившемуся» пролетариату. Так, французский социолог Э. Морэн считал, что «двигателем будущих мутаций, по-видимому, будет союз интеллигенции и молодежи в рамках больших университетских конгломератов...». Г. Маркузе называл студентов «ферментом надежды».

В определении существа студенческих движений 60-х годов они исходили прежде всего из анархистских лозунгов самих студентов. По этому поводу следует вспомнить важное методологическое указание К. Маркса: «И подобно тому как в обыденной жизни проводят различие между тем, что человек думает и говорит о себе, и тем, что он есть и что он делает на самом деле, так тем более в исторических битвах следует проводить различие между фразами и иллюзиями партий и их действительной природой, их действительными интересами, между их представлением о себе и их реальной сущностью»¹.

Студенчество как социальная группа обладает рядом специфических черт. Прежде всего, все студенты молоды, а молодости присуще «беспокойство духа», критическое отношение к действительности.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 145.

Учеба отлична от других видов деятельности тем, что она не подчиняется принципам строгого разделения труда. От студента не требуется выполнения определенного количества работы, от него требуется усвоение знаний для использования их в будущей работе. От него не ждут научных открытий — только доказательства, что он способен участвовать в научной деятельности. Концентрация студентов в больших коллективах способствует взаимным контактам и созданию студенческих организаций. Постоянный рост информации, призванной подготовить студентов к будущей трудовой деятельности, стимулирует формирование у них политического сознания.

Все это объясняет их активность, но не объясняет ни причин, вызвавших в середине и конце 60-х годов массовый студенческий протест, ни существа идеологии «новых левых», возникшей на базе университетского движения.

Западные социологи часто упускают из виду, что «студенчество не было бы тем, что оно есть, если бы его политическая группировка не соответствовала политической группировке во всем обществе, — «соответствовала» не в смысле полной пропорциональности студенческих и общественных групп по их силе и численности, а в смысле необходимой и неизбежной наличности в студенчестве тех групп, какие есть в обществе»¹. При всей специфичности молодежь не существует вне классов и социальных слоев, поэтому и молодежные проблемы производны от более широких социальных проблем, затрагивающих и другие слои общества.

Так, молодежь принимает сегодня самое активное участие в глобальном антивоенном движении. В 1982—1984 годах в странах Западной Европы в движении против размещения американских ракет 70 процентов составляла молодежь. Молодые рабочие и студенты — наиболее активная и многочисленная группа в забастовочной борьбе трудящихся против ухудшения условий жизни, безработицы. И это понятно. Около половины всей армии безработных — молодые люди. Поэтому разговоры о том, что западная молодежь сейчас якобы утихомирилась и не протестует, как это было в 60—70-х годах, не соответствуют действительности. Напротив, различные отряды студенчества и молодежи все больше отходят от узкопрофессиональных и чисто молодеж-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 343.

ных требований, занимают четкие политические позиции, теснее сближаются с рабочим движением. А сам протест принимает все более осознанный социальный характер, и направлен он против капитализма. Это — безусловный прогресс по сравнению с 60-ми годами.

Причины молодежного бунта, охватившего в те годы США, Японию, Францию, ФРГ и другие страны капитализма, коренились в самом буржуазном обществе, в особенностях его социально-политического и экономического развития.

Война во Вьетнаме, расовые проблемы, инфляция, безработица — эти и другие факторы нашли отражение в студенческом движении. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что студенческое движение разворачивалось на фоне ослабления «холодной войны» и утверждения разрядки, нанесшей удар по наиболее реакционным догмам антикоммунизма. Усиление революционной борьбы рабочего класса, всех трудящихся, успехи стран социализма, победы национально-освободительного движения — все это повлияло на умонастроение молодежи, привело ее к требованию коренного пересмотра социально-политических структур.

Непосредственное воздействие на студенческое движение оказала научно-техническая революция, приведшая к росту престижа науки и знания вообще.

Быстрыми темпами росло число работников интеллектуального труда. С 1954 по 1962 год во Франции число инженеров возросло на 44 процента, преподавателей и медицинского персонала — на 32 процента, представителей науки и литературы — на 56 процентов. Выросла и численность студенчества — со 150 тысяч в 1954 году до полумиллиона в 1968 году. Подобная динамика была характерна для всех развитых стран Запада.

Но вот парадокс: рост престижа знания и численности его носителей не сопровождался ростом престижа самого интеллектуального труда. Напротив, инженеры, преподаватели, врачи, юристы в основной своей массе утратили за эти годы ореол профессиональной исключительности и пополнили армию наемного труда. В 1968 году 98,6 процента французских инженеров и высшего технического персонала, занятых в промышленности и на транспорте, работали по найму.

В детстве Марсель Перикар мечтал стать инженером. Таким же уважаемым членом общества, как и его отец.

Студентом Марсель обнаружил, что его отец превратился в безличный винтик бюрократического механизма.

Было время, когда университетский диплом автоматически распахивал двери общества, открывал радужные перспективы. Сегодня он дает лишь право участвовать в «крысиных гонках» за более или менее прилично оплачиваемое место.

Отец Марселя тоже ощущал растущее беспокойство и недовольство. Однако, обремененный семьей, он смирился с превратностями судьбы. Для Марселя гибель жизненного идеала вылилась в трагедию. В знак протеста он воздвигал баррикады в Латинском квартале.

Студентов сегодня волнует не только падение престижа их будущей профессии. Их беспокоит, найдут ли они вообще применение своим знаниям. Во Франции только немногие из окончивших высшие учебные заведения могут получить работу по специальности. Самые слабые перспективы — у представителей гуманитарных наук. Из 10 студентов-социологов лишь один, а из 10 студентов-психологов только двое могут рассчитывать по окончании учебы на работу по специальности. Из 100 студентов, проучившихся 5 лет на социологическом факультете Нантеррского университета, того самого, что дал сигнал к началу майских событий 1968 года, 60 не работают совсем или работают на маленьких предприятиях, где они не могут использовать полученные на факультете знания.

Экономический спад в капиталистических странах больше всего отразился на молодежи. Вступая в самостоятельную жизнь, молодые люди нередко оказываются перед закрытыми для них дверями заводов, фабрик, лабораторий. Среди французских безработных в возрасте до 25 лет каждый второй — дипломированный специалист.

Таким образом, протест студентов вызвали прежде всего причины социально-политического и экономического характера. Однако причины эти часто не осознавались молодыми людьми. Будучи не в состоянии самостоятельно понять глубинных истоков своего недовольства — а они в конечном итоге заключаются в процессе прямого вовлечения интеллигенции в конфликт между трудом и капиталом, — студенты протестовали против того, что лежало на поверхности.

Прежде всего бросалась в глаза неприспособленность университетов к реальным нуждам экономики и науки, недо-

статки университетской системы. Больно ударил по студентам из средних слоев и рабочей среды рост стоимости высшего образования. Стипендии очень низки, к тому же их получает относительно небольшое число студентов. Многим приходится сочетать учебу с работой, что в свою очередь отражается на академической успеваемости.

Устаревшая университетская система, одно из наиболее консервативных учреждений современного западного общества, была достойным объектом для критики. Студенческий протест обратился прежде всего против этой структуры.

Резкая активизация студенчества и критика им университетских порядков привели к тому, что некоторые социологи стали делать выводы о будто бы коренном изменении природы социальных конфликтов и субъекта исторического действия. Французский социолог А. Турэн, например, утверждал, что центром системы производства все больше становится не промышленное предприятие, а университет — «место, где в первую очередь формируются новые социальные конфликты». «Если верно, — писал он, — что знания и технический прогресс являются сегодня движущими силами нового общества, какой вчера было накопление капитала, то не очевидно ли, что университет занял место крупного капиталистического предприятия, а студенческое движение выполняет роль, которую играло в прошлом рабочее движение... Великие конфликты возникают сейчас не на заводе, а в творческой среде университета». А один из лидеров французских «новых левых» О. Кастро заявил, что «социальное положение студентов позволило им подняться над экономикой и проводить в жизнь экзистенциалистские требования».

Однако, беря на вооружение экзистенциализм, философию «неограниченной свободы», студенческое движение само заходило в тупик.

Все или ничего!

Осенью 1970 года мой цюрихский приятель повел меня в ресторанчик. В зале было всего несколько посетителей. Потом ввалилась шумная ватага парней, и среди них один маленький, с огненно-рыжей шевелюрой. Приятель шепнул: «Это Даниэль Кон-Бендит».

Лидера французских леваков (гошистов) я увидел впервые. Но много о нем слышал и читал в период майских событий 1968 года во Франции. Его часто называли позером и актером. Сам «рыжий Дани» не раз называл себя «марксистом-анархистом». В концепциях Кон-Бендита отражена идеологическая ограниченность студенческого бунта.

Изучая историю прошлых революций, Кон-Бендит решил, что все они были не чем иным, как цепной реакцией, ведущей к истине, каковой является (в теории и на практике) гошизм — французская разновидность движения «новых левых». Все его зажигательные речи, за которые он получил кличку «бешеный», содержали одну идею: за массовое движение без политического руководства.

Кон-Бендит не был против руководства вообще — он сам любил поруководить. Ему принадлежит немалая заслуга в разжигании страстей в период майских событий 1968 года в Париже. Правда, подняв студентов на борьбу, он не смог им объяснить, за что, собственно говоря, следует бороться и, главное, как бороться. В самый критический момент он исчез со сцены.

Впрочем, он и не собирался ничего объяснять. Его теоретическое кредо — спонтанность движения. Студенчеству Кон-Бендит отводил роль пускового мотора, который должен был привести в движение революцию. Кон-Бендит заявлял: «Как основу мы рассматриваем не действия в рамках профсоюзов и организаций, а спонтанные движения против современного аппарата господства».

Но что такое «спонтанные движения» на практике? «Рыжий Дани» отвечал на этот вопрос следующим красноречивым обращением к читателю: «Бери гнилые помидоры и действуй. Бери тухлые яйца и действуй. Отрицай все... Найди новые отношения со своей подругой. Люби иначе. Отрицай семью. Действуй не для других, а с другими. Ты делаешь революцию для себя. Сейчас и здесь!»

Протест против общества потребителей выражался часто в воспевании бедности, которая якобы одна поддерживает революционный дух. Вся существующая социальная система обвинялась в бездушии. При этом в нее включались школы, казармы, «бюрократическая арматура», «технократический порядок труда», сюда же были отнесены все политические партии и профсоюзные организации, как якобы «придатки бюрократического государственного аппарата».

Пренебрежение к рабочему классу и его организациям вполне объяснимо, если учесть, что оно исходило в основном от детей буржуа. Эти молодые люди, жившие в достатке и протестовавшие против достатка, вели критику общества, как они полагали, на более высоком, «экзистенциальном» уровне, чем те, кто оставался на уровне материальных проблем. Не случайно гошисты обвиняли рабочий класс в том, что его сознание якобы заблокировано тисками материальных требований, а потому не способно подняться до требования «тотального человека».

Этот тезис был направлен против французского пролетариата, мощным стачечным движением поддержавшего в майские и июньские дни 1968 года выступления студентов, но не поддавшегося вследствие большей политической опытности на провокации и не пошедшего на политические авантюры, которые могли только сыграть на руку реакции.

Уход студенческого движения в надэкономические сферы повлек с неизбежностью перекося в направлении основного удара и в выборе противника. Поскольку центр борьбы переносился из области экономики в область культуры вообще, то основной ареной сражения логически становился университет. О нем говорили даже как о «наиболее слабом звене капитализма». А капиталист подменялся профессором, который «не так учит».

Кон-Бендит дал следующую схему революции. Цель ее — «коллективное овладение управлением общества», то есть самоуправляющийся социализм. Средство достижения этой цели — овладение знанием, ибо «неравенство в распределении знания затрудняет всеобщее руководство экономикой». А так как «власти не дают рабочему классу широкого доступа к знаниям, то у последнего закрепляется чувство некомпетентности и бессилия, что, в свою очередь, примиряет его с иерархией власти». В таких условиях, утверждал Кон-Бендит, «революционные студенты способны сыграть главную роль в битве».

Еще до майских событий Кон-Бендит в знак протеста против того или иного лекционного курса громко кукарекал во время занятий. В майские дни целая студенческая «кассамблея», прервав заседание, в течение часа мычала «ме-е-е» в знак протеста против университетских авторитетов. Подобные действия студенты пытались перенести и на промышленные предприятия. Некоторые молодые рабочие, шедшие у

них на поводу, улюлюкали вслед директору или ведущему инженеру. В результате революционная тактика подменялась мелкобуржуазным скандалом.

Критику буржуазного строя студенты пытались осуществить с помощью буржуазной идеологии. Ничего удивительного. Легче порвать с буржуа-родителями, чем с их идеологией.

По своему социальному положению, условиям быта и труда студенчество на Западе в значительной степени подвержено влиянию индивидуализма. Отсюда склонность к анархизму, отрицанию политической организации и дисциплины вообще.

По словам Г. Маркузе, студенческая оппозиция свободна от идеологии или даже пропитана отвращением ко всякой идеологии и выражает в одно и то же время сексуальный, моральный, интеллектуальный и политический протест. А лидер западногерманских студентов Руди Дучке призывал готовиться к «большому походу» против социальных и политических институтов общества, в ходе которого люди ощутят «новые радикальные потребности».

От экстремистских требований «все или ничего!» до неопределенного «большого похода» и неизвестных «новых радикальных потребностей» — такова амплитуда требований, столь же категоричных, сколь и неопределенных.

Осенние дни 1969 года. Бурное собрание студентов Женеvского университета совместно с группой студентов, приехавших из Франции. Дебаты были прекращены появившимися в зале полицейскими. Один из них вышел на трибуну и поднял руку. Когда шум голосов немного стих, он объявил: в полицию поступил сигнал, что в зал подложена бомба замедленного действия. В то время подобные истории были нередки, и паники это заявление не вызвало. Все остались сидеть на своих местах. Полицейские быстро прошли по рядам и через некоторое время объявили, что тревога оказалась ложной и «господа студенты могут продолжать дискуссию».

Полицейские ушли. Слово взял француз Раймон.

— Вы думаете, они получили сигнал о бомбе? Враки. Уверен, что их прислали сюда профессора, чтобы запугать нас. Все они — одна банда. Учебные программы — зеркало системы. Профессора — полицейские от культуры, они фаршируют наши мозги всякой дрянью. А мы, как желторотые

птенцы, разеваем клювы и глотаем всякую чепуху. Я не позволю им подавлять мое свободное «я». Или мы или они. Третьего не дано. Университет разрушает нас. Мы должны сломать этот барак. Наш день придет.

Заключительные слова Раймона утонули в одобрительном гуле зала. Вслед за Раймоном выступило еще несколько студентов: французы, швейцарцы, англичанин, американец (в Женевском университете учится много иностранцев). Все в том же духе. Потом слово взял Филипп, студент из Женевы.

— Ломать барак? Это проще всего. Особенно с трибуны. Конечно, в учебных программах много ретроградства, но ведь есть и ценные вещи, общечеловеческие знания, культура, наследство истории. Как бы не выплеснуть с водой ребенка. Нет спору, нужно думать своими мозгами, критиковать, дискутировать. Но нужно и учиться, иначе останешься балбесом. А балбесов бьют. И не стоит преувеличивать: не все профессора — реакционеры. Многие сами воюют против властей, таких надо поддерживать. Голое крушение к добру не приведет. Позиция абсентеизма тоже порочна. Надо добиваться участия в работе университетской администрации, отстаивать свои права. А главное — не отрываться от рабочего класса, выступать с ним единым фронтом. Без этого мы ничего не добьемся.

Когда Филипп закончил, раздались жиденькие хлопки, которые тут же были заглушены свистом и улюлюканьем. Основная масса присутствовавших в зале была настроена агрессивно. А выступившая следующей девица обвинила Филиппа и его друзей-комсомольцев в медлительности. Кое-кто пытался поддержать Филиппа, но им не дали слова.

К сожалению, как писал тогда в журнале «Ринашита» Луиджи Лонго, студенты — коммунисты и комсомольцы не имели достаточно сильного влияния в университетах и не смогли возглавить столь разношерстное и разнородное движение.

Гошизм, как и другие разновидности левого экстремизма, на практике являл собой удивительную смесь отваги, нетерпения, огульного отрицания накопленных человечеством ценностей при почти полном отсутствии знаний об этих ценностях.

Студенческая жизнь коротка; студенты спешили перевернуть мир, не вникая в суть исторического опыта прошлых революций, революционной тактики и стратегии.

Требуя изменить существующий строй, студенты искренне стремились к этому. В своих действиях они подражали революционному пролетариату, методам и формам его борьбы: строили баррикады, устраивали забастовки. Но подобное подражание на самом деле имело лишь внешнее сходство с пролетарской революционностью.

Когда пролетариат идет на забастовку, его отказ производить товары наносит реальный удар по частному присвоению и в то же время ограничивает возможности собственного потребления. Поэтому всякая забастовка связана с личными жертвами ее участников. Студенческая забастовка не ущемляет экономически капиталиста. Не требует такая забастовка особых жертв и от самого студента.

Образ рабочего класса как революционной силы постоянно будоражил сознание студенчества: вот если бы рабочие, оставаясь рабочими, были в то же время студентами — вот это была бы революция. Так рассуждал студент-гошист, для которого спонтанность никак не совмещалась в сознании с организацией, присущей рабочему классу. Когда студенты в майско-июньские дни 1968 года убеждали рабочих отказаться от своих организаций, они не могли понять, почему подавляющее большинство рабочих оставалось глухо к их доводам.

Рабочие не могут отказаться от организации — это их главная сила перед лицом объединенного экономического, политического и идеологического аппарата буржуазии.

Студенты, протестующие против дисциплины и организации, — питательная среда для идей анархизма. И это отлично сознавали идеологи капитализма. Организуя студентов в системе высшего образования, предоставляя им возможность «свободно» пропагандировать свои идеи, государство вело дело к политической дезорганизации студенчества, то есть в конечном итоге содействовало его отрыву от рабочего класса. Оторвать студента от рабочего — значит закрепить его в рамках капиталистической системы. И буржуазной идеологии.

В самом деле, студенты-гошисты требовали от рабочих, чтобы те взяли власть в свои руки, но не политическую, не государственную, а в масштабах завода, фабрики. Иными словами, речь шла о создании «самоуправляющегося социализма» в рамках... централизованного буржуазного государства. Это можно сделать только в воображении. Что же

касается взятия рабочим классом политической власти, то, по утверждению гошистов, оно означало бы создание новой бюрократической иерархии.

Лидеры «новых левых» много говорили о необходимости союза студентов с рабочим классом, но союз этот понимался весьма своеобразно, привилегированное место в нем отводилось студентам.

Схема гошистов, предназначавшая студентам роль мозгового центра, который указывает пути революции, была поддержана и некоторыми буржуазными идеологами. Жан-Жак Серван-Шрайбер, в те годы хозяин парижского еженедельника «Экспресс», уверял, что рабочий класс играет «консервативную роль», в то время как прогрессивные изменения подготавливаются «под влиянием университетской молодежи». А. Турэн заявлял: «В начале XIX века центром системы производства была крупная капиталистическая индустрия; следовательно, здесь и происходил основной конфликт капитала с рабочим классом. В нынешнем обществе господствуют крупные аппараты социальной и культурной интеграции. Место накопления прибыли заняло накопление знания. Образование, а не богатство играет сегодня главную роль. Раньше быть богатым означало быть образованным; теперь богат тот, кто образован. И в этом следует искать причину основных социальных конфликтов. Студенты — самая взрывчатая категория».

Но ведь богатство и знания на Западе — отнюдь не исключющие, а, напротив, предполагающие друг друга категории. Во французские университеты попадает 75 процентов детей промышленников и крупных администраторов и только 5 процентов детей рабочих. Следовательно, для того чтобы справедливо перераспределить знания, необходимо сначала перераспределить богатство, то есть упразднить класс крупных капиталистических собственников, которые создают нужную им университетскую систему. Недооценка классового характера системы образования типична для буржуазного социолога.

Выступление студентов за обновление университета, безусловно, говорит об их растущем сознании, о том, что они могут быть союзниками демократических сил. Более того, некоторые конкретные требования французских студентов совпадали с программой демократической реформы образования, выдвинутой Французской коммунистической партией

Однако гошисты не думали о серьезном анализе политических и экономических целей революции. Один из главных адептов гошизма, Ж. Соважо, объясняя, как он мыслит себе будущее общество, которое придет на смену капитализму, сказал: «Мы не задумываемся о политической системе будущего. Мы утверждаем только, что хотим систему, которая положит конец эксплуатации трудящихся. Что касается будущего общества, то оно образуется само по себе». Какая же будет власть?

На этот вопрос один из гошистов, Жейсмар, отвечал так: «По мере того как какая-нибудь структура власти падает, она тут же заменяется другой. Когда университет остался без ректора, тут же автоматически возникли идеи автономии и комитеты «учащиеся—учителя», которые взяли руководство на себя».

Рассуждения о множестве властей свидетельствуют о полном отсутствии серьезного анализа вопроса о взятии государственной власти—основного вопроса всякой социальной революции.

А проблемы экономики? В одном из документов гошистов провозглашалось: «Все предшествующее разделение труда (город—деревня, труд умственный и физический, работа—отдых, необходимое—излишнее) отменяется. Вся традиционная экономика прекращает свою деятельность. Экономические «законы» отменяются».

И это именовалось «программой», призванной указать рабочему классу пути и цели революции! Для гошизма характерны отсутствие точной программы действий, авантюризм, отказ от стратегии и тактики, основанных на анализе классовых сил, пышная фразеология. Все это типично для мелкобуржуазных демократов. «...Демократ, представляя мелкую буржуазию, т. е. *переходный класс*, в котором взаимно притупляются интересы двух классов,—воображает поэтому, что он вообще стоит выше классового антагонизма. Демократы допускают, что против них стоит привилегированный класс, но вместе со всеми остальными слоями нации они составляют *народ*. Они стоят за *народное право*, они представляют *народные интересы*. Поэтому им нет надобности перед предстоящей борьбой исследовать интересы и положение различных классов. Им нет надобности слишком строго взвешивать свои собственные средства. Им стоит ведь только дать сигнал — и *народ* со всеми своими неисчерпаемы-

ми средствами бросится на *угнетателей*!», — так иронически писал о мелких буржуа Карл Маркс.

Сегодня рабочий класс все более набирает силу, а средние слои, ныне тесно связанные с крупной промышленностью, серьезно отличаются от мелкой буржуазии прошлого. Интеллигенция и ее молодой отряд — студенчество могут быть последовательными союзниками пролетариата и в совместной борьбе добиться осуществления своих требований. Но при одном обязательном условии: студенческое движение должно не потрясать знаменами различных политических цветов и оттенков, а стать под знамя рабочего класса.

Жан-Пьер и другие

«Гобидагобидибу». Этого слова нет ни в одном языке. Они изобрели его сами, и оно стало в их глазах символом новой жизни, не похожей на все то, что они видели и знали раньше. С этого слова началось и мое знакомство с ними.

— Гобидагобидибу!

Я обернулся. Женевский журналист Жан-Пьер Гом махал мне рукой и улыбался во весь рот.

— Салют, Жан-Пьер! Что это за гоби.. гоби...

— О, это целая история.

Мы сидели в летнем кафе, и Жан-Пьер объяснял мне, почему он вступил в молодежную коммуну.

— Мне надоела иерархия. Патрон мой бездарь, а я должен писать то, что ему нравится. Только потому, что он за это прилично платит. Деньги — свобода — деньги. Надоело. Вот и пошел в коммуну. Это недалеко, в предместье Женевы Труане. Родители Жильбера переехали во Францию, дом оставили ему. Он и организовал коммуну. Там я чувствую себя по-настоящему свободным. Впрочем, всего не объяснишь. Хочешь посмотреть сам?

Конечно же, я хотел. О молодежных коммунах много писали, они входили в моду. Хотелось увидеть собственными глазами.

— Вот и хорошо. — Жан-Пьер достал свою визитную карточку и рядом с номером телефона крупно вывел: «Гобидагобидибу».

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 151.

— Наберешь номер и, когда тебе ответят, произнесешь это волшебное слово, наш пароль, и двери коммуны перед тобой распахнутся настезь.

По пятницам в Труане проходили дискуссии. Мы примостились на табуретках за длинным дубовым столом. Четыре женщины и пятеро мужчин ели рис вперемежку с мясом и зеленью. И говорили. Говорили о том, что Урсула в понедельник пересыпала суп, а Раймон нечисто вымыл в среду посуду, о войне во Вьетнаме и о палестинской проблеме, о поп-музыке («Потрясающе!», «Мура!»), свободной любви («Я — за», «А я — против») и наркотиках («Отрава!», «А почему бы и нет?»).

Урсула прочитала свое новое стихотворение, которое назвала «Застольная дискуссия»:

Она права,
Он тоже прав,
И у меня свои резоны,
И падают на стол слова
Со звоном.
Сомнения — прочь!
И я права,
И правы тот и та,
Все — бесконечные слова.
Тошнота.

Стихи одобрили, согласились, что споры действительно нередко бывают зряшными. Часы пробили полночь. Вспомнили, что во вторник Лиз взяла для своих нужд автомобиль, в то время как надо было ехать на рынок за продуктами. Лиз осудили, и Жан-Пьер заговорил о необходимости уважать свободу чужого «я», которое преломляется через восприятие собственного «я». Потом ушел в дебри экзистенциализма. За столом позевывали, сначала исподтишка, потом откровенно.

Жан-Пьер провожал меня, когда на улице уже брезжил рассвет.

— Ну как?

— Не могу понять, что у вас общего друг с другом. Ведь вы все такие разные, и интересы, по-моему, у вас абсолютно разные.

— В этом вся соль. Наш общий интерес — не лезть друг другу в душу, уважать и терпимо относиться даже к тем принципам, с которыми ты не согласен. Мы докажем им,—

он погрозил кулаком в ту сторону, где была Женева, — что все люди могут любить друг друга.

Встреча в Труане произошла летом 1971 года. И вот много времени спустя я вновь набрал знакомый номер. Ответил мужской голос.

— Гобидагобидибу, — бойко выпалил я.

Ответом было молчание.

— Гобидагобидибу, — повторил я уже менее уверенно.

Он не обругал меня и даже не переадресовал в сумасшедший дом — я всегда говорил, что со швейцарцами приятно иметь дело, — а вежливо объяснил, что «гобида» вся вышла.

Мне все же удалось разыскать Жана-Пьера, и он рассказал мне, почему ушел из коммуны.

— Мы действительно оказались все разные. Через какое-то время начали раздражать друг друга. Иногда по пустякам. Да и «свободная любовь» сыграла свою роль. Лиз порвала с Раймоном и ушла из коммуны; живет у матери, занимается «наивной» живописью. Раймон сошелся с Жанн-Андре и все время сожалел, что расстался с Лиз. Он тоже ушел. Урсула уехала в Соединенные Штаты, вышла там замуж за какого-то актера, разошлась с ним, вернулась в Женеву и работает в библиотеке. По-прежнему пишет стихи. Жильбер сначала сдавал комнаты, потом продал дом и решил основать туристское агентство для хиппи. Вложил пятьдесят тысяч франков в покупку «лендровера» и рекламу своего предприятия, но прогорел. Уехал в Латинскую Америку открывать «новые горизонты».

— Ну а ты сам?

Жан-Пьер невесело усмехнулся:

— Я «обуржуазился». Работаю, обзавелся семьей, воспитываю ребенка. И все же... Я знаю, у вас дух коллективизма всюду. А у нас он редкость. Зато эгоизма хоть отбавляй. Так вот, коммуна освободила меня, и, надеюсь, надолго, от душевной черствости. И за это я ей признателен. Конечно, все зависит от того, зачем ты идешь в коммуны. Кое-кто надеется укрыться там от бытовых трудностей, найти гарантированный прожиточный минимум. Немало и таких, которые видят в коммунах бесплатный дом терпимости или приют для наркомании. И все же большинство бежит в коммуны от пошлости и черствости бытия.

Жан-Пьер поднялся.

— Но ты все-таки не суди о коммунах только по нашему

опыту. Мы действительно были все очень разные. И коммуна наша была примитивной.

После посещения Труане коммунальный опыт меня заинтересовал, и я познакомился со многими другими коммунами.

Небольшая ветхая вилла в женевском районе Лютар. Всего пять членов коммуны. Двое — он и она — бывшие хиппи, побывавшие паломниками в Индии. Живут одной семьей.

— Ваши цели?

— Помогать всем, кто в этом нуждается. Наркоманам, например. Тем, кто порвал с семьей. К нам в коммуну постоянно приходят молодые люди. Одни уходят, другие занимают их место. Кроме нас, здесь всегда живут временно еще четверо-пятеро. Трудно сказать, долго ли просуществует наша коммуна, но мы убеждены, что коммунальная форма жизни — это то, что нужно обществу. Она изменяет людей к лучшему. И даже если мы в будущем будем жить вне коммуны, мы все равно уже другие люди, не те, что были до нашего эксперимента.

Коммуна в Колоњи. Три женатые пары. Биолог, зоолог, три врача, логопед.

— Что заставило вас объединиться в коммуну?

— Поиски нового качества жизни, которое помогло бы избежать всеобщей дегуманизации общества. Поиски новых отношений между людьми. Уход от изоляции и одиночества, присущих современной буржуазной семье. И главное — попытка по-иному осмыслить процессы труда и свободного времени. Одним словом, вернуть жизни утраченный смысл.

Коньком коммуны в женевском пригороде Орне был дзэн-буддизм. Здесь группа юношей и девушек, полных молодой энергии, день-деньской занималась умерщвлением плоти. С помощью песнопений, молитв, монотонного жужжания. Они объясняли мне, что выразить истину «дзэн» словом невозможно, что она открывается лишь в моменты высшего внутреннего озарения. И что в основе «дзэн» лежит идея спасения, которое достигается путем «слияния с миром» через «смерть собственного «я».

В сельскохозяйственной коммуне в пригороде Цюриха мне запомнился плакат, висевший в кухне: «Нет — машинам и химическим удобрениям! Да — лошадям и навозу!».

Старый дом в местечке Драян. Коммуна «Свободные подмости». Ее обычный состав — шесть молодых людей, но в

комнатах всегда тесно: постоянно толчется до десятка «приходящих». Повседневная жизнь не регламентируется никакими распорядками. Никто нигде не работает. Совместно конструируют примитивные декорации, шьют театральные костюмы, пишут пьесы, репетируют их. Время от времени дают спектакли на улице или в каком-нибудь пустующем помещении. Как-то заняли церковь в центре Женевы и дали несколько представлений. Эстетическое кредо — искусство для искусства.

— Каковы источники вашего творчества?

— На первых порах это были мистицизм и религия. Сейчас мы творим под воздействием добровольно принимаемых наркотиков. Без этого нам не удалось бы провести смелые художественные эксперименты.

Один из таких экспериментов — раздевание на публике и исполнение инсценировок в чем мать родила.

«Свободные подмости» просуществовали недолго. После нескольких приводов в полицию коммуну закрыли. Официальная причина: отсутствие гигиены.

Впрочем, и другие коммуны, о которых я говорил, ненадолго пережили «артистическую». Их не закрывали — они лопались сами. Как пузыри на асфальте во время летнего дождя. Но появились другие. Их не стало меньше, о них просто пишут меньше, они перестали быть сенсацией. На газетных полосах рядом с анонсами о продаже недвижимой собственности и предстоящих бракосочетаниях прочно обосновались объявления о том, что такой-то или такая-то предлагает желающим (можно с детьми) объединиться на предмет создания коммуны. Иногда ставят особые условия: желающие должны обладать «глубоким внутренним содержанием» или, на худой конец, просто интеллектом. Некоторые любители экзотики предлагают даже проекты заселения необитаемых островов Тихого океана или Атлантики.

Молодежные коммуны служат для западных публицистов объектом иронии и насмешек. Часто вполне заслуженных.

Мне самому встречались члены коммун, как две капли воды похожие на Андрея Семеновича Лебезятникова из «Преступления и наказания», по словам Достоевского, «из того бесчисленного и различного легиона пошляков, дохленьких недоносков и всему недоучившихся самодуров, которые мигом пристают непременно к самой модной ходячей идее, чтобы тотчас же опошлить ее, чтобы мигом окарикату-

рить все, чему они же иногда самым искренним образом служат». Андрей Семенович мечтал об устройстве «коммуны». Или такие, как знакомая Лебезятникова Варенц, которая «двух детей бросила, разом отрезала мужу в письме: «Я сознала, что с вами не могу быть счастлива. Никогда не прощу вам, что вы меня обманывали, скрыв от меня, что существует другое устройство общества, посредством коммун. Я недавно все это узнала от одного великодушного человека, которому и отдалась, и вместе с ним завожу коммуны».

При всем том коммуны — не просто прихоть западной молодежи, как это нередко представляется. По сути дела, это продолжение поисков, начатых в 60-е годы. Исходный момент их совершенно очевиден: значительную часть юношей и девушек не устраивает буржуазный образ жизни с его главным принципом купли-продажи. Молодые люди недовольны системой образования. Они не понимают смысла своего труда, не видят в нем социальной пользы, быстро теряют интерес к работе, цель которой сводится к деньгам. Сам труд для них теряет всякое творческое содержание и тоже превращается в объект купли-продажи.

На мой вопрос о причине ее ухода из дома Урсула из Труане вместо ответа показала свое стихотворение. Это горькая исповедь.

К безумному отчаянию —
Все ниже и ниже,
Все быстрее и быстрее.
Жизнь убегает от меня,
И я не могу ее догнать.
Улыбка становится маской,
А голова — инструментом труда.
Лишь душа продолжает кричать:
Но ведь человек прекрасен!
Устала я...
Я сникаю на письменный стол.
И поздно вечером
Меня подбирает уборщица —
Несколько безвольных клочков —
И бросает в корзину для бумаг.
Меня больше нет,
Мой пламень погас...
Да здравствует труд
Ради единственной вечной ценности —
Ради презренных бумажек,
О, прости меня, я хотела сказать: денег.

То же самое, только в прозе, я слышал от многих молодых людей в самых различных коммунах. Мишель, с которым я познакомился в 1973 году в одной из французских коммун, сказал об этом, пожалуй, лучше всех:

— В моем роду все мужчины по отцовской линии — адвокаты. Дед кого хотел, того и обслуживал. Папа служит боссу и делает то, что ему приказывают. Постоянно охает и жалуется на свою судьбу, вспоминает старые добрые времена, но тянет лямку. По инерции. И потому, что не мыслит себе, как расстаться с жизненным комфортом и достатком, особенно в нынешние времена, когда недолго лишиться и такой работы. Что касается меня, то я лучше всю жизнь буду мыть полы в коммуне, чем обслуживать патрона. Отец в ужасе и требует, чтобы я объяснил ему, почему удрал из университета. А я не удрал, а ушел с высоко поднятой головой. Ему этого не понять. Так же как не понять и того, что, мастера всякие безделушки и продавая их на улице, я по-настоящему счастлив. Потому что свободен и распоряжаюсь собой сам.

Протест Мишеля — это бунт против отчуждения, падения престижа свободных профессий, превращения врачей, адвокатов, профессоров в наемных прислужников монополий. И не случайно молодые участники коммун, как правило, дети врачей, адвокатов, профессоров, с таким обостренным интересом относятся к художественному творчеству. Во всех без исключения коммунах в большом почете гитары и ударные инструменты, кисти и мольберты.

Характерно и другое: за редким исключением «коммунары» обращаются к различным вариациям авангардистского искусства. С какими только диковинными «новыми» направлениями я не познакомился в различных коммунах: и с «полигональным», и с «непроницаемым», и с «полуорганическим», и с «гиперструктуральным». И какой только поп-музыки не наслушался! Пока наконец не понял, что все это не случайно и что подобные искусства сродни внутренней сущности коммун.

Хорошо известно, что субъективно авангардистское искусство — и его представители сами об этом неоднократно заявляли — является протестом против сведения жизни к тупому потребительству.

Точно так же обстоит дело и с коммунами. Резкий протест членов коммун, как, впрочем, и предшествовавших им хип-

пи, против тупика жизни при капитализме не исключает их приспособления к буржуазному обществу. Само возмущение молодежи пронизано характерными чертами буржуазной культуры: оно негативно, индивидуалистично и, как это ни парадоксально, антиинтеллектуально.

Движению коммун недостает радикализма: оно не требует ликвидации причин, лежащих в основе антиинтеллектуализма, а проявляется в индивидуальной эксцентричности, в сексуальных отношениях, в наркомании, в поисках новой религии, нового искусства. Лозунги на стенах коммунальных кухонь и коридоров ниспровергают буржуазную сытость. «Коммунары» пытаются, выработав новые «правила игры», жить по-новому. Но «новое» нередко оборачивается старым и реакционным.

Изолированный от массового рабочего движения анархистский штурм буржуазного общества, предпринятый определенной частью молодежи капиталистического Запада в конце 60-х годов, успеха не принес. И как бывает в подобных случаях, на смену ему пришел период разочарований и тяжелых раздумий. Стала модной такая форма протеста, как массовый уход из общества, разрыв с ним. Это был медовый месяц хиппизма с грандиозными фестивалями поп-музыки.

Коммуны — очередная форма протеста, вобравшая в себя и элементы студенческого бунтарства, и элементы хиппизма. Это еще одна утопическая попытка изменить общество. На сей раз не ломая его и не уходя из него, а создавая эталоны новых социальных отношений внутри старого общества. Поиски эти заканчиваются по-разному.

Пожалуй, самой интересной была коммуна в Преверанже, местечке, расположенном в девяти километрах от Лозанны. Я посетил ее в 1976 году.

Опять кухня — неизменное место дискуссий. Меня интересовала эволюция этой стойкой коммуны, существовавшей с 1971 года. Молодые люди охотно отвечали на мои вопросы.

Клод Андре:

— Причина столь продолжительной жизни нашей коммуны в том, что она имеет ясную политическую цель: изобретение нового общества, без угнетения и эксплуатации.

В различных вариациях слово «изобрести» Клод повторил не однажды: изобрести новый образ жизни, изобрести новую идеологию, изобрести новый тип политической организации...

А начинала коммуна из Преверанжа с крайнего экстремизма. В период образования ядро ее составляли воинствующие гошисты из политической ячейки «Рюптюр». В переводе с французского это означает «разрыв». Разрыв с традиционными буржуазными ценностями, борьба против них. И сейчас еще Клод и его друзья с удовольствием вспоминают, как они атаковали в 1972 году здание американского консульства в Берне, швыряли в него бутылки с зажигательной смесью.

Вспомнили демонстрацию протеста в Лозанне против повышения цен на билеты в кино, которая закончилась потасовкой с полицейскими. Клод попал тогда в тюрьму.

Потом вспоминали о «хождении в народ». Интересовались жизнью рабочих, а Пьер, как будущий врач, даже участвовал в разбирательстве дела о производственной травме, полученной испанским рабочим. Тогда же выдвинули лозунг: «Несчастный случай на работе — легальное убийство!». После катастрофы на плотине Маттмаркт, где погибли шестьдесят четыре рабочих, устроили митинг протеста.

Пьер-второй слушал воспоминания друзей молча. Потом заговорил:

— Все это было пустым баловством. Лично я не участвовал ни в каких политических группировках и демонстрациях. Меня поражало, как можно раздавать листовки незнакомым людям, абсолютно не интересуясь, что те думают и как воспринимают содержание листовок. Думали не о движении, а только о себе в нем. Если хотите, о своем удовольствии. И бунтовали не потому, что понимали, для чего бунтуют, а потому, что это было модно и потому, что так делали другие. Идиотизм.

Клод отпил глоток вина, вытер салфеткой губы.

— Да... период политической эйфории. Так продолжалось до тех пор, пока из коммуны не ушел Момо и не покончил самоубийством Жан-Люк. С тех пор все пошло наперекосяк.

Жан-Люк, физик, из всех членов коммуны получал самую большую зарплату и обладал самой хрупкой нервной системой. Он очень остро переживал все перипетии коммунальной жизни, пытался разобраться в непрерывно возникавших житейских и идеологических противоречиях. Периоды возбуждения и активной деятельности сменялись у него периодами тяжелой депрессии. «Свободная любовь» и наркотики

тоже делали свое дело. Во время очередной депрессии он написал плакат «Делай все, что хочешь!» и выбросился из окна.

С Момо (так в коммуне звали рабочего парня Клода Моттье) я встретился еще до поездки в Преверанж, и он рассказал, почему порвал с коммуной.

— Сначала мне было интересно. Мы все вместе пытались осмыслить события, происходившие вокруг нас. Свободные сексуальные отношения казались проявлением личной свободы. К тем, кто курил марихуану, относились лояльно. Но постепенно во мне нарастало раздражение против такой жизни. Восемь часов я проводил на заводе среди товарищей, которые не выдумывали проблем, а решали действительно важные для них вопросы. И мне было странно слушать, как мои друзья по коммуне, совершенно не знавшие жизни рабочего класса, требовали навязать ему свою точку зрения. Особенно настырным в этом плане был Марио Лицанни, студент из Турина, который жил с нами в коммуне одно лето. Он говорил, что в пролетариате аккумулировалась «вековая энергия разрушения», которую можно использовать для сокрушения буржуазии. И даже сравнивал рабочий класс с ядром урана, которое при известном внешнем воздействии расщепляется и дает ядерную реакцию взрыва. Рабочим он отводил роль пассивного элемента, ждущего толчка извне. Я пытался возражать против этого, говорил, что рабочие даже не захотят с нами разговаривать на эти темы, что им чужда игра в бирюльки. В ответ меня обвиняли в узком синдикализме. Потом история с американским консульством. Я осудил экстремистские действия, потому что знал: обыватели смотрят на нас как на бандитов и отребье, а это компрометировало идею, что устраивало правых. Клод Андре говорил: плевать, что думают другие, важно то, что мы сами делаем и думаем о себе.

Я чувствовал, что у Момо наболело на душе и он тяжело переживал разрыв с приятелями из Преверанжа.

— И еще. Сам я из простой семьи и чувствую, что мне не хватает знаний, я мало читал. Хотелось наверстать упущенное. То же сознавали мои товарищи-рабочие. А в коммуне происходило что-то непонятное. Жан-Люк, Изалина, Пьер, Клод росли в интеллигентных семьях, были начитанны, им все давалось легко. Особенно выделялся Жан-Люк. Когда мы основали коммуну, он привез в Преверанж массу книг. Он

заканчивал тогда философский факультет Женевского университета и читал Гегеля, Хайдеггера, Канта, Бергсона, Маркузе. А в свободное время любил играть на клавесине Шопена и Бетховена. Каждая беседа с ним давала мне очень много. А потом все вдруг изменилось. Во время одной дискуссии наши интеллектуалы решили, что их культура буржуазна, что революционерам такое не пристало. Это послужило сигналом к началу «культурной революции». Жан-Люк очистил свою комнату от книг, продал клавесин, заменил очки на контактные стекла и заговорил на ужасном жаргоне. После очередного бурного диспута я собрал чемодан и ушел. В конце семьдесят четвертого года участвовал в учредительном съезде молодых коммунистов Швейцарии. Иногда наведываюсь в Преваланж, судьба членов коммуны мне не безразлична. Сейчас они ищут новые практические пути и вырабатывают новую философию, как они говорят, философию тотального человека.

Я заинтересовался, в чем же состоит суть этой новой коммунальной философии. Опять говорил Клод:

— Мы хотим революционизировать действительность уже сегодня, немедленно. Коммунисты в теории говорят правильные вещи, но на практике сами исполняют роли, предписанные им организацией, следовательно, они интегрированы в буржуазной системе, в капиталистической структуре.

Клода поддержал Пьер-первый:

— Вот коммунист Форель из Ниона, вы его знаете, он лечит бедных и не берет с них платы, но он не ставит под сомнение саму медицинскую систему, не изменяет буржуазных иерархических отношений между врачом и больным, не революционизирует эту систему.

— Вы не только против капиталистической организации, но и против всякой организации вообще? Против университета, школы?..

— Мы считаем, что всякая жесткая организация неизбежно сводится к бюрократизму, иерархии.

— Какова же ваша позитивная альтернатива?

— Коммуна. Мы маленькая горсточка песчинок в вековой машине угнетения, но ведь и песчинка может остановить механизм. Мы экспериментируем. Любовь, гашиш, труд — все это аккумулировалось в нашей коммуне. Наркотики — это орудие освобождения. Они помогают нам распознать,

что делается внутри нас. И, как следствие, коснуться механизмов, блокирующих сознание. Здесь, в коммуне, рождается новый тип личности.

Такова эта новая «коммунальная философия», в которой политическое самоуправление достигается с помощью трансцендентного подсознания и сексуального инстинкта. Торопясь изменить действительность, члены коммуны редко оглядываются по сторонам, чтобы присмотреться к этой действительности. Они — за свержение капитализма, за немедленные изменения, но против серьезной подготовки к этому. Но подобное возможно только на словах и в воображении.

Маркс писал, что всякая мифология преодолевает, подчиняет и формирует силы природы в воображении и при помощи воображения; она исчезает, следовательно, с действительным господством над этими силами природы.

Это верно не только в отношении сил природы, но и сил общественного развития. Непознанные, эти силы могут быть преодолены только в воображении и с помощью воображения.

Испытывая страх перед любой рациональной теорией и политической организацией, молодые члены коммун все свои планы и надежды связывают с «новой» личностью, свободной от рамок какой-либо организации. При этом они отвергают не только роли, предписываемые личности капиталом, но и то место, которое устанавливает для личности социализм.

Не имея серьезного теоретического багажа, никакой шкалы социальных ценностей, молодые «коммунары» заполняют свое миротворчество ценностями, выклеванными из всевозможных модных книжек и брошюр. Клод Андре употребил именно это слово — «клевать»: «Мы выклевывали из книг два-три элемента, соответствующие нашему образу мышления».

Клевали из модного Герберта Маркузе, не менее модного Чарлза Рейча, гошиста Кон-Бендита, американского «хиппи» Джерри Рубина, из цитатника Мао Цзэдуна. Приобщались к их мыслям и к их терминологии. В воскресных дискуссиях все чаще говорили об «одномерном рабочем классе», якобы интегрированном в системе, о «маргинальных интеллигентах», бросивших вызов «репрессивному обществу» и борющихся за «тотального человека», о «трансцендентном созна-

нии», «трансформации сексуальной энергии в политическую», спрессовывали мысли в примитивные дацзыбао и верили, что вырабатывают свою собственную философию, участвуют в революционном переустройстве жизни.

Они противопоставляют себя привычному эталону «делового человека», отчужденного, коррумпированного, антигуманного, который тратит жизненные усилия на гонку за успехом. Облекают свой протест в эстетические и сексуальные формы. Пытаются изобрести свою «параллельную» культуру, которая, по их мнению, должна создать нового, гуманного человека и разложить капитализм изнутри.

Глядя на «коммунаров» из Преверанжа и слушая их рассказы о своей жизни, я никак не мог избавиться от ощущения: при всей внешней активности они очень напоминают своих сверстников из коммуны в Орне, которые умерщвляют с помощью дзэн-буддизма собственное «я» и уходят от реальной действительности. Этим не без выгоды для себя пользуются «реалисты», стоящие обеими ногами на капиталистической почве и кровно заинтересованные в ее защите. Как показала практика бурного молодежного десятилетия, капитализм готов принять любое «творчество», абсорбировать любой протест. Лишь бы он не выходил за абстрактно-эстетические рамки. Или за рамки «сексуального взрыва». Такие протесты не опасны буржуазии. Больше того, они служат клапаном, через который можно выпустить пар из чрезмерно накалившегося котла.

В коммунах действительно отчаянно бранят капитализм. Только капитализму это не страшно. От трубных звуков стены рушатся только в мифах. Организованному господству капитала страшна не иррациональная болтовня, а организованная сила рабочего класса и всех трудящихся.

Запись из дневника Клода Андре: «От нас ушел Момо, славный малый Момо, честный пролетарский герой, сошедший к нам, быть может, прямо со страниц книги «Как закалялась сталь». Он вернулся к своей партии, партии рабочего класса».

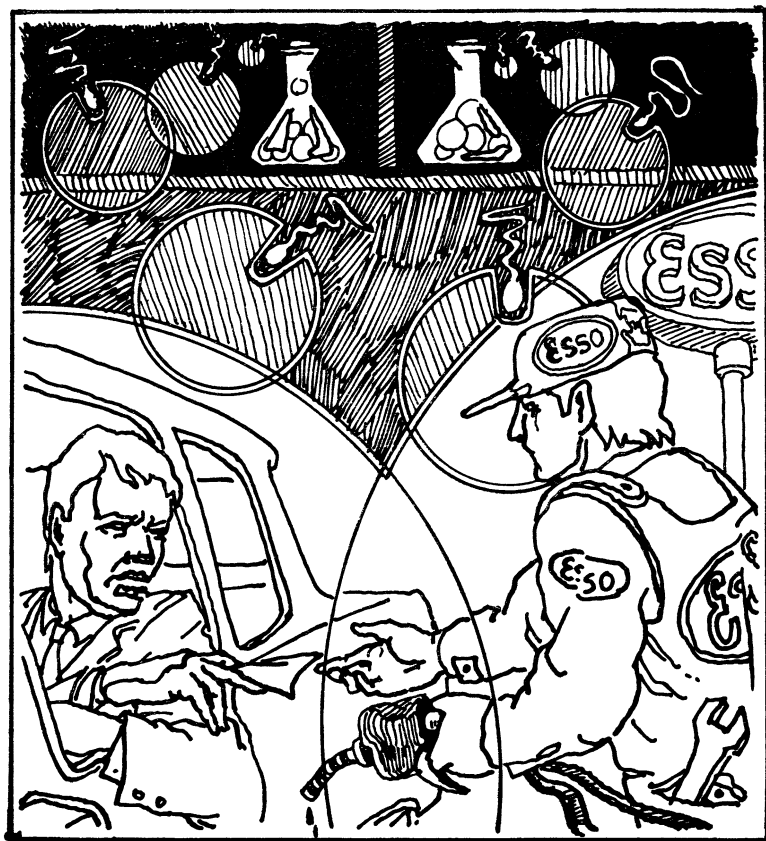
Момо выбрал свою баррикаду, и таких, как он, становится все больше.

А вот Марио Лицанни, о котором упоминал Момо,— об этом я узнал несколько лет спустя—стал у себя в Турине активным членом одной из «красных бригад» и участвовал в

целом ряде террористических акций. В том числе и против рабочих, которые «не оправдали» его ожиданий и не пошли на поводу у террористов. А сами «красные бригады», как известно, своими кровавыми и глупыми акциями поставили себя на одну доску с крайне правыми террористами.

Как-то в беседе с обитателями одной из женевских коммун я поинтересовался, не кажется ли им, что капиталистические монополии отнюдь не содрогаются от их протестов. Что протестуя, в частности, против традиционных семейных канонов или выступая за «раскрепощение секса», они, не замечая того, цитируют модных буржуазных психоаналитиков и сексологов. «Коммунары» искренне удивились такой постановке вопроса.

Философский базар

Новая философия?

«Вот уже несколько месяцев я занят увлекательнейшим делом. Я пытаюсь разобраться в проблеме, которая за неимением лучшего термина получила название «молодежная революция»...» Эти слова принадлежат Д. Рокфеллеру — монополисту и мультимиллионеру.

Монополии исследуют молодежные проблемы. И поощряют такие исследования. «Перед нами открывается уникальная возможность,— говорит Д. Рокфеллер,— соединить в одно целое наш возраст, опыт, деньги и организацию с энергией, идеализмом и социальным сознанием молодых».

О целях подобной операции по соединению денег, опыта и организации капитала с социальным сознанием молодых, предлагаемой известным миллионером, догадаться нетрудно.

Конечно, времена, когда кардиналы поставили Галилея на колени и потребовали от него во всеуслышание отказаться от «ереси», прошли безвозвратно. Буржуазные идеологи действуют более тонко. Руководствуясь своей классовой интуицией, они улавливают малейшие нюансы молодежных настроений и интерпретируют их определенным образом, превращают их в искусственные потребности, осуществление которых компенсирует чувство неудовлетворенности молодых людей.

Так, стихийное и глобальное отрицание бунтующей студенческой молодежи всех авторитетов — отца, профессора,

властей — было подхвачено на лету неофрейдистами, которые интерпретировали бурный май 1968 года как проявление эдипова комплекса, как трансформацию ущемленного полового инстинкта в политическую энергию. Согласно этим теориям, все сексуальные нормы до последнего времени имели репрессивный характер и с помощью таких «буржуазных изобретений», как семья и брак, подавляли эротическую энергию личности.

Иными словами, это означает, что рост «сексуального потребления» увеличивает степень свободы индивида даже в рамках «репрессивного общества». И в этом смысле коммуны, где молодежь может всюю предаваться сексуальной свободе, служат лучшей альтернативой буржуазному обществу. Ведь именно в коммунах такие общественные ячейки, как семья, и такие общественные институты, как брак, теряют смысл.

Капитал всюю использует подобные концепции, отвлекающие внимание от социальных проблем, отводящие недовольство молодежи в русло борьбы за освобождение от сексуальных табу и отождествляющие такую борьбу с подлинной революцией.

«Баррикады на улицах — результат разбаррикадирования сексуальных инстинктов!» Этот тезис сформулирован Клодом Андре. Но помогли его вывести ученые — интерпретаторы молодежного протеста. Разумеется, с помощью крупнейших издательств, газет, радиостудий и телевизионных компаний.

Вместе с тем значительная часть западной молодежи живо интересуется марксистской теорией, хочет знать о ней из первых рук, из трудов писателей-марксистов. Вот тут хорошо смазанный механизм «свободного» рынка начинает давать перебои и буксовать. Есть потребность в знании научной теории общественного развития? А так ли это уж нужно? Не лучше ли почитать некоторых модных интерпретаторов марксизма? Пожалуйста. И вновь механизм работает на полных оборотах.

«Интерпретаторы» убеждают молодых людей, что на смену отмирающим концепциям «разума» и «логики» приходят живые понятия «чувств» и «импульсов». Мышление они объявляют поверхностной формой отношения к миру, тогда как подсознательное, иррациональное, вымышленное провозглашают глубоким и истинным.

Книга французского социолога Жана-Франсуа Ревеля «Ни Маркс, ни Иисус» рекламировалась буржуазной прессой как один из бестселлеров века. «Кто говорит «революция», — пишет Ревель, — тот имеет в виду феномен, который невозможно осмыслить, пользуясь старыми концепциями. Основа и залог революционного сознания — это способность к вымыслу, результат коллективного воображения...» И далее: «Мерки XIX века, применявшиеся при делении общества на классы, к нынешней ситуации явно неприменимы». Этих мерок придерживаются лишь «догматики, мыслящие традиционными категориями политической борьбы». А «нам нужна не столько политическая революция, сколько анти-политическая».

«Самое неприятное, что может случиться с молодежью, — предупреждает Ревель, — это увлечение идеологиями XIX века», ибо «творческое начало тогда будет подавлено желанием согласовать революционное творчество с концепциями, возникшими в период, который по отношению к современной революции можно считать доисторическим».

Не столь трудно догадаться, против какой идеологии XIX века выступает Жан-Франсуа Ревель. Конечно же, против марксизма. Но что предлагает он взамен? Поскольку, по его мнению, «основной целью революции, в которой мы сейчас больше всего нуждаемся, должно быть уничтожение патологической агрессивности», постольку молодежь должна «творить революцию, не предаваясь размышлениям и рассуждениям о ней».

Логично. Раз в основе революционных преобразований лежит вопрос патологический — значит, революционная теория здесь не нужна. Этот вопрос вполне могут решить за трубкой марихуаны или за совместной мойкой посуды жители коммун. И теории свои они могут изобрести сами. И изобретают.

Жильбер Гренье оказался прелюбопытнейшим экземпляром. Этнограф по специальности, Жильбер преподавал историю в одном из лицеев Браззавиля. До Конго он работал в Камеруне и Габоне, он большой приверженец всего африканского. «Это, — сказал он, — реакция на Европу, от которой меня тошнит». Внешне Жильбер очень колоритный тип: невысокого роста, коренастый, с густым ежиком волос, с черной бородой, пронизанной нитями седины, с синими

глазами; он может сойти и за молодого, и за пожилого — на самом деле, когда мы познакомились, ему было 33 года.

Жильбер участвовал в баррикадных боях в Латинском квартале Парижа в мае 1968 года, примыкал к «новым левым», потом стал активным последователем «новых философов» и вот теперь начал симпатизировать «новым правым», хотя и не без оговорок. Мне он был интересен, поскольку проделал путь, типичный для многих своих сверстников. Мы неоднократно встречались и подолгу беседовали, спорили. Мне особенно запомнилась одна наша беседа в октябре 1979 года, когда он вернулся в Конго из Франции, где провел летние каникулы и где «задышался», по его выражению, от «буржуазной атмосферы» и с нетерпением ожидал дня, когда снова окажется в Африке.

Мы сидели на террасе кафе «У папы Кло» в черном квартале Браззавиля. Несмотря на поздний час, было душно. Это не смущало конголезцев, которые, не останавливаясь, танцевали под магнитофонные записи. В полумраке светились красные языки мангалов, на которых жарились и тут же продавались со специями сочные куски мяса. Воздух был насыщен прогорклым дымом, пощипывающим глаза.

Жильбер откровенно наслаждался всем этим. Он вздохнул всей грудью:

— Как чудесно, ты не находишь? Вольно здесь. В Париже не то. Ты знаешь, у меня там было такое впечатление, что все чего-то боятся. Вроде бы нечего бояться и вместе с тем... Как мертвая зыбь — на поверхности гладко, а под водой бурлит. И все растерянны. Начиная с президента Жискара д'Эстена. Взять хотя бы его интервью «Пари-матч». Ругает «общество потребления», говорит о тупике, в который мы зашли, об утрате духовного единства нации. По его мнению, «общество потребления» убивает Францию. Призывает к отказу от потребительских идеалов, к замене их новыми ценностями — духовными, эстетическими.

Жильбер посмотрел на меня пытливо:

— Каково, а? Ведь мы предлагали то же самое в мае 68-го. И тогда, может быть, не все еще было потеряно. Но с тех пор прошло 10 лет, и все это время нам вдалбливали в головы, что высшая прелесть жизни — это жратва и барахло. А теперь, видите ли, эстетика. Не выйдет, мсье Жискара. Обещали барахло — гоните барахло, платите по векселям. А ведь и этого не могут. Захотели духовного единства. Смейся

или плачь! Я и авиационный король Марсель Дассо! А? Мы оба — французская нация, согласен. А вот насчет нашего с ним единства духа, тут я попрошу. Мсье Дассо имеет 24 миллиона франков годового дохода. В 6000 раз больше меня. Когда мсье спросили, как он относится к социальным различиям, он ответил: се ля ви, такова жизнь. Вот и попробуй установить с таким духовную общность.

— Согласен. Но и у нас в России такое было. И как видишь...

— Ты о революции? Только вот что: во-первых, меня лично ваша революция не очень устраивает. Во-вторых, на революцию мы уже не способны: отравлены потреблением, боимся потерять кости, которые нам швыряют.

— Начал ты свои рассуждения, Жильбер, неплохо, а закончил как заправский либерал. Раймон Арон с удовольствием пожал бы тебе руку.

Жильбер засмеялся: не лови на слове. Потом посерьезнел.

— На меня трудно навесить какую-нибудь этикетку. В чем-то я действительно согласен с Ароном, в чем-то с теми, кто считает, что западная цивилизация — это несчастная случайность истории, которой могло бы и не быть. Я тоже полагаю, что капитализма можно было бы избежать, если бы нравственный идеал не был разрушен наглым вторжением законов чистогана.

Я слушал его и думал: до чего странно. В свое время русские народники проповедовали соединение нравственно-го идеала с общинной формой жизни, с крестьянским социализмом, что, по их мнению, должно было помочь России пойти своим путем, избегая всех отрицательных сторон индустриального прогресса. Но ведь это было специфично именно для страны, относительно поздно ставшей на путь буржуазно-демократических преобразований. И вот теперь ту же теорию проповедуют люди, живущие в условиях перерезавшего капитализма, и ищут спасения все в тех же мелко-буржуазных идеалах примитивного равенства. И бранят научный прогресс, который якобы виноват во всем.

Именно его и бранил сейчас Жильбер Гренье. Бранил горячо и убежденно. Ссылаясь на авторитеты, прошлые и настоящие.

— Послушай, ты ведь не считаешь дураками, например, Свифта и Ницше? Но ведь они и многие другие говорили о

том, что наука принижает человека, обедняет воображение, уничтожает индивидуальность, нивелирует все думающее, мыслящее. Ты не согласен?

— Нет, Жильбер, не согласен. Я могу привести тебе имена не менее почтенных мыслящих людей, которые прославляли науку. Да ты и сам их знаешь, и не в авторитетах дело. Будь логичен: коль ты отрицаешь науку, отрицай и разум вообще. Нонсенс? Но ведь именно до этого договорились твои друзья — «новые философы» — Бернар-Анри Леви и другие. Философы, отрицающие разум, мудрость! В то время как само слово «философия» переводится как «любовь к мудрости». Что же остается тогда от философии?

Жильбер слушал меня и улыбался, а потом вдруг расхохотался.

— Не сердись, ты сейчас тоже будешь смеяться. Помнишь, когда я уезжал в отпуск, ты просил поинтересоваться, как обстоят у нас дела с философией. Так вот, приехал я в Париж, и буквально через неделю друзья затащили меня в Сорбонну, где проходили «Генеральные штаты» философов — так звучно назвали собрание, на котором преподаватели-философы решили провозгласить, что философия — это дело серьезное и что ее, а вместе с ней и философов, следует уважать.

Наш почтенный профессор ругал университетскую реформу, которая за последние семь лет сократила 70 процентов ставок преподавателей, в основном философов. Он говорил, что философам, вероятно, придется переквалифицироваться в учителей бриджа, поскольку в век электронно-вычислительной техники они стали нерентабельными. К слову, с историками происходит то же самое. Другие тоже выступали в том же духе, кое-кто даже иронизировал и предлагал отменить само слово «философия». Все смеялись, а потом на трибуну вышел студент и сказал примерно так: не смешно, господа! Вы тут говорите, что власти вас ущемляют, потому что боятся вас. Полноте, вас никто не боится, потому что вы сами, профессора, превратили философию в пустышку. Вот так обстоят дела у нас с философией. С мудростью. Что же ты не смеешься?

— Потому что «не смешно, господа», как сказал тот студент.

Я допускаю, что дебаты в Сорбонне проходили именно так, как их живописал Жильбер, но ведь собрались филосо-

фы неспроста, их действительно волнуют судьбы философии, которая все больше превращается на Западе в бедную падчерницу. А между тем опросы, проведенные под эгидой ЮНЕСКО, свидетельствуют о росте у молодежи западных стран интереса к политике, идеологии и культуре, которые самым тесным образом связаны с философией. Ущемить философию в этих условиях — значит задержать развитие политического сознания молодежи, и вернее всего это можно сделать, разрушив фундамент философской науки в самых ее массовых центрах — в лицах и университетах. Увеличение доли чисто технических и непосредственно рентабельных предметов за счет гуманитарных дисциплин как раз и имеет своей целью создание слоя технически грамотных, но аполитичных работников.

С тем чтобы физики занимались только физикой, химики — химией, математики — математикой. Физика отвечает на вопросы, касающиеся свойств вещества, дает на них точные ответы, это рентабельно. Химия выводит точные формулы всевозможных соединений, их реакций, и это рентабельно. Математика позволяет выразить все эти процессы в точных величинах, и это тоже рентабельно. А философия наталкивает на вопросы о смысле бытия. Это не только нерентабельно, но и опасно.

И вместе с тем на Западе, как никогда раньше, распространяется «философствование» по каналам радио, телевидения, прессы. Разумеется, под контролем корпораций и правительственных органов. Используя ореол «революционеров», заработанный во время майских событий 1968 года, участниками которых они были, «новые философы» обвиняют теперь во всех грехах и бедах человечества не только Маркса и Энгельса, но даже Вольтера, Руссо и прочих идейных предшественников буржуазной революции.

Основой «новой философии» служит мысль о том, что все власти плохи: и власть рабовладельческой аристократии, и власть капитала, и власть социалистического государства. А поскольку в основе всякой власти лежит та или иная идеологическая концепция, то долой идеологию и вообще всякий философский рационализм и социальный детерминизм и, прежде всего, долой философию диалектического и исторического материализма.

Что же вместо нее? На позитивное решение у «новых философов» сил уже не остается, вся энергия ушла на отри-

чение. Поэтому позитивные идеалы они заимствуют у религии, говорят о любви к ближнему и к народу, но не к пролетариату или трудовому крестьянству, а к людям вообще, к расплывчатому конгломерату, который они именуют «плебсом». И, естественно, конкретный путь воплощения подобной абстрактной любви они видят не в «идеологической революции», а в абстрактной «культурной христианской революции», которая, по утверждению бывших маоистов, а теперь «новых философов» Жамбе и Лярдро, должна начаться с «приходом Ангела». Поди разберись, что это такое — «приход Ангела» и с какой стороны его ждать.

А еще один «новый философ», Андре Глюксман, отдавая дань умершему в конце 1983 года Раймону Арону, соглашается с последним, что «буржуазное общество — это наименьшее из возможных зол на сегодняшний день». И присоединяется к Генри Киссинджеру, который считал Арона самым крупным философом современности. Трогательное единство «левого» с «правым». «Новые философы» получили шумную рекламу в прессе, радио, телевидении. Один из французских социологов, Морис Клавель, даже заявил, что появление «новой философии», которую он сам интуитивно предугадал еще в мае 1968 года, будет началом новой эры, ибо эта молодая философия отбрасывает с дороги тот «отравленный рационализмом Разум, который выступает в роли Люцифера». Он пояснил, что «новая философия» означает возврат к «чистому трансцендентному мышлению, мышлению без концепций» и что это — «культурная революция, означающая окончательный разрыв с марксизмом».

Это уж точно. В симпатии к марксизму «новых философов» обвинить трудно. Они охотно принимают все, что есть антимарксистского, а заодно и антисоветского в современных теориях, бытующих на Западе.

Уже упомянутый Морис Клавель, которого именуют отцом «новых философов», заметил строго, что надо глядеть в корень, то есть покончить с Марксом. «Маркс как мыслитель революции, будь он диалектическим материалистом, структуралистом или феноменологом, исчерпал себя и больше не существует». И Клавель заключает: «Кто порывает с Марксом, освобождает свой разум!» Но, как мы видели, «новые философы» сами используют свой «освобожденный разум» для того, чтобы покончить с Разумом.

И тем самым помогают капитализму. Идеологи капитала

быстро сообразили, что «новых философов» — антикоммунистов можно с выгодой использовать в своих интересах. Одно дело, скажем, когда о «советской угрозе» говорят политики или журналисты, и совсем другое, когда об этом вещают люди, имеющие ученые звания, это выглядит гораздо солиднее.

В конце 1984 года в вояж по странам Западной Европы отправился уже упомянутый Андре Глюксман. Целью его лекций была поддержка милитаристского курса США и НАТО. И — очернение миролюбивой внешней политики СССР и антивоенного движения на Западе. Точно охарактеризовал сущность этого «нового философа» парижский еженедельник «Канар аншене»: «Атлантический строчкогон, претендующий на роль некоего «творца идей», однако в действительности не имеющий и намек на собственные мысли».

Как и следовало ожидать, пророчества Клавеля, предвещавшего долгую и славную жизнь «новым философам», оказались скороспелыми, как и сама «новая философия». Экстравагантность новых мыслителей не могла долго скрывать их философскую несостоятельность. Если они и внесли в философию что-то новое, так это разве лишь то, что превратили ее, как точно отметил в газете «Монд» Жиль Делез, «в разменную монету торговцев от прессы, телевидения и литературы. Вместо того чтобы утвердить и открыть в философии новую школу, они открыли философский базар». А поскольку никакая теория, построенная на голом отрицании, не может продержаться долго, уже с самого начала было очевидно, что «новая философия» должна уступить место какой-нибудь еще более новой и модной теории.

«Новые» старые

И она появилась. Точнее, ее вывезли очередным модным товаром на тот же «философский базар». Речь идет о «новых правах». Можно без всякой натяжки сказать, что появление «новых правых» было закономерной реакцией на бесплодность идеологических концепций «новых левых», которые отбросили марксизм и ничего не предложили взамен. Идеология не терпит вакуума.

«Новые правые», напротив, заявили о готовности взять на себя «миссию просветителей» и даже «энциклопедистов» в современных условиях, когда для «возрождения Запада» необходимо «перекинуть мост между эпохой, предшествующей 1789 году, и эпохой после 2001 года». Иначе говоря, «новые правые» предлагают свое собственное «всеобъемлющее мировоззрение», базирующееся на достижениях биологических, физических, экономических, социальных и прочих наук. Ну а политический контекст внедрения этого нового мировоззрения заключается в пересмотре существующей системы ценностей. Без излишней скромности «новые правые» именуют это революцией «с обратным знаком».

Но в политическом словаре революция с обратным знаком именуется контрреволюцией. Вот в этом, если называть вещи своими именами, и состоит идеологическая цель «новых правых»: отбросив риторику «новых философов», возродить консервативные ценности Запада, погрязшего в духовном кризисе, и дать ему «новые стимулы к жизни».

Все это идеологи «новых правых», надо отдать им должное, сформулировали предельно четко и понятно. Но вот что касается самой их теории, то в ней, так же как и в теориях «новых философов», трудно обнаружить что-либо существенно новое. Чтобы соткать ткань своей идеологии, «новые правые» кое-что взяли у социал-дарвинистов, кое-что у антропосоциологов, кое-что у мальтузианцев. В результате получилась лоскутная теория, скрепленная, однако, единой идеей — идеей борьбы против демократии. Один из идеологов «новых правых» Ален де Бенуа, главный редактор парижского журнала «Новая школа», не нападает прямо на демократию, он говорит лишь о том, что «новые правые» враждебны «редукционизму», или теории сведения всех людей к единому знаменателю. И весьма красочно рисует процесс обеднения и нивелирования многообразной человеческой культуры с помощью средств массовой информации, сводящих моральные ценности к ценностям сугубо потребительским. И в будущем он не видит ничего отрадного.

Спасение человечества, если это еще возможно, Ален де Бенуа усматривает в свободном развитии генетического кода, заложенного от рождения в каждом индивиде. А развитие этого кода, по его словам, зависит прежде всего от индивидуальной воли каждого. «Человек не свободен от того, какими пульсациями и в каком количестве он наделен от приро-

ды. Но он свободен избрать свой собственный путь реализации этих пульсаций. Человек создает себя сам. Если схемы его поведения определены изначально, то само поведение зависит исключительно от его свободного выбора».

Удивительно схоже с размышлениями Фридриха Ницше о неизбежном, природой определенном неравенстве воли, а следовательно, и о разделении людей на лишенных воли рабов и обладающих свободной волей господ («мораль рабов» — «мораль господ»). Однако если Ницше не скрывал, что все его помыслы были направлены на то, чтобы «сдерживать поток по-видимому неизбежной революции», то Аллен де Бенуа утверждает неизбежность «неравенства культур» и считает этот фактор вполне положительным. «Новые правые» спешат успокоить общественность и клянутся в своей приверженности республиканскому режиму. «Мы — республиканцы», — провозглашает Бенуа. На что ему резонно возражают: допустим, но если вы, республиканцы, отвергаете идею равенства, то что остается от демократии?

«Новые правые» отрешиваются от фашизма, но открытые неофашисты с большой для себя пользой берут на вооружение псевдонаучные социобиологические изыскания «новых правых». Руководитель профашистской Федерации национального и европейского действия (ФАНЕ) Марк Фредриксен писал: «Объединить всех фашистов в единую европейскую и мировую организацию — такова задача момента. Мировая фашистская революция выведет нас на большую дорогу духовного и биологического обновления». Сейчас фашистские организации существуют во многих капиталистических странах, особенно их много в Соединенных Штатах.

Они поносят всяких либералов, в том числе и «новых философов» с их болтовней о всеобъемлющей любви, равенстве и братстве во Христе.

Но вот что любопытно: при всей своей неприязни к либералам «новые правые» полностью солидарны с ними в отрицании идеи исторического прогресса, принципа поступательного развития истории от низших общественно-экономических формаций к высшим. И тут «новые правые» и «новые философы» становятся под одно знамя отрицателей марксизма-ленинизма. «Мы отрицаем, — говорит Бенуа, — все формы детерминизма... все доктрины, утверждающие, будто

социальные структуры и сама история могут быть объяснены в свете какой-либо единой детерминанты».

А раз так, то человек может создавать свою культуру сообразно своей собственной воле. Бенуа провозглашает именно это: «В противовес сторонникам теории историзма, согласно которой история развивается по восходящей линии от садов Эдема, или примитивного коммунизма — к установлению царства божьего на земле, или общества без классов, «новые правые» рассматривают историю как лишенную какого-либо смысла, как абсурд». Для Бенуа история представляется сферой, где прошлое, настоящее и будущее могут пересматриваться, меняться местами в зависимости от желания тех, кто придает ей соответствующие формы.

Но и это не ново. В свое время Освальд Шпенглер тоже отвергал закономерное единство всемирно-исторического развития и разобщал исторический процесс на ряд замкнутых циклических «культур», не связанных друг с другом. Можно при желании найти и других философов и социологов прошлого, чьи мысли послужили цементированию концепций «новых правых».

Как и для старых правых, для «новых правых» характерна прежде всего ненависть к демократии. Их антидемократическую версию подхватили и пустили в оборот. Те самые индивиды, которые, по Алену де Бенуа, «имеют хорошую генетическую наследственность». Именно им и служит эта версия. Если все способности заложены в индивиде от природы, то те, у кого они были, их и развили. А те, у кого их нет, пусть себе работают на заводах и в конторах, обслуживая генетически выдающихся. И нечего тратить средства на обучение в школе их детей какой-то там философии, пусть лучше учатся хорошо обслуживать тех, кому это дано. Цинично, но логично.

Послушайте, скажем, французского социолога мсье Вориона, написавшего книгу «Гениев к власти!». Он предлагает ни больше ни меньше как провести «строго научные» тесты среди всего населения Франции и измерить таким образом уровень интеллекта французов. Впрочем, не дожидаясь итогов, Ворион говорит, что три четверти французов не выдержали бы экзамена на интеллигентность. Таких, считает он, следует лишить избирательного права. Оставшаяся одна четверть, у которой интеллект на 10 процентов выше среднего уровня, должна избрать «суперэлиту»; в нее войдут те, у кого

интеллект превосходит среднеарифметический уровень уже на 50 процентов. Вот эти «суперы», или, как их именует Ворийон, «гениократы», и будут теми самыми «гениями», которых облекут всей полнотой власти.

Удивительно схожи с этими «научными» выкладками рассуждения американского политолога Дж. Кеннана, который утверждает, что только 10—15 процентов населения любой страны обладает духовными ценностями. Их-то и следует учить, чтобы они могли править остальной массой населения.

Возникает вопрос: как же эти и подобные им ученые мужи подсчитали процент интеллекта, не прибегая к тестам? А очень просто: указанные выше цифры «гениократической элиты» соответствуют примерно числу молодых людей, оканчивающих Гарвардский, Принстонский, Йельский университеты в США, Оксфордский и Кембриджский — в Англии, Токийский — в Японии, Национальную административную школу — во Франции и некоторые другие привилегированные учебные заведения Запада.

Эти учебные заведения и являются, по мнению французского социолога М. Пайе, институтами первостепенной важности, поскольку не только дают выход на престижные посты и ощутимые материальные выгоды, но и открывают путь на вершины власти той касте, которую на Западе называют «правлящей элитой».

Но совершенно очевидно и то, что в такие учебные заведения попадают прежде всего молодые выходцы из той же элиты. Вот почему нет смысла удивляться тому, что в конгрессе Соединенных Штатов, например, нет ни рабочих, ни фермеров. Власть имущие на Западе испытывают моральную ответственность только перед правящей элитой. Именно такой науке управления и морали их с юных лет учат в Гарварде, Оксфорде и прочих заведениях.

Спрашивается: что же здесь «нового»? Ничего ровным счетом.

Вот и получается, что «новые» философские идеи, идут ли они слева или справа, лишь пытаются подновить, подправить отживающую свой век систему. Что касается постоянной чехарды «нового»: бесконечной вереницы «новых левых» и «новых правых», «новых философов» и «новых историков», «новых экономистов» и «новых социологов», «новых полити-

ков» и «новых федералистов», «новых либералов» и «новых консерваторов», то это только лишний раз свидетельствует о нищете старого.

Любопытен в этом плане конфиденциальный доклад директора службы социальных опросов США Патрика Х. Кадделла, направленный им в свое время президенту Картеру. Суть доклада состоит в том, что Западу необходимо в срочном порядке сфабриковать новую идеологию, отвечающую нынешнему состоянию вещей в мире. Вот видите, опять «новое». «У людей создается впечатление,—говорится в докладе,—что президент бессилён решить стоящие перед страной проблемы. Психологически народ не привязан более к той или иной политической партии и интеллектуально не удовлетворен существующей идеологией». Кадделл жалуется, что «классические идеологи больше не вызывают доверия», а «старые дефиниции больше не убеждают».

«К сожалению,—честно признается директор службы социальных опросов,—ваш покорный слуга не в силах дать четкое и ясное определение необходимой новой идеологии, для этого требуется новый анализ и синтез идей. Заимствуя словарь философии познания, могу только сказать, что мы отчаянно нуждаемся в идеологической парадигме для замены модели капитализма, которая никого уже не устраивает. Если правительству и удастся еще защищать «старые формы демократии» то это, по мнению Кадделла, происходит лишь благодаря тотальной манипуляции общественным мнением, но такое не может, по словам того же Кадделла, «продолжаться бесконечно».

В Соединенных Штатах происходят те же идеологические процессы, что и в Западной Европе. Так, скажем, идеи европейских «новых правых» были с пониманием встречены за океаном, подхвачены и разрекламированы американской прессой. Большой популярностью пользуются в США и так называемые «новые социологи» Ирвин Кристал, Эдвард Бэнфилд и другие. Их идеи очень смахивают на те, с которыми мы уже познакомились. Так, Эдвард Бэнфилд утверждает, что «человек из низших классов живет только настоящим и не может контролировать свои инстинкты. Неспособный предвидеть будущее, а потому безответственный, он имеет все шансы стать квалифицированным рабочим, постоянно менять место работы и вести семейную жизнь посредственного отца». И по природе своей, считает Бэнфилд, люди из

низших сословий с самого молодого возраста склонны к недовольству и бунтарству. «Юноши и девушки из низших классов будут продолжать бунты даже в том случае, если им предоставить равные шансы, приличную работу, жилище, образование». С Бэнфилдом солидаризируется Ирвин Кристал, который тоже полагает, что неравенство людей закодировано в самой человеческой природе. «Таланты и способности распределяются согласно кривой, которая совпадает с распределением доходов». А профессора Ричард Эрнштейн и Артур Енсен даже вывели определенную причинную связь между «наследственным» уровнем культуры, школьными успехами и уровнем богатства. Поскольку различия в интеллектуальных способностях закодированы природой, а жизненный успех прямо зависит от способностей и, в свою очередь, определяет уровень зажиточности индивида, то, следовательно, и социальный статус базируется в значительной степени на наследственных данных.

Как бы подытоживая все эти творческие искания «новых социологов», еще один писатель из их плеяды, Сэмюэл Хантингтон, дал практические советы правительству США. Он рекомендовал вернуться к старым ценностям и восстановить авторитет властей на традиционных принципах, таких, как «иерархия, знание, богатство». Но чтобы это стало возможным, Хантингтон опять-таки предложил «ограничить демократию». Судя по той политике, которую проводит администрация Рейгана и которую «новые правые» активно поддерживают, президент не остался глух к советам Хантингтона и других «новых правых». Не они ли лежат в основе провозглашенного Рейганом «крестового похода» против коммунизма?

В свое время Герберт Маркузе назвал подобные идеи «гуманизированным фашизмом, логическим итогом законченного капитализма». А другой американский социолог, Д. Мур, определил их как симптом болезни, которую он окрестил «истощение демократии». Истощение демократии действительно имеет место, и отражает оно обостряющийся кризис буржуазной политической системы, который вызывает в верхах тоску по «доброму старому времени», по твердой власти, не зависящей от «капризов» трудящихся масс. Ну а для того чтобы придать старой идее более благообразные формы, используются идейки «новых правых» об интеллекте избранных.

Совпадение взглядов «новых» в Западной Европе и Соединенных Штатах очевидно. Это и неудивительно: произрастают они в сходных социально-экономических условиях, почва у них одна. Дай «новым правым» волю, они быстро превратят человечество в подопытных кроликов монополий. На манер американского магната Роберта Грэма, основавшего банк спермы лауреатов Нобелевской премии и убежденного, что получаемые таким способом бэби будут высокоорганизованными индивидами, ушедшими в своей генетической структуре далеко вперед по сравнению с ущербными массами.

Чтобы закончить разговор о «новых», мне хотелось бы привлечь внимание читателей к одной интересной детали. При всем разнообразии «новых» идей всем им присущ иррационализм. Их авторы дружно отрицают философский детерминизм, впадают в пессимизм, мистику, пророчат человечеству бесславный конец. Причины этого — в самой социальной действительности, толкающей людей на то, чтобы искать объяснение будущего не в науке, а в оккультизме. «Основой нынешнего иррационализма,—говорит французский социолог А.-К. Декуфле,—служит извращение политической роли гражданина, прежде всего то, что он лишен всякой возможности участвовать в выработке своих собственных жизненных целей, а также — в практической деятельности. Больше того, он вообще не знает, кто и что за него решает. Что же ему остается? Одно: обратиться за ответом к ясновидцу».

Давно установлено, что людям, запутавшимся в противоречиях, свойственно бросаться из одной крайности в другую. Не являются исключением из этого правила и «новые». Так, Ален де Бенуа, признав, что не видит спасения для человечества, тут же неожиданно добавляет, что такое спасение еще может прийти из стран «третьего мира».

Именно этот тезис «новых правых» и привлек к ним симпатии моего браззавильского приятеля Жильбера Гренье. Впрочем, этот тезис заслуживает того, чтобы о нем поговорить подробнее, ибо в последнее время он получил на Западе широкое распространение. Между ставкой «новых правых» на элиту Запада и одновременно на некоторые элементы культуры развивающихся стран не такая уж большая пропасть, как это может показаться на первый взгляд.

Протанцевать жизнь

— Посмотри на нее! — Жильбер Гренье кивнул в сторону молодой статной конголезки. — Ты обратил внимание, она танцует весь вечер почти без перерыва.

Зрелище было и в самом деле красиво. Плотное обтянутое пестрой тканью тело женщины ритмично следовало музыкальному сопровождению, как бы переводя его на язык танца. Некоторое время мы молча следили за ней, потом Жильбер сказал:

— А теперь присмотришься к ее лицу. Маска, ни один мускул не дрогнет. Ты не прочитаешь на нем ни одной мысли. Такова Африка: это душа, страсть, трепет, только не разум. Противоположность нашей Европе, рациональной и бездушной.

Мы снова вернулись к теме старушки Европы.

Жильбер Гренье разделял мнение тех, кто спасение цивилизации видит в обращении к простым истинам человеческого существования. Мы неоднократно обсуждали с ним эту проблему. Он ссыался на авторитеты, высказывал кое-что и свое, доморощенное, плод долгих раздумий. Все это его очень волновало. Жильбер вспомнил о книге Роже Гароди «Протанцевать жизнь», где проводится мысль о том, что туземные танцы с их первозданной наивностью и искренностью могут вернуть душу погрязшему в бездушной технологии Западу.

Впрочем, за последние годы Гароди столько напечатал, что его можно действительно использовать на все случаи жизни. Причем суть его последних произведений сводится к необходимости положить конец индустриальной культуре и заменить ее «симфонической концепцией», обратиться к «мудрому духу» нецивилизованных наций. Так вот, по мнению Гароди, танец способен «передать мир сновидений, приоткрыть таинственные связи между вещами и людьми, между человеком и божеством». Больше того, «танец входит в общую драму нашего века. Танец — это образ жизни. Как и другие виды искусства, он осужден искать свою дорогу в одиночестве, подобно молодежи, кричащей: «Я хочу идти своим путем, а не теми путями, которые были пройдены до меня и без меня». Именно в танце, утверждает Гароди, возникает образ будущего, «более совершенного» общества. И заключает: «Возрождение танца как формы культуры и жиз-

ни составляет часть общей битвы за новый образ жизни, за новый экономический и политический режим, за нового человека. Выбор есть, и он зависит от нас самих: цивилизация вражды или цивилизация музыки!»

Итак, танец! А поскольку танец ассоциируется прежде всего с африканцем, то наиболее подходящим материалом для лепки новой модели истории Гароди избрал Африку.

Здесь, в Африке, говорит он, 3 миллиона лет назад началась история человечества, отсюда же сегодня может прийти спасение: «Африка, мать всех рас, сохранила еще прежние отношения между человеком и природой, между человеком и обществом, между видимой и скрытой реальностью... В то время как западный человек не уставал со времен эпохи Возрождения покорять природу и подчинять себе подобных, африканцы остались верны единству с окружающим миром и с другими людьми. И все это потому, что африканец еще живет чувствами, а не разумом, погубившим Запад. Ритмичная вибрация играет центральную роль во всей деятельности африканца, будь то ритмы тамтама, танца или слова колдуна. Африканский танец выражает динамизм жизни, ее расцвет. Он славит синтез человека с природой, коллективом и богом». Сам вопрос: быть человечеству или не быть, утверждает Гароди, зависит от того, сумеет ли африканская культура сохранить пронизанную «искрой божьей» душу или же не устоит под ударами европейской цивилизации.

И африканский социализм — явление совершенно особое. Он порожден якобы не борьбой классов, а духом «божественного пророчества». «Африканский социализм ставит под сомнение основу западной модели прогресса и отбрасывает прочь наши модели революции».

Вот он, заключительный аккорд «симфонической концепции» Роже Гароди. Впрочем, я не удивлюсь, если Гароди, изменивший марксизму в пользу Христа, начнет вскоре носить и христианство вместе с его богом. (В 1983 году он принял мусульманскую веру.) Ну, как говорится, бог с ним, с Гароди. Или скорее, аллах с ним.

Что касается антицивилизаторской концепции истории, то у нее немало сторонников, которые, подобно Гароди, клянут индустриальную цивилизацию, «убивающую» мораль и человечность. Английский писатель-социолог Джон Байрем написал книгу «Технозис — смерть человечества», пожалуй, одно из наиболее пессимистических произведений такого рода.

В общем-то описанная им картина Запада довольно точна. Он говорит об измельчании и вырождении человеческих возможностей, которые бессмысленно растрачиваются на потребительскую гонку, о превращении искусства в индустрию зрелищ и порнографию, о сведении революционного духа к бессмысленному терроризму. Со всем этим можно согласиться. В самом деле, антикапиталистический протест, например, нередко оборачивается шумными эксцессами, террористическими актами, просто дракой с ветряными мельницами, что мы неоднократно наблюдали в последние десятилетия в ряде стран развитого капитализма.

Только при чем тут наука и техника? Тезис о том, что научный прогресс может приносить и пользу и вред, служить гуманизму и фашизму, не нов. Однако он не теряет своей остроты и актуальности. В 1980 году Всемирная организация здравоохранения рекомендовала всем странам прекратить вакцинацию населения против оспы. Страшная эпидемическая болезнь, угрожавшая человечеству на протяжении всей его истории, больше не существует! И в то же время милитаристы планируют искусственное размножение бациллы черной оспы для ведения бактериологической войны! Вот они, контрасты науки. Только сама наука здесь ни при чем, вопрос в том, кому она служит. Следовательно, судьбы науки тесно связаны с судьбами политики, экономики, морали. В конечном счете — с судьбами классовой борьбы в мировом масштабе.

Байрем же сводит все дело к психологическому фактору. Он утверждает, что все беды Запада проистекают от так называемого «технотического расстройства» — состояния, подобного психическому расстройству и вызванного научно-техническим прогрессом и его последствиями. Выход из «технотического» состояния Байрем видит в полной деиндустриализации общества, демеханизации производства и в возвращении человека к простым и гуманным истинам естественной природной жизни. И опять-таки путь к этому он усматривает в приобщении Запада к цивилизации афроазиатских народов.

Подобные размышления постепенно оформились в теоретические концепции, которые, в свою очередь, превратились в своеобразный идеологический миф, пользующийся сочувствием у многих людей на Западе, уставших от потребительской гонки.

Немаловажную роль играет здесь и волна иррационализма, захлестнувшая Запад. Европейские фетишисты все чаще обращаются к фетишам Востока. Жанна Фавре, французская специалистка в области этнологии (а также сторонница «окультиных наук»), пишет: «Убежденность в силе фетишей служит укреплению веры в существование далеких народов и стран, чистых и бескорыстных, которые могут послужить для нас образцом. От них к нам придет заря новой жизни».

Жильбер Гренье — один из тех, кто верит, подобно Жанне Фавре, в мессианское предназначение Африки. Но, в отличие от многих других, он прекрасно знает Африку. Таких, как он, в Африке работает немало. Наезжая во Францию, Англию, Италию и другие страны Запада, они своими колоритными рассказами об африканской экзотике, простоте нравов, душевности и непосредственности африканцев подкрепляют этот идеологический миф, содействуют росту его популярности.

...Жильбер оторвал взгляд от танцующих и повернулся ко мне.

— Послушай легенду, которую мне рассказали в Камеруне. У бога было два сына, старший — с черной кожей и младший — с белой. Подросли сыновья, и однажды бог-отец призвал их к себе, сказал: «Вот вам два топора: один металлический, другой, из камня, выбирайте». Старший взял себе каменный топор, он был легче, младший — из металла. Бог предложил им срубить по дереву, кто быстрее. Ну конечно же белый сын победил в этом соревновании. Отец утешил старшего: ничего еще не потеряно, ты можешь догнать своего брата. Сделайте вот что: завтра на рассвете вы оба должны переправиться через реку, что орошает нашу землю, на противоположный берег, посмотрим, кто сделает это первым. Старший брат пел и танцевал всю ночь, а младший в это время подыскал дерево, что повыше, и, когда первые лучи солнца зажгли небо, срубил его. Оно упало поперек реки, и верхушка его легла на другом берегу. Перебрался белый сын со своей семьей через реку, а старший только начал просыпаться после утомительной ночи. Хотел было и он рубить дерево, да противоположный берег вместе с младшим братом и его семьей вдруг начал быстро удаляться и исчез за горизонтом, река превратилась в океан.

Жильбер замолчал, задумался.

— Ну и что же было дальше?

— Что было дальше? А дальше прошло много времени. Манговые деревья плодоносили и умирали, ливни умывали джунгли, а солнце сушило землю. И вот однажды отец и его черный сын увидели далеко в море белые паруса, много кораблей шло к берегу. Это был младший сын, который привез отцу и брату множество всяких подарков. Как положено в семье, он поделился с родственниками. Но остаться с ними жить он уже не мог, за морем он приобщился к Знанию, источнику колдовства.

— И в чем же мораль сей басни?

— Все просто: человеку издавна было дано выбирать — оставаться дома и жить в гармонии с природой или покинуть дом ради авантюры и обогащения, но отказаться от естественных радостей жизни. Отсюда все различия: с одной стороны, машинное производство, с другой — природа, с одной — эксплуатация, с другой — узы родства, с одной — идеология, с другой — поэзия. Понятно?

— Теперь да. Иначе говоря, перед человеком выбор: сохранить или потерять душу. Так?

— Именно. Кстати, некоторые африканцы до сих пор полагают, что белые обитают где-то в царстве мертвых; для них человек, потерявший душу, — мертв. Белые и черные произошли от одного отца — бога, но потом безвозвратно разошлись. И хотя они встречаются друг с другом, понять друг друга не могут.

— Прямо по Кипплингу: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись».

— Между прочим, до Кипплинга ту же мысль, но более точно высказал Эдвард Блайден с Антильских островов, африканцы его чтят как своего философа. Он сказал, что белая и черная расы живут в разных мирах, и хотя оба эти мира существуют вместе, они бесконечно далеки друг от друга.

— Кипплинг, Блайден. Наверное, можно найти и другие авторитеты, но сам-то ты, Жильбер, что думаешь обо всем этом?

— Я думаю, что во всем этом есть рациональное зерно. Видишь, я подхожу к вопросу с точки зрения разума, научно, и этим я отличаюсь от африканца, живущего в мире чувств и образов. Я уже не могу отказаться от магнитофона или пишущей машинки, хотя понимаю, что все эти продукты

цивилизации убивают данное мне от природы. Африканца окружают лес, вода, солнце, он слит воедино с природой, чувства его не раздвоены. В этом соль: он целен, не раздроблен. А мы, белые, живем разумом, и он разрывает нашу психику и чувственный мир, мы все во власти чудовищных страстей. Если хочешь, у нас разные идеологии, белая и черная, разные методы познания действительности: аналитический и интуитивный. Послушай, как образно сказал об этом Эме Сезер:

Честь тому, кто ничего не создал в своей
жизни,

Тому, кто ничего не выдумал
И никого не усмирил,
Но кто жил в самой сущности каждой вещи,
Не зная ее, но следуя самому ее движенью,
Не думая о сегодняшнем дне, но живя им,
Истинные старшие сыновья природы
С душой, открытой ветрам всех частей
света,

С телом трепещущего мира.

Я слушал стихи мартиникского поэта Эме Сезера и вспоминал Леопольда Сенгора, бывшего президента Сенегала, поэта и философа «негритюда», теории африканской исключительности. Сенгор настойчиво проповедует концепцию чувств и эмоций как высшую форму познания. То, что чувства, психика человека вообще играют очень важную роль в процессе познания, помогают разуму, окрашивают его в живые тона,— все это бесспорно. Но идеи Сенгора предполагают достижение «высшей формы познания» путем «вторжения в сферу разума иррационального, магического». Иначе говоря, чувства не подкрепляют разум, а противопоставляются ему. Сенгор пишет: «Африканец, кожей своей подобный первозданной ночи, не видит предмета, он его чувствует... Мир открывается ему в обнаженном нерве его чувств... Перефразируя формулу Декарта «Я мыслю, следовательно, существую», он мог бы сказать: «Я чувствую, я танцую, следовательно, я существую».

Я поделился с Жильбером своими мыслями.

Он ответил, что во многом согласен с философией Сенгора. И гордится его мужеством. Ибо, несмотря на все нападки детерминистов, остается непреклонным в своих убеждениях и отстаивает их.

— Уверен, что, если бы белые вникли по-настоящему в суть сенгоровского мировоззрения, многое бы изменилось к лучшему в этом лучшем из миров.

— Что, стали бы танцевать под тамтам?

— Это лучше, чем враждовать друг с другом и с самим собой. Не согласен?

— Категорически. Кстати, теперь мне понятно, почему «новые правые» пытаются навязать Европе некоторые мифы стран Востока. Тем самым они хотят отвлечь от сколько-нибудь серьезного научного анализа действительности. Ведь сколько ни танцуй под сенью традиционных фетишей, эксплуатация от этого не исчезнет. И элиту устраивает, чтобы люди танцевали, а не думали. Нет, Жильбер, не согласен я ни с тобой, ни с Сенгором-философом. А согласен я с другим африканским мыслителем, который сказал: «Когда горит твоя хижина, тамтамы беде не помогут».

— Кабрал. Фанатик.

— Он самый. Только не фанатик. Фанатики отдаются игре чувств и воображения. А Кабрал мыслил трезво. И считал, что главный недостаток освободительного движения в Африке — это то, что ему зачастую не хватает ясного идеологического сознания.

О чем рассказал Оканза?

Когда-то юный Жакоб Оканза тоже верил в фетиши. Но потом закончил школу, лицей, много читал, активно участвовал в революционной деятельности. Был сподвижником прославленного героя конголезского народа Мариана Нгуаби. Защитил диссертацию. Сейчас он посол Народной Республики Конго в Мозамбике.

Мы не раз беседовали с ним о традициях народа, о жизни страны, о стоящих перед ней проблемах. Он выражал свои мысли четко и просто:

— Я не думаю, чтобы идеологи Запада не знали нашу действительность. Правильнее будет сказать, что им не по вкусу те процессы, что происходят сегодня в Африке. Поэтому они умышленно пытаются запутать людей и задержать логический ход событий, ведущий к реальной деколонизации континента. Еще недавно в моде была теория традиционной

неприспособленности африканца к сознательной и рациональной деятельности. Африканцы всегда трудились с удовольствием, будь то охота, рыболовство, обработка земли. Я хорошо помню чувство удовлетворения, охватывавшее нас после удачно выполненной работы, даже самой тяжелой. Что касается танцев, которые, по мнению некоторых европейцев, свидетельствуют о праздности нашего народа, так это чепуха. Танцы у нас всегда были неотделимы от процесса труда, мы как бы протанцовывали заранее все фазы охоты или сбора маниока. И завершали дело танцем торжества, победы над силами природы.

Жакоб Оканза кивнул в сторону телевизора:

— Африканское телевидение показывает, конечно, и традиционные танцы. Но часто показывают такие, которые позаимствованы на Западе. А кино? Сплошные вестерны, детективы, эротика. Массовое западное искусство все больше вторгается в нашу жизнь, разрушает африканскую культуру, развращает африканца. Прививает ему вкус к «сладкой жизни» и отвращение к труду. Это не так сложно сделать, поскольку в сознании африканцев труд давно уже стал утрачивать свою традиционную ценность. Беспощадная эксплуатация периода колониализма, работа на империалистов превратили труд в тяжелейшее наказание и обузу. И пресловутая африканская лень служит зачастую проявлением пассивного сопротивления колониальному господству. Выбить эту лень сейчас нелегко даже в странах, которые, подобно моей, избрали некапиталистический путь развития.

Понадобится еще немало времени, для того чтобы вновь изменить отношение людей к труду, убедить их, что они трудятся теперь для себя. Даже когда работают на предприятиях частного сектора. Ибо в конечном итоге это содействует развитию производительных сил, росту рабочего класса, что объективно ускоряет процесс революции. Ленин в свое время очень понятно объяснил такой процесс на примере новой экономической политики. Перед нашей пропагандой тоже стоит задача разъяснения диалектики развития с учетом всех противоречий. Но, повторяю, сделать это крайне трудно. Особенно если иметь в виду слабое политическое сознание многих конголезцев. Есть еще одна важная деталь, которая затрудняет обретение ясного сознания. Дело в том, что многие конголезцы с самого начала не поняли, не осознали французскую колонизацию как нечто, разрушающее их

жизнь. Именно французскую. Пьер де Бразза, придя во главе экспедиции французов в Конго, сделал ловкий жест: он на глазах у аборигенов закопал свое ружье в землю, показав тем самым миролюбивый характер своей миссии. Ему удалось добиться мирным путем согласия правителя Элло I на протекторат Франции над землями в бассейне реки Конго. И хотя последующее завоевание севера страны было жестоким и кровопролитным, Бразза, первый француз, остался в глазах некоторых конголезцев «добрым белым». В отличие от «злого белого» Стэнли, подчинившего огнем и мечом соседний Заир. Колонизаторы постарались закрепить в умах конголезцев эти мифы. До такой степени, что столица наша по-прежнему носит имя завоевателя. Так что Конго находилось не только в экономической и финансовой зависимости от Франции, но и в духовной. Это делает процесс реального освобождения страны крайне сложным.

Без ясного понимания того, что внешние факторы способны только облегчить или затруднить процесс освобождения, но никак не подменить его, что каждая революция — результат деятельности определенных сил внутри страны, деятельности, основанной на творческом исследовании международного революционного опыта, никакое реальное освобождение немислимо.

Вот и получается, что «деидеологизация» в развивающихся странах на самом деле выступает одним из основных пороков, ослабляющих национально-освободительную борьбу и уводящих на путь, безобидный для империализма. Надо понять, что без классовой борьбы тут ничего не сделаешь. Империализм добровольно свои позиции не сдаст. Это прописная истина, но ее надо осознать. Конечно же, империалисты делают все, чтобы запутать, затуманить мозги людей. И надо признать, что делают они это довольно ловко и умело. Вот вы говорили о том, что некоторые философы и психологи воспевают сейчас традиции наших предков. Утверждают даже, что спасение Запада — в обращении к истинам и традициям Востока. Это один из ловких ходов неокOLONиализма, за которым скрывается старое стремление затормозить национально-освободительное движение.

У нас есть хорошая пословица: «Змея меняет кожу, но не нрав». Сначала колонизаторы убеждали нас, что мы по своей природе не способны создать национальную промышленность, приобщиться к научным и техническим достижениям.

Теперь, когда жизнь опровергает расистские измышления, они говорят, что сила наша — в древних традициях и что нам вовсе не следует догонять индустриальные страны, что, наоборот, эти последние должны отказаться от прогресса и вернуться назад к природе. Мотивы — разные, цель — все та же: задержать наше развитие, сохранить Африку в качестве сырьевого придатка Запада. Они понимают, что без наших рынков им придется туго. И с точки зрения логики империализма их можно понять.

Джакоб Оканза продолжал:

— Я бывал на Западе и могу понять людей, которые, устав от постоянных забот и погони за жизненным стандартом, от борьбы в одиночку за место под солнцем потребительского общества, завидуют духу альтруизма и солидарности традиционной племенной жизни африканца, его вере в спасительную силу фетишей. Только, увы, никакие фетиши не помогли африканцам противостоять индивидуализму, эгоизму, насилию, которые капитализм принес африканскому обществу, разрушив при этом в значительной степени его позитивные традиционные ценности и насадив взамен коррупцию, бюрократизм, проституцию и прочие «ценности» западного образа жизни. Так что разговор о спасении человечества путем его приобщения к примитивным фетишам — не больше чем маскарад дурного толка. Ну а если говорить о самих фетишах, то мы, конголезцы, не жадные, готовы ими поделиться. Я бы лично отдал с удовольствием любому, кто хочет, и сохранившиеся до сих пор верования в людей-андзимба, которые якобы могут превращаться в невидимок, и в людей-кайманов, которые умеют дышать под водой, и в заклинания колдунов, и многое другое из того же ассортимента.

Оканза улыбнулся:

— Только надо ли Западу все это? Там сегодня достаточно собственных фетишей. Возьмите хотя бы гороскопы и прочий хлам. А колдуны? Идешь по Парижу и на каждом шагу натыкаешься на кабинеты гадалок, астрологов, хиромантов и прочих жрецов магии. Так что Западу вовсе и не нужно искать примитивы в традиционной Африке, у него есть свои, доморощенные.

Удивительно все же, как это люди, создавшие с помощью разума техническую цивилизацию, могут искать истину по ту сторону разума. Это, вне всякого сомнения, признак со-

циального регресса и упадка культуры. Я не отделяю социального от культурного. Искать социальное спасение в приобщении к чужой культуре, мягко говоря, неразумно. Потому что каждая культура имеет свои социально-политические корни. Чтобы иметь достойную человека культуру, надо иметь достойную его социальную систему. Капитализм сегодня не может служить такой системой. Вот почему мы в Конго и обратились к ценностям социализма, избрали путь социалистической ориентации.

Мы знаем, что нам будет очень и очень нелегко, что неизбежны трудности и неудачи. Не исключено, что в отдельные моменты верх может одержать реакция. И все же мы уверены, что в конце концов добьемся своего. Сознание африканцев растет, пусть не так быстро, как хотелось бы, но растет. У нас уже немало грамотных, убежденных в правоте своего дела людей, которые не отступят перед трудностями, доведут дело до полной победы.

«Интеллигентный» капитализм

Справедливости ради следует сказать, что молодежный протест против капитализма породил на Западе не только концепции, принижающие человека и его разум. Этот протест наряду с такими явлениями, как рост безработицы и инфляции, вызвал теории, требующие более совершенной социально-экономической организации западного общества, которая дала бы человеку возможность проявлять творческие способности и дарования. Такова была одна из основных целей Римского клуба, возникшего в конце 60-х годов в самый разгар молодежного бунтарства. В него вошли политические деятели, ученые, писатели, бизнесмены из многих стран мира. Озабоченные судьбами человечества, они подготовили целый ряд научных докладов по самым острым общественным проблемам, в том числе и по проблеме улучшения «качества жизни». Это был вызов той части идеологов капитализма, которая считает потребление основной целью и поддерживает концепцию человека, ориентированного исключительно на материальные выгоды.

«60—70-е годы,—говорилось в одном из докладов Римского клуба,—это время кризиса западного мира. В то время

как поверхностно фиксируемые черты этого кризиса являются экономическими и социальными, его корни глубоко проникли в западную культуру. Можно полагать, что мы имеем дело не только с социально-экономической трагедией, но и с трагедией западной цивилизации в целом. Идеалы и ценности, заложенные при рождении этой цивилизации, затерялись сегодня в лавине научно-технического развития, продукты же этого развития, вместо того чтобы служить человеку, стали угрозой его существованию. Технократы предлагают нам хлеб, и это хорошо, но они требуют расплачиваться за него нашим человеколюбием».

Мысль, конечно, далеко не новая. Еще К. Маркс указывал на то, что всякий прогресс в рамках ложной системы оказывается величайшим регрессом. И хотя теоретики из Римского клуба не дошли до истинных истоков кризиса, на которые указывал еще Маркс, хотя они не посягают на саму систему священной для них капиталистической собственности, их выступления звучат на Западе достаточно еретически. Чего стоит хотя бы заявление бывшего президента этого клуба итальянского экономиста и бизнесмена Аурелио Печчеи о том, что «прямо на наших глазах вступила в стадию кризиса и упадка конституционная демократическая система Запада!» Или его же слова о том, что в последнее время возникла настоятельная потребность в пересмотре традиционного образа человека, поскольку многие люди «не стремятся к тому, чтобы больше **иметь**, а хотят **быть** чем-то бóльшим».

Это был удар по устоявшейся концепции человека, в которой массам отводилась роль послушных исполнителей чужой воли, а точнее — воли монополий. И монополии не могли не откликнуться на подобное «кошунство».

В конце 1975 года в Нью-Йорке вышла книга «Кризис демократии». Она явилась результатом трехлетнего труда идеологов из так называемой Трехсторонней комиссии, включающей в свой состав «частных лиц» из стран Западной Европы, США и Японии. Среди этих лиц можно назвать президентов и высокопоставленных чиновников крупнейших капиталистических монополий, таких, как «Уэллс Фарга бэнк», «Кока-Кола», «Бендикс», «Эссо», «Данлоп», «Ллойд», «Чейз Манхэттен бэнк», «Роял датч-шелл», «Ниппон стил», «Сони», «Тойота», «Бэнк оф Америка» и других.

Что же заставило их заняться писательской деятельностью? В 50-е и 60-е годы западный мир, по их мнению,

успешно развивался. Если обратиться к социологическим исследованиям тех лет, то, наряду с констатацией в них высокой экономической конъюнктуры, можно обнаружить и всевозможные вариации на тему социальной пассивности, аполитичности, апатии населения. Сегодня же все изменилось. И дело здесь не только в ухудшении экономических перспектив капитализма, но и в пробуждении политической активности рабочего класса, молодежи, интеллигенции Запада, которое произошло в конце 60-х — начале 70-х годов. Впрочем, дадим слово самим авторам «Кризиса демократии».

«В течение последних лет функционирование западных демократий спровоцировало крах традиционных способов социального контроля, подвергло сомнению законность политической власти и других форм авторитета».

«...Уязвимость демократических правительств (имеются в виду западные правительства.— *Ред.*) заключена не во внешних угрозах, хотя они тоже реальны, не во внутренней подрывной деятельности правых или левых, хотя они также существуют, но скорее во внутренней динамике самой демократии в обществе высокой образованности и мобильности. Мы пришли к выводу, что имеются желательные пределы экономического роста. Такие же пределы включает в себе и рост политической демократии».

«...Серьезный вызов бросили интеллектуалы и близкие им группы, которые высказывают отвращение к коррупции и говорят о неэффективности демократии и подчинении демократических правительств монополистическому капиталу».

Массовые выступления, прокатившиеся по странам Запада в конце 60-х — начале 70-х годов, были отражением внутренних противоречий капитализма, который, с одной стороны, ускоряет научно-технический прогресс, а следовательно, и развитие интеллектуального труда, но, с другой, подчиняет интеллект интересам капиталистической рентабельности и законам прибыли и, как следствие, ограничивает развитие интеллекта, а также ухудшает материальное и социальное положение его носителей — представителей интеллигенции. В результате часть традиционных носителей буржуазной идеологии проявляет явное недовольство своим статусом. Это и послужило для крупной буржуазии сигналом собрать в срочном порядке Трехстороннюю комиссию и выработать своего

рода руководство к действию. Кстати, инициатором создания этой комиссии был миллионер Д. Рокфеллер, тот самый, что пытался разобраться в проблемах «молодежной революции».

Совершенно очевидно и то, почему Трехсторонняя комиссия ополчилась прежде всего против демократии.

Диалектика развития капитализма, пояснял В. И. Ленин, состоит в том, что на последней, империалистической стадии своего развития он все больше отрицает демократию, переходит к политической реакции. Борьба трудящихся подталкивает его к демократизации, он же совершенно справедливо усматривает в этом смертельную опасность самому своему существованию.

«Буржуазия,— говорил В. И. Ленин,— создает или отменяет демократию, смотря по тому, что ей выгоднее»¹. В кризисные моменты монополии, как свидетельствует опыт истории, стараются «отменить» демократию, а их представители, подобно Трехсторонней комиссии, обрушиваются на нее, не стесняясь в выражениях.

В книге «Кризис демократии» Римский клуб не упомянут, но, несомненно, это был ответ и ему. От вышедших из ряда требовалось, чтобы они снова стали в ряд. Я уже говорил, что теоретики Римского клуба вовсе не посягали на основы капитализма, их реформаторская деятельность сводилась к мысли о необходимости усовершенствовать человеческие отношения в рамках капиталистической системы. Они провозглашают перемены посредством сознания и таким образом повторяют старую иллюзию, «будто достаточно выбить из *головы* известные представления, чтобы устранить из *мира* те отношения, которыми порождены эти представления ...»².

Так что угрозы капитализму идеи Римского клуба не представляют, и это понятно, ведь большинство его членов само принадлежит к капиталистической системе. И все-таки косвенная угроза капиталу здесь есть, и ее тонко почувствовали «писатели» из Трехсторонней комиссии. Ведь гуманизация мира и человека путем политической борьбы против системы предполагает предварительное *осознание* того, что условия существования должны быть преобразованы. Ибо

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 188.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 432.

нормальным состоянием человека как раз и является то, которое, по словам Маркса, «соответствует его сознанию и должно быть создано им самим»¹.

В этом плане опыт молодежного бунта имеет непреходящее значение. Хотя бы потому, что он показал бесплодность огульного ниспровергательства, его недостаточность для успешной борьбы против капитализма. «Наша роль в революционной борьбе,—говорил Кон-Бендит,—состоит в том, чтобы показать, что, кроме капитализма и социализма, возможно что-то другое». Последующие события отчетливо продемонстрировали, что аморфное «что-то другое» не может служить программой революции. А пример самого Кон-Бендита показал, куда приводят подобные лозунги. Сейчас Кон-Бендит живет на роскошной вилле в Пиренеях. На вопрос журналиста «Пари-матч», каковы его дальнейшие планы, бывший «революционер» ответил: «В настоящее время я хочу только пить, есть и спать». Правда, он еще пишет мемуары, в которых откровенничает: «Я всегда хотел быть звездой, а почувствовав вкус к богатой жизни, стал бюрократом; май 1968 года я использовал для того, чтобы жить приятно».

В 1984 году Кон-Бендит комментировал матчи чемпионата Европы по футболу для еженедельника «Клуб Адидас — Кока-Кола». Многие другие гошисты пошли по тому же пути — примирения с буржуазной системой и интегрирования в ней. Так, например, сеть больших парижских магазинов «Фнак» основана бывшими гошистами и приносит им миллионы.

Бесплодность молодежного бунта подтвердила, что единственной позитивной альтернативой капитализму может быть только социализм, остальное — утопия. А главное то, что молодежь познала это на собственном опыте.

Я бы погрешил против истины, если бы не отметил, что поиски ценностей и идеалов в молодежном движении предпринимались неоднократно и после майских событий. Особенно серьезная попытка имела место после отлива молодежного бунта в начале 70-х годов, причем поиски эти велись с учетом опыта недавних бурных выступлений. В этот период во многих странах Запада появились газеты и журналы так называемой параллельной прессы. Это тоже было

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 510.

выражением отказа от эталонов буржуазного образа жизни. Параллельная пресса замыкалась, как правило, кругом самих участников движения. Многочисленные газеты и листки издавались и типографским способом, и на ротапринте, и от руки.

Появившийся в октябре 1969 года в Париже журнал «Актюэль» был типичным представителем параллельной прессы и наиболее, на мой взгляд, интересен для анализа. Попытка журнала дать программу борьбы против буржуазного общества была вполне искренней, и предприняли ее журналисты высокой квалификации. Возглавил журнал Жан-Франсуа Бизо, молодой журналист, выходец из семьи богатого промышленника — по тем временам такое не было редкостью.

С самого начала журнал привлек для участия в дискуссиях оппозиционную молодежь, с тем чтобы в ходе обсуждения выявить различные точки зрения и на их основании выработать рекомендации для совместных действий. Так, например, пятый номер «Актюэль» был составлен исключительно из материалов молодых читателей. Журнал регулярно публиковал подробную информацию о деятельности самых различных течений контркультуры, что, по расчетам его руководителей, должно было способствовать не только идейному, но и организационному сплочению движения.

Журнал просуществовал около пяти лет. За это время на его страницах было напечатано много интересных материалов, подвергших суровой критике бюрократический государственный аппарат, буржуазную мораль, систему правосудия, церковь, солдафонство в армии, школьные и университетские порядки. В нем освещались проблемы наркотиков, «свободы любви», жизни в молодежных коммунах, экологии, поп-музыки. Авторы стремились избежать одностороннего, предвзятого подхода к этим проблемам и нередко осуждали эксцессы молодежного движения.

Они предостерегали против злоупотребления наркотиками, разрушающими здоровье, критиковали молодых людей, которые пытались все свести к проблемам экологии или славили жизнь в молодежных коммунах как панацею от всех зол. Признавая поп-музыку «серьезной ударной силой» против традиционного искусства, журнал полагал вместе с тем, что многочисленные и разрозненные течения и формы новой музыкальной культуры препятствуют созданию гло-

бального антибуржуазного фронта. Редактируемый бывшими гошистами-леваками 1968 года, журнал не щадил и самого гошизма, обвинял его в полном отсутствии позитивной программы и неспособности успешно бороться против «традиционных структур».

Но что же сам журнал предлагал в качестве позитивных начал? Даже из далеко не полного перечня проблем, поднимавшихся в «Актюэль», можно судить о противоречивости и эклектичности взглядов его авторов. Резкая враждебность к любым организационным структурам и воспевание политической стихийности приводили журнал к осуждению не только капиталистической, но и социалистической системы, а также марксизма как теоретической основы социализма и коммунизма. Революционное освобождение журнал искал в индивидуальных действиях сильной личности или, на худой конец, в стихийных действиях таких расплывчатых организационно ячеек, как молодежные коммуны, Движение освобождения молодежи и других.

Все это предопределяло аморфность политического кредо журнала «Актюэль» и всей параллельной прессы в целом, что делало ее легкой добычей господствующей буржуазной идеологии. Ибо, отвергая одновременно и буржуазную идеологию и марксизм, она не могла не зайти в тупик утопизма. Особенно отчетливо это проявилось по мере нарастания в капиталистическом мире экономического кризиса, который с новой силой подтвердил ту истину, что история развивается по Марксу, в классовых боях между буржуазией и пролетариатом, в борьбе между буржуазной и коммунистической идеологиями. В условиях обострения классовой борьбы яркие краски утопизма быстро слиняли, а сами утопические концепции предстали в полной своей беспомощности и бесперспективности.

Эволюция параллельной прессы не осталась без внимания буржуазных идеологов. Напуганные первоначально размахом молодежного протеста, они очень быстро осознали, что утопический протест не страшен устоям режима и что он может быть даже использован капиталом себе на пользу. Мне довелось познакомиться с одной из параллельных газет Цюриха, которую издавали типографским способом члены «Молодежной коммуны № 8». Финансировал ее издание крупнейший швейцарский банкир, сын которого жил в этой коммуне.

В этой связи не следует особо удивляться тому, что журнал «Актюэль», критиковавший буржуазное общество, выходил в издательстве «Нуviel мессаджери де ла пресс пари-зьен», которое выражало интересы этого общества. Да и вообще газеты и журналы большой прессы охотно давали место для «гневных» статей протестующих молодых людей. А «Монд» даже отводила для таких материалов по целой полосе. Всего этого не могли не видеть руководители параллельной прессы. В конце концов редакция «Актюэль» заявила, что журнал «полностью исчерпал свои возможности». Последний его номер вышел 1 октября 1975 года. Правда, Жан-Франсуа Бизо заявил, что это не конец, что журнал только берет небольшую передышку, с тем чтобы «стряхнуть с себя пыль». И он сдержал слово. В ноябре 1979 года «Актюэль» появился вновь. Политическое кредо нового журнала было изложено в первом номере, в редакционном обращении к читателю: «Мы не собираемся поднимать сколько-нибудь серьезные и глубокие проблемы. Наша цель — показать эпоху, по возможности избегая политики». Новая редколлегия не скрывает, что нынешний «Актюэль» близок по духу жанру рисованной литературы: множество ярких красок, изобилие иллюстраций.

В истории «Актюэль» как в зеркале отразилась эволюция молодежного протеста конца 60-х — начала 70-х годов.

Если молодые бунтари поколения «Актюэль», выступая против марксизма, все же подчеркивали свою приверженность идеям эпохи Просвещения, социалистическим теориям Фурье и Сен-Симона, то пришедшие им на смену «новые философы» выступили с отрицанием всего прогрессивного наследия прошлого. Некоторые леваки стали откровенно правыми. Там, где царит мелкобуржуазная стихия, крайности нередко сходятся.

Представители многих гошистских направлений, недовольные тем, что массы не поддерживали их лозунгов и не пошли за ними, разочаровались в массах и выродились в террористические банды или присоединились к различным группкам, продолжающим мышиную антикоммунистическую возню. Но даже такой заядлый антикоммунист, как Кон-Бендит, не мог не признать полной изолированности подобных группок. Осуждая западноберлинских террористов, похитивших судью П.Лоренца, он писал: «Это — терроризм отчаяния. Это тот путь, идя по которому ре-

волюционное движение никогда не станет движением большинства».

Немало бывших леваков вернулись «в строй» буржуазной системы и продолжают дело своих отцов, на которых они нападали в майские дни 1968 года. Новое издание «Актюэль» — лучшее тому подтверждение.

Французский журналист Робер Линар опубликовал в газете «Монд» статью «Гошизм на продажу?», в которой рассказал о бывших леваках-активистах, которые протестовали против системы, а ныне как «знатоки протеста» продают свои услуги той же системе. Пользуясь былой славой борцов против капитализма, они помогают попыткам придать ему гуманное обличье.

Жан-Франсуа Фожель тоже был леваком и работал в старом «Актюэль». Теперь он главный редактор крупного французского еженедельника «Пари-эбдо», первый номер которого вышел в январе 1980 года. Принадлежит этот журнал группе «Экспансьон», издающей шесть газет. Руководит группой Жан-Луи Серван-Шрайбер, владеющий 51 процентом акционерного капитала. Политическое кредо «Экспансьон» — «интеллигентный капитализм». Будучи сто процентным приверженцем капиталистической системы и крупным капиталистом, Ж.-Л. Серван-Шрайбер, в отличие от капиталистов из Трехсторонней комиссии, стесняется слова «капитализм». Но служит ему верой и правдой. Он, по собственному признанию, никогда не открывает нового предприятия только в целях заработать на нем. «Я начинаю издание новой газеты или журнала лишь тогда, когда в стране возникает новый социальный феномен». Какому же социальному феномену отвечало появление на свет «Пари-эбдо»? Ж.-Л. Серван-Шрайбер не делает из этого секрета. Потребителем нового журнала должен стать 30—35-летний читатель, который принимал непосредственное участие в майских событиях 1968 года или активно сочувствовал им. В то время таким читателям было по 20—25 лет. Май 1968 года не смог разрешить социально-политических проблем, породивших его. А следовательно поиски продолжаются. Необходимы новые рецепты. Ж.-Л. Серван-Шрайбер предлагает ищущим свои услуги. «Пари-эбдо» должен помочь «заблудшим» вернуться в строй. В этом свете становится понятно, почему главным редактором журнала стал 32-летний Жан-Франсуа Фожель, который в свое время бунтовал, гневно обличая

систему, а затем сам включился в нее. Он-то должен знать, как вернуть и других на «путь истинный», на рельсы «интеллигентного капитализма».

Подготовка к запуску на орбиту «Пари-эбдо», этого нового спутника 30-летних, была проведена с большой тщательностью. Жан-Луи Серван-Шрайбер выделил на его издание 18 миллионов франков. Жан-Франсуа Фожель подобрал штат из 30 опытных журналистов, 500 других согласились сотрудничать в журнале нештатно. Подсчитали, что еженедельный тираж составит 100 тысяч экземпляров. Все скалькулировали. Кроме одного — самой жизни. А в ней все течет, все изменяется. «Мы, — заявил Ж.-Л. Серван-Шрайбер накануне выпуска первого номера «Пари-эбдо», — предусмотрели все рискованные моменты. Однако невозможно предвидеть непредвиденное. Где гарантии, что экономический кризис не усилится, и тогда почва может поползти из-под ног?» Хозяин группы «Экспансьон» — не утопист, а расчетливый реалист. Он понимал не только то, что почва может поползти, но и то, что сама по себе она не поползет, что политические силы, которые способны выбить почву из-под ног, должны созреть. Цель нового журнала как раз и состояла в том, чтобы отразить натиск этих сил на бастион капитализма и, прежде всего, притормозить процесс включения молодежи в общую борьбу трудящихся против капитала.

Несколько слов об «интеллигентном капитализме». В таком словосочетании есть свой смысл: умные представители буржуазии пытаются приспособить свою систему к растущему политическому сознанию масс и примирить интеллект с потребительской сущностью рыночного механизма, а точнее, скрыть непримиримость противоречия между ними. Задача, надо прямо сказать, сложная. Система социальной несправедливости, инфляции, безработицы никак не совмещается с образом «интеллигентного капитализма». О чем свидетельствует, кстати, и неудача затеи с выпуском «Пари-эбдо». Опасения Ж.-Л. Серван-Шрайбера оказались не напрасными — журнал популярности не завоевал.

Надо сказать, что способов «отвлечь» западную молодежь от марксизма — великое множество. Самые различные течения («интеллигентные» и «неинтеллигентные»), клубы, секты занимаются этим весьма основательно. Приведу лишь два примера подобной деятельности, на сей раз окрашенной в философско-религиозные тона.

Антикоммунизм подслащенный...

За Монтрё дорога свернула от озера в гору. Вверху, почти под облаками, показался замок Ко. Издали он был похож на кремовый торт с засахаренными малиновыми разводами. С каждой спиралью горной дороги «торт» увеличивался в размерах — мы приближались к штаб-квартире международной организации «Моральное перевооружение».

...Вице-президент административного совета «Морального перевооружения» г-н Даниэль Моттю внимательно изучал мою визитную карточку. Наморщив лоб, пытался что-то вспомнить. Вспомнил.

— Скажите, это не вы написали книгу о «Моральном перевооружении»?

— Книгу — это громко сказано, точнее — брошюру.

— О, это хорошо, что вы приехали к нам.

С этой минуты мы, два корреспондента АПН, оказались в центре внимания очередной сессии «Морального перевооружения». Осенняя конференция собрала около восьмисот человек из многих стран мира. Тут были предприниматели и профсоюзные лидеры, политические деятели и журналисты, люди с разным цветом кожи. Много молодых людей. Тема конференции: «Будущее Европы и ее задачи».

Впрочем, «конференция» — не то слово. На собраниях «Морального перевооружения» не только произносят речи, но и поют, играют на музыкальных инструментах, танцуют, смотрят фильмы и спектакли. Мы как раз попали на музыкальное представление с названием «Высовываться наружу разрешается».

Хор голосов чеканит речитативом:

Муж и жена взирают на то,
Как рушится их семейный очаг,
Занавес гордыни и ненависти
Отделяет богатых от бедных.
Белые, черные, желтые бьются
об этот барьер.
Нет, так не должно продолжаться.
И мы нашли лекарство от этой
болезни:
Многие люди видят — если они
будут честными,
То воздвигнут, камень за камнем,
Здание нового мира без барьеров,
Где все будут равны и едины.

Этот куплет точно передает основную идею «Морального перевооружения» — движения, которое несколько десятилетий камень за камнем воздвигает памятник своему основателю — американскому профессору Фрэнку Бухману.

В 1938 году он произнес в Лондоне речь, которая послужила программой этого движения.

— Нынешнее положение в мире, — сказал тогда Бухман, — порождает недовольство и беспокойство. Усиливается вражда между народами и классами, между трудом и капиталом... Отсутствие надежды подтачивает устои семейной жизни. Есть ли лекарство против этого? Да, есть. Надо вернуться к простым истинам, которые мы часто забываем. Это четыре моральных абсолюта: честность, чистота, бескорыстие, любовь.

Как видим, нынешнее поколение бухманистов не только сохранило заветы своего духовного отца, но и переложило их на стихи и музыку.

...Мы сидели на открытой веранде, любовались пейзажем и слушали речи хозяев.

— Вы, коммунисты, тоже согласны, что миру нужны честность и чистота. Как стать честным и чистым? О, это несложно. Главное, необходимо сосредоточиться и прислушаться к своему внутреннему голосу. «Когда человек слушает, с ним говорит бог». Вы не верите в бога? Все равно, у вас есть внутренний голос. Его лучше слушать по утрам, отрешившись от земных забот.

— Как лекарство до еды? И что, помогает?

Руководство «Морального перевооружения» бережно коллекционирует имена политических деятелей, побывавших в Ко и прошедших здесь курс «морального перевооружения». По мягким коврам замка ступала нога бывшего президента Международного суда Макса Хюбера, бывшего президента Швейцарской Конфедерации Рудольфа Мингера, принца гессенского Рихарда, бывшего японского премьер-министра Киси, бывшего бирманского премьера У Ну, французского экзистенциалиста Габриэля Марселя и многих других. Бухман пытался привлечь людей с известными именами.

Меньше любят вспоминать о письмах Бухмана к Адольфу Гитлеру, в которых основатель «Морального перевооружения» благословлял фюрера на «крестовый поход» против коммунизма. Разве такое было? — вскинула голову молодая

женщина, сидевшая рядом. На меня посмотрели с укоризной. Ну зачем вспоминать прошлое?

...С господином Готфридом Анликером мы познакомились за обеденным столом. Владелец люцернской строительной компании «Анликер АГ», он считается по швейцарским масштабам крупным капиталистом. Приятная внешность, спокойный голос. Рассказывает вполголоса:

— Два года назад я побывал в Ко и, поверьте мне, вернулся в Люцерну обновленным человеком. Я повысил заработную плату рабочим, открыл детский сад для их детишек. У нас теперь социальная справедливость, и я и мои работники довольны, доходы делим поровну.

— То есть половину вам, а другую половину — вашим рабочим. А сколько их, кстати?

— Пятьсот.

— Значит, вы лично получаете в пятьсот раз больше своего рабочего?

— Нет, почему же в пятьсот, у меня еще два совладельца — отец и брат.

Из дальнейшей беседы выяснилось, что, внедрив в производство новую технику, Анликеры вытеснили из строительной промышленности Люцерны почти всех своих конкурентов и теперь получают значительно большую прибыль, чем два года назад, до «морального обновления».

Господин Анликер положил вилку, вытер салфеткой губы:

— Прибыль меня не интересует, для меня прежде всего важна социальная справедливость.

«Братство» труда и капитала. Эта идея в большом почете у бухманистов.

Если идеологические установки «Морального перевооружения» за тридцать с лишним лет не изменились, то формы и методы его деятельности стали более совершенными и утонченными. Когда во Франции в 1969 году вспыхнула забастовка шахтеров, требовавших гарантированного заработка в тысячу франков, из Индии в спешном порядке туда была переброшена группа бухманистов. Они пристыдили французов: «Как вам не совестно требовать тысячу франков, когда зарплата индийского рабочего составляет всего 15—20 франков в месяц!» Так работают бухманисты. Щедрые субсидии текут с банковских счетов в их кассу. Рука руку моет. А прикрывается эта нехитрая процедура громкими речами (и песнями) об идеологии, стоящей «над классами».

В середине прошлого века французский философ и экономист Прудон тоже проповедовал примирение классов. К. Маркс назвал тогда концепцию Прудона нищетой философии, а самого его — эклектиком, который хочет парить и над буржуа, и над пролетариями, но остается лишь мелким буржуа, колеблющимся между капиталом и трудом.

Но есть здесь и нечто новое. Призывы Прудона умерить эксплуатацию рабочего класса встречали у предпринимателей дружный смех. Сегодня, сто лет спустя, капиталистам не до смеха — мощное классовое сопротивление трудящихся заставляет их лавировать, делать вид, что они верят в примирение труда и капитала. И они с самым серьезным видом становятся под знамена «Морального перевооружения». И не только они.

Погасли хрустальные люстры. Экран огненным сполохом прорезало слово «Либерте» — свобода. Нам показали цветной фильм, поставленный шведским режиссером Ричардом Тенгстрёмом по мотивам одноименной пьесы, написанной в Ко. Написанной в рекордный срок — всего за пять дней. Конечно, качество пьесы и фильма от такой спешки не ахти какое. Зато идея, не облеченная в соответствующие художественные формы, стала еще более явной. Все та же идея. Но на сей раз обращенная к «третьему миру».

В начале фильма показана острая вражда между лидерами одной из африканских стран, борющимися против колониализма, и английскими властями в лице губернатора. В окно виллы губернатора летит бомба. Но вот африканцы побывали в Ко и поняли, что лучший способ достичь освобождения — это братание с врагами. Финальная сцена фильма: губернатор целуется с вождем племени. Народ на площади ликует.

Фильм, как и пьеса, переведен на многие языки. Он обошел ряд стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Почему такая поспешность? Ответ на этот вопрос дал теоретик «Морального перевооружения» из Бразилии Петер Орглмайстер. «Коммунизм, — пишет он в книге «Идеология сегодня», — быстро прогрессирует в Азии и Африке, демонстрируя таким образом свои возможности и мощь».

Философы лишь различным образом объясняли мир, наша задача — изменить его. Приведя эту мысль Маркса, Орглмайстер поясняет, что в прошлом, когда народы колоний

были бессильны перед лицом окружавшей их природы, они обращали свои надежды к богу, к сверхъестественному. Сегодня, в век ядерной энергии и полетов в космос, они почувствовали себя хозяевами природы, способными устранить голод и несправедливость с лица земли. Они уже не согласны ждать лучшей доли в загробной жизни, а хотят лучше жить здесь, на земле.

Марксизм дает молодым государствам перспективу, религия — нет. Значит, нужна новая инициатива. Вот она, эта инициатива — «Моральное перевооружение», «которое не является ни церковью, ни сектой, ни организацией».

Итак, бухманисты не хотят пассивно созерцать мир, а требуют его изменения. Каким образом? Путем переделки характера человека. На основе «более глубокого познания бога».

Бухманисты отлично сознают, что расплывчатый «внутренний голос» не может быть практической программой. К тому же еще неизвестно, что он скажет, этот голос. И Петер Орглмайстер того же мнения. «Во-первых,—говорит он,—нам надо усилить слабый внутренний голос... Чтобы принять решение и изменить течение жизни, человек должен рассчитывать не на свои силы, а на нечто другое».

Вот так. И голос слаб, и человек слаб.

«Необходимо,—продолжает Орглмайстер,—иметь внешнее руководство, которым могли бы пользоваться все люди».

Но поскольку бога еще никто не видел, то он передает свои директивы посредством «внутреннего голоса», который—и в этом весь фокус,—«овладевает» меньшинством, может разрешить трудности, стоящие перед всей страной. Изменяются руководители—изменяется сознание народов, изменяется весь мир, в том числе и его экономика.

Вот теперь все ясно: человечество должно активно слушать глас всевышнего из уст руководителей «Морального перевооружения». Дальше—просто: «Не классовая борьба, а изменение характера. Не борьба идеологий, а их примирение. Не капитализм или коммунизм, а их синтез».

Многолетний послевоенный политический и социальный опыт показал антикоммунистам всех мастей, что победить коммунизм в открытом бою невозможно. По всему политическому и идеологическому фронту началась смена вех. Курс балансирования на грани войны уступил место полити-

ке «наведения мостов». Как грибы стали появляться концепции синтеза и сближения двух систем, такие, как теории постиндустриального общества, конвергенции, и другие. Открытая контрреволюция сменилась тихой контрреволюцией с лозунгом «гуманизации» социализма. Антикоммунизм сменил одежды.

Не остались в стороне от этого процесса и бухманисты. Фрэнк Бухман скончался в 1961 году, а в 1962 году с полком «Морального перевооружения» убрали откровенно антикоммунистическую литературу и издали манифест «Ко всем коммунистам мира». Коммунистов пригласили примкнуть к «Моральному перевооружению», которое провозгласили «общечеловеческим движением, величайшей революцией, какую когда-либо знала история».

Так рассчитывали убить двух зайцев. И марксизм опровергнуть; и авторитет коммунизма использовать.

...А потом грянул джаз-банд, составленный из прекрасных молодых исполнителей. С некоторыми из них мне удалось побеседовать. Все они убеждены, что «Моральное перевооружение» — это то, что нужно, чтобы исправить тяжелое существование западной молодежи, помочь ей выйти из материального и духовного кризиса.

Сильвия Аллер (швейцарка, 20 лет): Мне удалось выиграть конкурс песни на телевидении франкоязычной Швейцарии, и я счастлива, что могу песней внести небольшой вклад в преобразование человеческой морали. Ко стал моим вторым домом.

Магнус Робак (швед, 16 лет, в джазе играет на ударных инструментах): Положение шведской молодежи ужасно. Проституция, наркотики. Здесь, в Ко, я прохожу школу морального очищения. Я уверен, что «Моральное перевооружение» способно дать ответ, как изменить жизнь. Послание из Ко я хочу передать молодежи Швеции.

Ричард Уикс (англичанин, 22 года, саксофонист и кларнетист): Человек по природе своей эгоист. Только поставив интересы своего ближнего выше собственных, можно что-то изменить. Как раз этому и учит «Моральное перевооружение». Вот почему я в Ко.

Питер Твайтс (австралиец, 18 лет, в джазе играет на трубе): Я изучал русскую литературу в Мельбурнском университете. Некоторые произведения Льва Толстого убедили меня, что главное в жизни — это возрождение индивидуаль-

ного сознания во вселенском масштабе. Бог — внутри каждого из нас, и, если прислушаться к его голосу, мир и счастье воцарятся на Земле. Это верно как для Запада, так и для Востока. Я услышал этот голос, и поэтому я здесь.

Я слушал их и думал: идея бога на Западе придают второе, третье, четвертое дыхание. Когда-то эта идея была отвергнута передовыми представителями поднимавшегося класса буржуазии. Во имя идеи свободного предпринимательства. Сегодня идеал чистой прибыли сам подвергается суровому ostracism, прежде всего со стороны молодежи, и представители имущего класса вновь обращаются к идее бога, на сей раз под личиной «внутреннего голоса совести», пытаюсь, и часто безуспешно, привлечь внимание молодого поколения.

...Один за другим на трибуну выходили предприниматели и члены профсоюзов, домохозяйки и школьники, белые и черные, и умиленно рассказывали о «самой великой революции», которая якобы помогла им полюбить рабочих и перевоспитать капиталистов, устранить семейные распри и хорошо учиться, забыть расовую ненависть и поладить с колонизаторами.

Речи перемежались музыкальными интермедиями. Фрэнк Бухман взирал на все это и сладко улыбался с портрета. Начинало казаться, что тебя качает в Ноевом ковчеге, плывущем в сахарной патоке. Подташнивало.

Было непостижимо, как можно с таким вдохновением и упорством прославлять тощую и бесплодную идею «межклассовой любви».

Капитализм, писал Маркс, уже на заре своих дней источал кровь и грязь из всех своих пор. Эта характеристика еще более верна и в отношении современного капитализма. И никакие курсы «морального усовершенствования» не способны здесь что-либо изменить.

Это мы и сказали нашим хозяевам на прощание, когда покидали замок Ко.

Обо всем этом я написал вскоре после посещения Ко очерк, который был опубликован в «Известиях». Некоторое время спустя в бюро АПН в Женеве пришел г-н Даниэль Моттю. Да, тот самый, что встретил нас в замке Ко. В руках он держал номер «Известий» с очерком. «Будет браниться,— подумал я.— Так-то, мол, вы платите за гостеприимство». Ничуть не бывало. Он меня... поблагодарил. И я понял: он

доволен, потому что довольны его хозяева. Раз коммунисты бранят «Моральное перевооружение», значит, оно честно отработывает свой хлеб.

Прошли годы, и о «Моральном перевооружении» перестали говорить и писать, очевидно, дело заглохло. Новая волна консерватизма на Западе опять вызвала к жизни антикоммунизм откровенный, без экивоков. Снова в моде лозунг «крестового похода».

...И антикоммунизм откровенный

— Это был сплошной кошмар. До сих пор не могу понять, как могла добровольно согласиться на такое. А впрочем, могу. Я тогда находилась во власти апатии: после угара майских дней шестьдесят восьмого наступили годы тяжелого похмелья. Казалось, все наши надежды пошли прахом и изменить что-либо невозможно. Это был тупик. И вот в это время я познакомилась с Лиз. В отличие от других моих приятелей и приятельниц, она была всегда опрятно одета и улыбалась. Улыбалась постоянно, как будто у нее не было никаких проблем. Когда я спросила ее об этом, она ответила, что все проблемы для себя решила, ибо нашла своего друга и руководителя. Тогда я впервые услышала о Муне, который основал в Париже миссионерский центр.

Ингрид, с которой меня познакомили мои парижские друзья, прервала свой рассказ, достала из сумочки сигареты, закурила. А я мысленно представил себе гладкое лицо, узкие раскосые глазки, зализанные назад волосы, которые видел на фото во французском журнале. Мун Сон Мен — глава одной из самых воинствующих сект. В разных странах она называется по-разному: «Пионеры новой эры», «Ассоциация за объединение мирового христианства», «Международный культурный фонд», «Университетская ассоциация исследования научных принципов», «Институт мысли объединения», «Международная конференция по объединению научных дисциплин». Ко всем этим наименованиям я бы добавил еще одно: «Международная организация по улавливанию человеческих душ», ибо все названные выше ассоциации, фонды, институты являются в действительности одной и той же сектой, стремящейся в зависимости от места и обстоятельств

привлечь в свое лоно и религиозных фанатиков, и студентов, и ученых, и политиков.

При всем многообразии названий и разношерстности поклонников секта эта имеет одну цель. Мун Сон Мен (что означает в переводе «человек, соединивший в себе сияние солнца и луны») торжественно провозгласил в своем евангелии «Божественные принципы», что он возглавил борьбу «сынов Авеля» (сторонников добра) против «сынов Каина» (носителей зла). Если же отвлечься от аллегории, то сыновья Авеля — антикоммунисты, а сыновья Каина — коммунисты. Высшая и единственная цель мунистов — это борьба с коммунизмом. Эту цель Мун Сон Мен подтвердил летом 1976 года на площади в Сеуле, где в присутствии миллиона своих сторонников заявил, что «все религии должны объединиться против коммунизма — злейшего врага бога и всего человечества». В этом, собственно, и состоит вся нехитрая философия «объединения».

А началось все более 20 лет назад.

После окончания войны в Корее, в которой он принимал активное участие на стороне американцев, Мун Сон Мен основал в Сеуле не без помощи диктатора Ли Сын Мана «церковь объединения». самого себя он провозгласил «отцом вселенной», а свою пятую жену, восемнадцатилетнюю Хан Хак Я, — «матерью вселенной». Главным своим помощником Мун сделал Пак Бо И, одного из агентов американского ЦРУ в Южной Корее, совместно с которым организовал при «церкви» семинары по ведению «психологической войны» для южнокорейских полицейских и военнослужащих. Неудивительно, что деятельность «церкви объединения» была признана властями «общественно полезной». Утвердив позиции «церкви» внутри страны, Мун перенес свою деятельность в другие государства.

И вот теперь я слушал рассказ Ингрид, которую мунистам удалось в свое время привлечь в секту и продержать там около двух лет.

Ингрид сделала еще несколько затяжек, притушила недокурную сигарету и продолжила:

— Лиз приносила мне газету «Ле нувель эспуар», которую издавал миссионерский центр. В ней много говорилось о любви, надежде, вере, поисках своего «я», это были любимые темы «Ассоциации за объединение мирового христианства». Ничего интересного в этой газете я не нашла,

обычные банальности. Все же Лиз уговорила меня побывать на вилле, где все они жили. Вилла оказалась настоящим дворцом: множество комнат, большой зал. Все сверкало чистотой: паркет, люстры, скатерти. Молодые люди с короткой стрижкой были в белых рубашках, девушки — в плиссированных юбках, ничего похожего на обитателей молодежных коммун, где я бывала раньше. Встретили меня дружелюбно, вместе с ними я пила чай с пирожными. Спать легли очень рано, мальчики — на первом этаже, а мы — на втором. В спальнной комнате не было кроватей, спали на матрацах, некоторые на подстилках.

Ингрид говорила быстро, почти без пауз, и я еле успевал делать заметки в блокноте. Она не обращала на это никакого внимания.

— Проснулась я от пения, которое доносилось с первого этажа. Лиз уже была одета и ждала моего пробуждения. Мы спустились вниз и присоединились к другим, пили кофе. Какая-то незнакомая девушка намазала мне булочку маслом и предложила клубничный конфитюр. Потом мы перешли в зал, он был совершенно пуст, только на стене висел огромный портрет восточного человека. Это и был Мун, а рядом — знамя Южной Кореи. Мы уселись на циновки, и вошел человек средних лет, которого встретили аплодисментами, все называли его «шефом». Он долго рассказывал нам — оказалось, что таких, как я, новичков, здесь было немало, — о задачах ассоциации. Шеф говорил обо всем. О первородном грехе, о сексуальной революции, о священниках, погрязших в разврате и изменивших Христу, о международном положении и коммунистической угрозе, об эгоистах-родителях, которые не способны понять своих детей, и о многом другом. И все время улыбался, я его про себя назвала «человеком, который смеется». Пожив подольше в коммуне, я поняла, что улыбка входит в каталог правил мунистов. Потом мы читали молитву, что-то вроде «Отче наш», где в роли «отче» выступал Мун.

После обеда ели всё вегетарианское, в основном рис с овощами. Мясо и рыба вообще не потребляются мунистами. Мы снова вернулись в зал, где нас разбили на группы по шесть человек и шеф каждой из групп отвечал на наши вопросы. Требовал, чтобы мы формулировали свои вопросы четко и кратко, сам отвечал так же быстро.

Я задала вопрос, в чем же суть программы ассоциации.

Шеф ответил: «В любви»—и добавил: «Вы ведь цените любовь?»

— В любви к кому?

— К нашему богу Муну.

— Почему я должна любить Муна?

— Потому, что Мун открывает нам истину. Вы ведь любите истину?

— Но почему я должна ему верить?

— Потому, что он искренен, вы поняли?

— Но кто докажет, что он искренен?

— Солнце и луна не могут лгать, они несут свет, а свет—это истина. Коммунисты несут миру мрак, Мун—свет,—вы поняли?

И все в том же духе. Иногда шеф аргументировал свои ответы цитатой из библии, иногда математической формулой. Но в конечном счете все истины сводились к одной: коммунизм грозит человечеству гибелью. Конечно же, я понимала, что все это чушь, и все же что-то меня удерживало в секте. Благожелательность новых товарищей, их улыбки, дружба Лиз? Не знаю. Иногда думала, может быть, они все правы, а ошибаюсь я. Потом я втянулась в новую жизнь и вообще перестала думать и анализировать, жила по инерции, делала все, что делали другие. Иногда ловила себя на мысли: до чего же удобно ни о чем не думать и не иметь никаких проблем, знать, что тебя оденут, обуят и хоть плохо, но накормят. Жизненные цели и интересы сузились до железного распорядка муновской коммуны: в пять часов утра вставала, пила кофе, пела псалмы и шла на работу. Мы с Лиз работали в мастерской по изготовлению искусственных цветов. По 15—16 часов в сутки! Спали не больше 5 часов. Остальное время занимали песнопения. На политических «курсах» нам внушали, что Франция совершила смертельную ошибку, покинув военную организацию НАТО, что французское правительство поступает неправильно, приглашая в страну советских лидеров.

Ингрид усмехнулась, впервые за весь свой рассказ. Очевидно, практика постоянных улыбок у Муна отбила у нее охоту улыбаться.

— Самое странное, что я молилась вместе с другими, хотя всегда была неверующей. Молилась по инерции. Дни и ночи бежали быстро, однообразно и бездумно. Первое время ко мне приходили мои бывшие друзья из университета, уго-

варивали бросить всю эту чушь; отец грозил увести меня силой. Но шеф сказал, что я — совершеннолетняя, и никто против моего желания силой забрать меня из коммуны не имеет права. И все же главное заключалось в том, что я сама уже не имела ни силы, ни воли вернуться к прежней жизни с ее проблемами, заботами и необходимостью о чем-то думать. Постепенно все мои бывшие друзья оставили меня в покое. Сейчас я понимаю, что это был не покой, а полная опустошенность. А тогда, засыпая после изнурительного дня на жесткой циновке, я чувствовала себя счастливой. Невероятно, но факт. Один отец еще пытался вызволить меня из сетей Муна. Он действовал настолько энергично, что мои шефы сочли за лучшее отправить меня на стажировку в США. В Калифорнии я работала на чайных плантациях, за грошовую плату. Ну а потом я приглянулась одному из шефов, и он устроил меня на «курсы», где из проверенных людей готовили руководящие кадры для «церкви объединения». И вот там, на этих «курсах», я вдруг очнулась. Все началось с диалектического материализма, который нам преподавали в числе других дисциплин, с тем чтобы мы могли ниспровергать «дьявольское учение» с полным знанием дела. Надо сказать, что еще в университете меня тянуло к марксизму, но потом я увлеклась экзистенциализмом.

Май 1968-го все перепутал в моем сознании, и когда меня подобрали мунисты, я сама не знала, кто прав и на кого можно опереться. И вот я снова взялась за Маркса. Помню, читала статью, в которой высмеивался некий Криге, писавший пошлости о женщинах и считавший, что поскольку коммунизм является воплощением всеобщей любви, то любвеобильные женщины должны быть жрицами коммунизма. Что-то вроде этого: трижды благословенны женщины, ибо им суждено дать первое освящение давно предсказанному царству блаженства. Маркс и Энгельс писали по этому поводу, что Криге превращает коммунизм в бред о любви. По странному стечению обстоятельств фамилия женщины-шефа, руководившей группой девушек, в которую входила и я, была Криге. Она тоже говорила нам о призвании женщин исправить этот мир, погрязший в хаосе, с помощью любвеобильных женских сердец, об обществе будущего, которое явится воплощением всеобщей любви. Только у нее это был, разумеется, не коммунизм, а результат победы над коммунизмом. И вот на очередной беседе с мадам Криге меня

будто прорвало, я громко расхохоталась. Долго не могла остановиться. Все решили, что это истерика. Такое случалось в муновских сектах нередко. От нервного перенапряжения или от постоянного недоедания. Но со мной было совсем другое—кстати, на «курсах» мы питались уже вполне прилично—просто я снова обрела способность здраво рассуждать. И когда Криге начала убеждать нас, что женщине предопределено рожать мужчин, и потому первенствовать, а не наоборот, я не удержалась от смеха. С этого дня я снова начала думать. Прежде всего о себе и о происходившем вокруг меня. А происходило вот что: нас учили манипулировать сознанием молодых людей по тем же правилам, которые применялись до этого к нам самим. Главное, убеждали профессиональные мунисты, это найти юношей и девушек, потерявших жизненный компас, запутавшихся в сложных противоречиях жизни и ищущих выход из лабиринта. Вот почему они и обосновались во Франции после майских событий 1968 года. Оглушенную и растерявшуюся молодежь было легче привлечь и оторвать от привычной обстановки. Изоляция—очень важный момент в технике мунистов, людей отрывают физически и морально от внешнего мира и затем вдалбливают им идеи Муна. Главную опасность, учили нас, представляют в этот период родители, которые готовы на все, чтобы вернуть своих детей в семью. Поэтому мунисты разработали специальную технику. В своей эгоистической любви, говорили они, родители всецело находятся во власти сатаны, который ими управляет. Они умоляют своих сыновей или дочерей вернуться, потом плачут, угрожают, иступленно ругаются, теряют всякий разум, и сами не знают и не понимают, что творят. Когда молодые люди встречаются затем со своими родителями и те ведут себя именно так, как предсказывали мунисты, они и в самом деле начинают верить, что их отцы и матери подпали под сатанинскую власть. Подобных психологических трюков у мунистов в запасе неисчислимое множество. И все они основываются на правиле: те, кто приобщаются к движению Муна, обязуются отдать ему свою кровь, пот, свои материальные ценности, нынешние и будущие. Он зарабатывал и на таких, как я. Платил нам гроши, а мы ему приносили доход до 100 долларов в неделю. Если кто-то хотел получить разрешение на женитьбу, разумеется, жених и невеста выбирались только из среды мунистов. Необходимо было уплатить за разрешение на брак 400 дол-

ларов. Немудрено, что Мун стал одним из самых богатых людей в мире, он владеет военными заводами и отелями, крупнейшими магазинами и месторождениями полезных ископаемых. И сам живет в Барритауне под Нью-Йорком, в шикарном дворце с охраной.

Ингрид посмотрела на часы:

— Извините, я еще многое могла бы рассказать о Муне, но мне пора кормить ребенка... Да, я ушла из секты, мне угрожали адом в загробной жизни и даже физической расправой в этой, я слишком многое узнала. Но я их не боюсь и делаю сейчас все, чтобы предостеречь молодежь от капканов, расставленных Муном. Нет, я не коммунистка, хотя думаю, что выход молодому поколению может подсказать марксизм. И я сочувствую коммунистам. Уже хотя бы за то, что Мун их считает своими главными врагами.

Таких, как Ингрид, вероятно, немало, ибо возмущение против действий мунистов растет во всем западном мире. В мае 1977 года Мун был арестован в США за откровенное хулиганство — вместе с десятью сторонниками он ворвался в частный университет и пытался вести там пропаганду своих идей. Мун, правда, вскоре был освобожден под залог, но газеты начали открыто обвинять его в применении метода «промывания мозгов».

Собственно говоря, метод «промывания мозгов», которым пользуются мунисты, является не чем иным, как доведенной до своего логического завершения психологической манипуляцией сознанием и подсознанием человека. Французский социолог Ж. Эллюль, рассуждая о принципах современной пропаганды, дает ясно понять, что она должна добиваться не «активной мобилизации человека к действию», то есть не продуманной и осмысленной деятельности, а пассивного поведения. «Оператор-пропагандист,— пишет он,— знает цель, которую необходимо достичь, а также действие, с помощью которого она может быть достигнута, и он вызывает у человека именно такое действие».

Иллюстрацией такой пропаганды могут служить действия «церкви объединения», которая с возрождением в западном мире неоконсерватизма и особенно с приходом к власти в США администрации Рейгана приобрела новую силу.

Кстати, во время предвыборной кампании 1980 года в Соединенных Штатах газета Муна «Уорлд ньюс» вела яростную пропаганду в пользу Рональда Рейгана. А его победа

ознаменовала и новый этап в деятельности «церкви объединения». В 1981 году Мун основал в США две крупные ежедневные газеты — «Вашингтон таймс» и «Нью-Йорк трибюн» с целью, как он сам признал, отвоевать позиции у «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк таймс». С первой у него были и свои личные счеты: «Вашингтон пост» в постоянной погоне за сенсациями неоднократно публиковала щекотливые сведения о «церкви объединения». О том, например, что нет такой западной страны, где Мун не имел бы своих интересов; что за последние 9 лет только японская ветвь муновской империи дала возможность «отцу вселенной» перевести в США более 800 миллионов долларов; что годовой доход Муна от всех его предприятий составляет 700 миллионов долларов.

Мун не жалел затрат и в течение двух лет инвестировал в «Вашингтон таймс» 150 миллионов долларов! Средствам массовой информации как средству ведения психологической войны «церковь объединения» уделяет первостепенное значение. Как-то Мун заявил, что «третья мировая война уже началась — война за умы людей». И чтобы слово не расходилось с делом, Мун основал «Международную конференцию средств массовой коммуникации», которая провозгласила «идеологический крестовый поход» против коммунизма. Кроме того, он разработал программу формирования и ориентации молодых кадров в различных странах мира, имеющих хорошие перспективы стать в будущем политическими и идейными лидерами своих стран. Это было сделано задолго до рейгановской «программы демократии и публичной дипломатии», рассчитанной на обучение и переподготовку «перспективных политических лидеров» западного мира с целью защиты американских интересов.

Особое внимание в американской «программе» уделяется обучению молодых людей, которые могут прийти на смену нынешним государственным руководителям «свободного мира». Для этой цели только в Латинской Америке устанавливаются контакты с «поколением преемников» в более чем 120 центрах, размещенных на континенте. Цель подобных контактов — внедрение в сознание молодежи «демократических ценностей».

При ознакомлении с нынешней «программой демократии и публичной дипломатии» создается впечатление, что рукой ее авторов водил «отец вселенной», преподобный Мун Сон Мен. Да и практическая реализация муновской и

американской программ осуществляется как будто под копирку.

Один только пример. В свое время внимание мунистов привлекли репортажи молодого уругвайского журналиста Хулиана Сафи о Тайване, ЮАР и Южной Корее, выдержанные в антикоммунистическом духе. Познакомившись с Сафи в Южной Корее, агент ЦРУ Пак Бо И предложил ему приехать в Нью-Йорк и пройти там месячную стажировку в составе редакционной группы «церкви объединения». Сафи согласился. В Нью-Йорке его принял сам Мун, который рассказал уругвайцу, что собирается основать «Антикоммунистический интернационал» и потому нуждается в надежных кадрах на местах, которые смогли бы остановить распространение коммунизма. Сафи и тут согласился. И после окончания стажировки был отправлен обратно в Уругвай, где вскоре стал директором мунистской газеты «Ультимас нотисиас». Он регулярно получал ссуды из США (в одном только 1980 году — 51 миллион долларов), которые умело пускал в оборот: скупил контрольный пакет акций «Банко де кредито», третьего по значению банка страны; стал владельцем издательства, выпускающего 70 процентов всех публикаций и 15 процентов книжной продукции Уругвая. За 8 миллионов долларов Сафи перекупил крупнейшую в Монтевидео гостиницу-люкс «Виктория пласа», вложил еще 8 миллионов в ее реконструкцию, гостиница будет иметь 2100 комнат и конференц-зал на 1200 мест. В планах Муна она должна стать главным центром международных встреч адептов «церкви объединения». Хулиан Сафи скупил в целях спекуляции также большое количество земельных участков.

Сейчас Хулиану Сафи 41 год. Его личное состояние оценивается в 50 миллионов долларов, и он знает, кому обязан этим. На стене его бюро — огромное фото, на котором Рональд Рейган пожимает руку полковнику Паку Бо И. Мунисты не ошиблись, Сафи принадлежит «церкви объединения», как говорится, с потрохами, а вложенный в него солидный капитал дает солидную отдачу. Вместе с другими адептами этой «церкви» в Уругвае он привлек в ее лоно за последние три года еще около трехсот «перспективных» деятелей: политиков, бизнесменов, журналистов, лидеров студенчества.

Таков один из эпизодов, характерных для психологической войны. И таких эпизодов — тысячи.

В 1980 году Мун Сон Мен учредил в Соединенных Штатах

«Антикоммунистический интернационал» — нечто вроде политического филиала «церкви объединения» под названием «Кауса» («Дело»). И протрубив большой сбор, отправил своего доверенного и проверенного человека в лице бывшего (бывшего ли?) агента ЦРУ Пака Бо И по странам Латинской Америки собирать войско.

Для начала Пак Бо И посетил Парагвай, где в Асунсьоне 2 марта 1981 года встретился с генералом Стресснером. «Я думаю, — сказал о нем посланец Муна, — что сам бог назначил этого человека управлять страной». Со своей стороны, парагвайский диктатор целиком одобрил планы Муна.

Следующим этапом вояжа муновского агента стал Уругвай. Здесь Пак Бо И провозгласил кредо «Кауса»: «Все люди и нации должны сокрушить коммунизм... Международному коммунизму необходимо противопоставить международное движение... И прежде всего надо подготовить молодые динамичные кадры, которые смогли бы возглавить это движение».

Потом была Боливия, где диктатор Меса устроил в честь Пака Бо И грандиозный прием. А открыл «идеологический семинар» начальник генерального штаба Хорхе Агила Теран.

Почести, оказанные посланцу Муна в Боливии, были далеко не случайны: менее года назад мунисты приняли самое активное участие в государственном перевороте, член руководства «Кауса» Томас Уорд действовал здесь в тесном контакте с лионским палачом Клаусом Барбье. Путчисты получили от Муна 4 миллиона долларов. Как видите, методы «церкви объединения» далеко выходят за рамки чисто идеологические. В Боливию из Уругвая тогда была переправлена и пища духовная — 50 тысяч экземпляров мунистской литературы. Самолетами ВВС США. В знак признательности генерал Меса одобрил проект создания в Ла-Пасе мощной радиотелевизионной станции, которая должна была служить Муну рупором его идей в Латинской Америке. Только падение диктатора Месы сорвало реализацию этого проекта.

Из Боливии Пак Бо И перебрался в Чили, где также встретил самый радушный прием. Газеты вспоминали, что накануне образования «Кауса» Пак Бо И долго беседовал по этому поводу с Пиночетом. И, конечно же, встретил с его стороны полное понимание. На семинарах в Сантьяго посланец Муна разъяснял, как важно победить коммунизм «на философской почве».

В Ла-Плате (Аргентина) Пак Бо И выступил на семинаре в католическом университете. Да так удачно, что спустя три года ему и Муну были присвоены звания почетных профессоров. Правда, выступая с речью по этому поводу, ректор университета Никола Архентато сказал несколько больше, чем того хотелось бы лидерам «церкви объединения»: «Университет установил тесные связи с отцом Муном и Пак Бо И, которые нам очень помогли, не скрою этого. И мы решили, что настало время отблагодарить их за заботу... Они передали университету 120 тысяч долларов, что позволило нам основать кафедру журналистики. И кроме того, мы констатировали, что у нас общие интересы... В этом мире надо выбирать союзников среди тех, кто по своим философским убеждениям вам ближе». Как говорится, комментарии излишни.

И, наконец, были семинары в Бразилии, где обосновались тысячи мунистов. В распространении идей «церкви объединения» здесь существенную помощь оказывает основанная мунистами в сентябре 1981 года газета «Ультимас нотисиас» (по образцу уругвайской). Долларов не пожалели: газета имеет великолепную полиграфическую базу, ее редакция укомплектована высокопрофессиональными журналистами. За три года по тиражу она вышла на третье место в Бразилии.

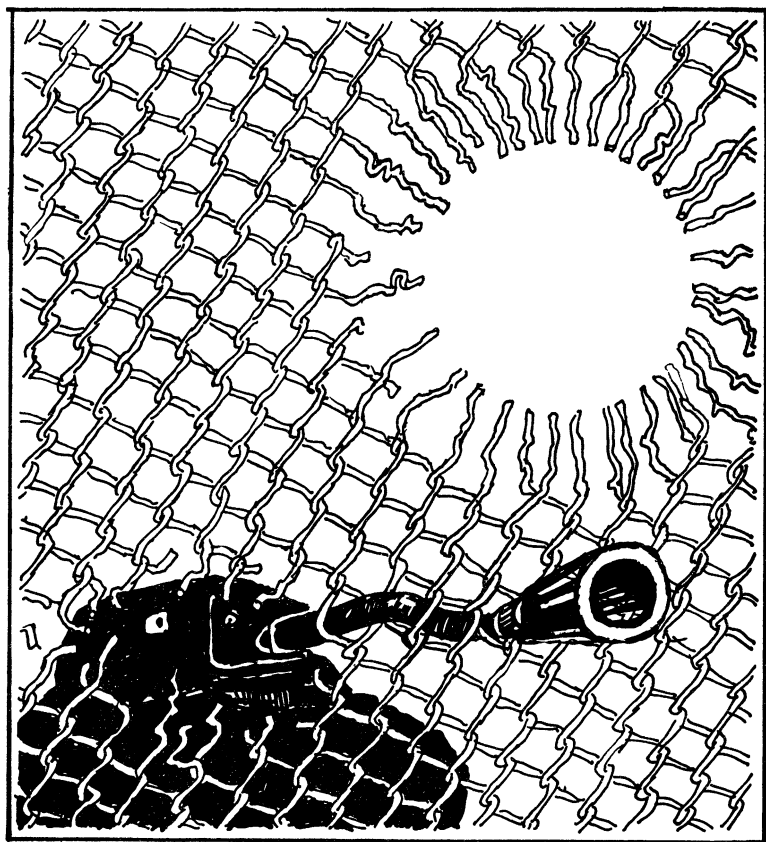
Любопытная деталь. Описанная выше поездка видного представителя «церкви объединения» по странам Латинской Америки последовала вскоре после прихода к власти в Соединенных Штатах самой консервативной за последние десятилетия администрации Рейгана, которая недвусмысленно дала понять, что первым делом необходимо навести порядок в «собственном доме»: Латинская Америка рассматривается лидерами США как собственный дом, а рост идей коммунизма — как беспорядок в доме. Это совпадение не случайность. Как не случайно и то, что прошедший в феврале 1984 года в Монтевидео под председательством Пака Бо И первый всемирный конгресс «Антикоммунистического интернационала» — «Кауса» уделил особое внимание делам в Центральной Америке. В конгрессе принял участие генерал Эд Уолнер, директор одного из «мозговых центров» правого крыла республиканской партии США, который поощряет агрессивную политику в Центральной Америке. И не случайно, что этот генерал занимает одновременно пост президента отделения «Кауса» в Соединенных Штатах.

Среди четырехсот делегатов мунистского конгресса можно было встретить реакционеров со всех концов света — от клерикалов до «новых правых». И среди них, между прочим, — и нашего старого знакомого Жана-Франсуа Ревеля. Помните, того самого, кто написал бестселлер «Ни Маркс, ни Иисус». Теперь он предпочел компанию Мун Сон Мена. И всех делегатов конгресса занимал главный вопрос: как «промыть мозги» человечеству, чтобы отвратить его от идей коммунизма.

Все логично. Перефразируя знаменитые слова «Манифеста коммунистической партии», можно сказать, что все силы старого мира объединяются для «священной» травли коммунизма: президент Рейган и британские консерваторы, отец Мун и Пиночет, французские «новые правые» и западногерманские неонацисты. Конечно, остановить коммунизм им не дано. Как не смогли этого сделать в прошлом веке папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские.

Но знать врагов и их методы надо.

Подвиг

17 ноября

«Неподалеку от афинского Национального музея вы увидите ничем не примечательное здание Политехнического института. Может быть, проходя мимо, следует остановиться на нем взгляд и подумать о демократии; здесь в трагический ноябрьский день 1973 года армия и танки растерзали более сотни студентов. Только за то, что они слишком громко кричали о своей любви к свободе».

Эти слова принадлежат француженке Веронике Доменеш, автору «Путеводителя по Греции». Прочитав их, я вспомнил мемуары бывшего префекта парижской полиции М. Гримо, который рассказывал о бурных событиях мая 1968 года. Когда вечером 15 мая по окончании театрального представления студенты оккупировали здание театра «Одеон» и заявили, что отныне будут ставить здесь свои революционные спектакли, некоторые политики уговаривали тогдашнего президента Ж. Помпиду осадить театр и взять его силой. М. Гримо рассудил иначе и убедил президента воздержаться от крутых полицейских мер.

— Я,— заявил М. Гримо,— не придавал большого значения оккупации «Одеона». Мне представлялось, напротив, даже полезным иметь в Париже один или два форума, где все желающие могли бы высказаться в духе полной свободы. Такую коллективную психологическую разрядку я считал предпочтительней уличной драки.

Итак, и в Париже, и в Афинах студенты «кричали» о свободе. Только в Париже им дали возможность покричать и

разрядиться, а в Афинах «крик» давили. Вместе с людьми. Танками. Конечно же, не потому, что парижский префект Гримо оказался умнее «черного полковника» Пападопулоса. Просто парижские студенты в мае 1968 года и афинские в ноябре 1973-го говорили на разных языках и искали разную свободу.

«Требуйте невозможного!», «Творческое воображение — к власти!» — эти лозунги были начертаны на стенах Сорбонны. Греческие студенты скандировали: «Долой фашистскую диктатуру!», «Власть — трудящимся!».

Различие очевидно. И неудивительно, что мне очень хотелось познакомиться поближе с «греческим феноменом», побеседовать с молодыми людьми — участниками трагического и славного ноября 1973-го. Я чувствовал, что они смогут ответить на многие вопросы, которые подняли, но не смогли решить молодые люди других стран Западной Европы.

Здесь сразу надо сделать существенную оговорку. Я ни в коей мере не хочу умалить значение молодежного протеста конца 60-х годов и противопоставить ему движение греческой молодежи.

В 60-х годах молодые американцы, французы, итальянцы протестовали против системы, не способной предоставить человеку человеческие условия существования.

Другое дело — социально-политическая ориентация. Воспитанные на антикоммунизме и антисоветизме, молодые бунтари были далеки от правильной оценки реального социализма, враждебны ему. Поэтому бунт их вылился в поиск утопического «третьего пути» к обществу социальной справедливости. И, как уже не раз случалось в истории, анархическое отрицание как буржуазной, так и коммунистической идеологии привело в конечном итоге к сползанию к буржуазной идеологии.

Однако провозглашение частью молодежи Запада ошибочных лозунгов и ее ориентация на ложные ценности не умаляют объективного значения самого движения. Сущностью молодежных движений конца 60-х — начала 70-х годов была борьба против капитала.

Протест греческой молодежи был тоже направлен против капитализма, наиболее реакционных его форм. Однако он происходил в другое время и в иных условиях. Он был новым, прогрессивным явлением в развитии молодежного движения.

Я провел в Греции всего один месяц. Гостеприимные хозяева сразу дали мне понять, что туризма не будет. И его не было. Была работа. Я исколесил почти всю страну. И везде встречал молодежь, которая требовала ответа на самые острые вопросы.

Университет в Комотинах — один из немногих, где анархисты еще сохраняли какие-то позиции. Они и навалились на меня во время дебатов. Особенно усердствовал высокий парень с копной волос на голове. Задал кучу «почему», и все вокруг проблемы государства.

— Почему вы в России не ликвидируете государство? Ведь Маркс говорил, что социализм отменит его.

Подобные вопросы задавали и анархисты на Западе.

— Маркс говорил не о социализме, а о коммунизме и не об отмене государства, а о постепенном его отмирании.

— Так почему оно не отмирает?

— В каких-то своих функциях оно отмирает, передает дела в ведение профсоюзов, других общественных организаций.

— Но в других усиливается. Армия, например.

— А вы бы хотели, чтобы она тоже отмирала?

— Конечно. И Маркс этого хотел.

— И мы тоже этого хотели бы, можете верить мне. Но ведь, скажем, в США армия не отмирает.

— Это понятно, там капитализм.

— А вам лично что больше по душе, капитализм или социализм?

— Что за вопрос?

— Тогда почему вы хотите, чтобы социализм разоружился перед лицом вооруженного капитализма?

Он еще что-то говорил, но было очевидно, что подавляющее большинство присутствовавших не настаивало на немедленной отмене социалистического государства.

Из своего пребывания в Греции я вынес твердое убеждение — ни крайне правые, ни просто правые не смогли за годы своего правления привить грекам антисоветизм.

За крайне редким исключением. Случилось мне побывать в одном афинском доме, хозяева очень хотели со мной встретиться. Встретились в большой комнате, похожей на зал, с огромной хрустальной люстрой. Меня усадили на мягкий диван и вручили тарелочку с куском кремowego торта, приготовленного хозяйкой, — удивительно неудобная пози-

ция для дебатов. Впрочем, дебатов не получилось. Их было четверо, моих оппонентов, и они буквально прошивали меня насквозь перекрестными очередями слов. При этом они ни о чем меня не спрашивали, они меня убеждали. Переводчик, которого они заготовили на этот случай, переводил, сохраняя всю непрекаемость интонации их тирад. Они мне рассказывали о том, что в Советском Союзе в родильных домах младенцев пеленают по рукам и ногам специально для того, чтобы отбить у них с самого рождения охоту к свободе. А потом их отбирают от родителей в детские сады, где усиленно обучают идеологии и военному делу.

На этом месте хозяин демонстративно достал из стола книжку и сунул ее мне. Так сказать, чтобы не быть голословным. Это был «Мальчиш-Кибальчиш» Аркадия Гайдара. На обложке Мальчиш в буденовке, с саблей и трубой в руках, пинал под зад толстого буржуина.

До чего же приятно было встретить в этом салоне дорогого Мальчиша-Кибальчиша!

А они снова строчили длинными очередями. Про «военизированную организацию» под названием комсомол, про молодых людей, которых отправляют на каторгу под названием БАМ. Обо всем этом они, разумеется, знали лучше меня: «Хотя мы в России сами не были, но слышали обо всем этом от хороших знакомых, вполне почтенных людей, которые там были и которым, конечно же, можно верить».

Наконец они иссякли и любезно предложили мне высказаться. И если есть вопросы, то пожалуйста. Я сказал, что есть один вопрос: где тут у них выход? И еще сказал, что торт был вкусный, спасибо. Потом мне рассказали, что они очень обиделись. Я этого не думаю, таких убедить или обидеть невозможно. Рассказанный случай был тем исключением, которое лишь подтверждает правило. А правило состоит в том, что большинство греков относятся к нашей стране с искренней симпатией. Думаю, именно в этом, среди прочего, кроется причина того, что Греция часто вызывает своими действиями недовольство партнеров, определяющих политику Североатлантического блока. Лютый антикоммунизм и антисоветизм Соединенных Штатов не находит отклика у большинства греков. И не найдет. Пожалуй, в этом же — и один из ответов на вопрос о причине высокой политической активности греческой молодежи.

Общественная жизнь Греции начинает бурлить в ноябре, когда подходит годовщина событий в Политехническом институте. Греки называют Политехнический институт, или сокращенно Политехникум, «кровоточающим сердцем Афин». Они приходят ежегодно в это здание, которое на два дня превращается в общенациональную политическую трибуну.

16 ноября. Канун годовщины. Улицы перед Политехникумом и его двор запружены толпами людей. Гремят динамики институтского радиоузла, разнося по прилежащим кварталам революционные мелодии и марши. Подходят все новые и новые группы людей. Делегации от учебных заведений, судоверфей, заводов, мастерских, министерств, политических партий, профсоюзов. Все несут огромные венки из живых цветов. В память о погибших студентах, в благодарность им.

С Фемисом Казанджидисом (при нашем знакомстве он представился мне: «безработный преподаватель философии»), который хорошо знает русский язык, мы пробились во двор Политехникума и поднялись на террасу второго этажа. Отсюда было прекрасно видно все, что происходит во дворе. Фемис рассказывал, стараясь перекричать радио.

— Вот так же, если исключить цветы, было и девять лет назад, накануне того 17 ноября. Мы заняли это и другие здания института в самом центре города, под носом у диктатора Пападопулоса. Студенты требовали отменить драконовские законы, введенные «черными полковниками» в греческих институтах; в то время в вузах были полностью отменены профсоюзные права, руководство студсоветов назначалось хунтой, всякая политическая деятельность запрещалась, за нее отправляли в тюрьму или в армию, усилились репрессии против студентов.

Фемис закурил сигарету.

— Мы, конечно, понимали, что вызов режиму может обойтись нам недешево, но надеялись, что нас поддержат другие учебные заведения, народ, ведь хунта страшилась именно выступления народных масс. Студенты четко распределили обязанности между собой. Я, например, вместе с товарищами участвовал в организации снабжения студентов продуктами, медикаментами. Многие сочувствующие нам жители близлежащих кварталов приносили к ограде корзины с едой, мы распределяли ее между студентами. Были и провокаторы, которые распускали слухи, будто рабочие осадили здание парламента, и призывали всех идти туда, чтобы,

как они говорили, «начать штурм Зимнего дворца». Помню одного горластого, который требовал немедленно начать социалистическую революцию. Когда подошли танки, его как ветром сдуло. Надо отдать должное студентам, прежде всего из организации Коммунистической молодежи Греции (КНЕ), они были бдительны, не поддались на провокации, убедили всех в необходимости поддерживать революционный порядок. Секретарь КНЕ Димитрис Гондикас вместе с другими товарищами увязал требования студентов с общенациональными, антифашистскими лозунгами. Мы выгоняли провокаторов из стен института. Порядок был полный, ни одно стекло не было выбито. Мы не давали хунте повода для репрессий.

По радио зазвучал женский голос. Фемис сказал, что это запись выступления Марии Даманаки, она в те дни передавала требования забастовочного комитета.

Фемис говорит:

— 17 ноября 1973 года. Танки хунты подошли к ограде и навели пушки на факультет. Наше радио передавало тревожную весть: «Греки! Орудия танков направлены на Политехнику». Студентки протягивали сквозь ограду руки, призывая солдат не стрелять. Так продолжалось до наступления ночи. Мы думали, что они не осмелятся применить силу против безоружных студентов... Все произошло стремительно. К воротам подошел офицер с пистолетом в руке и потребовал, чтобы студенты освободили территорию института. Студенты оставались на своих местах. Тогда по его приказу танк вышиб ворота и ворвался во двор. За ним — солдаты с автоматами, гранатами со слезоточивым газом. Началась кровавая расправа. Солдаты стреляли из автоматов, бросали гранаты.

Фемис указал на деревья, увешанные оранжевыми плодами.

— Мы срывали апельсины, разрезали и смачивали соком платки, дышали через них, чтобы спастись от удушья. А радио продолжало греметь, извещая греков о трагедии. До самого последнего момента, пока в радиоузел не ворвались солдаты. Они разбили аппаратуру и арестовали всех, кто находился в студии, — Марию Даманаки и ее товарищей...

Венков во дворе становится все больше. Их кладут у памятника погибшим работы скульптора Мэмоса Макриса, который создал и знаменитую скульптурную группу в Маутхаузене. По радио передают Седьмую симфонию Шос-

таковича. Ленинградскую. Железный ритм. Тогда шли танки Гитлера, здесь были танки Пападопулоса. И там и тут — танки фашистов.

— Что же было дальше, Фемис?

— Политехникум можно было подавить, но не победить, ведь общедемократическое движение гораздо шире студенческого. Еще в начале 1973 года оно стало, по существу, общенациональным. Рабочие поддерживали студентов, проводили совместные митинги протеста, демонстрации. Это почувствовали и американцы. По рекомендации ЦРУ хунта начала игру в демократию, но народ эту игру не поддержал, он следовал лозунгам подполья, ядро которого составляли коммунисты. Политехникум стал эпицентром взрыва. Кровавая расправа над студентами вызвала многочисленные забастовки на крупных промышленных предприятиях.

В. И. Ленин писал, что в стране, где «происходит прогрессирующее накопление горючего материала», студенческие движения «могут легко оказаться началом событий, идущих неизмеримо дальше, чем мелкий и частный конфликт из-за ведения дел в одной отрасли государственного управления»¹. Молодежь, студенчество, всегда острее чувствует социальную несправедливость, молодые души более ранимы, а умы — горячи. В царской России крупным выступлениям рабочего класса нередко предшествовали студенческие волнения. Именно тогда В. И. Ленин и высказал приведенную выше мысль. То же самое произошло в 1968 году и во Франции, где грандиозная июньская забастовка рабочего класса была прямым продолжением бурного студенческого мая. Так произошло и в Греции.

Маршрутом «вечно живой памяти»

17 ноября 1982 года. Проезжаем площадь Конституции, отсюда хорошо виден Акрополь, под ним Агора — место, где древние вели политические дебаты. Сегодня Агорой стал весь город. Люди с транспарантами, цветами, знаменами идут в одном направлении — к Политехническому институту. Мы тоже выбираемся из машины, бросаем ее в переулке,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 281.

дальше не проехать. До начала демонстрации еще два часа, а улицы, примыкающие к институту, запружены народом. Сплошные зеленые и красные тона. Цвета правящей партии — Всегреческого социалистического движения (ПАСОК) и коммунистов. Синих нет. Лидеры правой партии «Новая демократия» заявили, что они чтут годовщину, но что коммунисты и социалисты превратили ее из национального Дня памяти в сугубо партийное мероприятие. А потому они участвовать в демонстрации отказываются. Йоргас Популос, с которым мы пробираемся через толпу, комментирует: просто они перепугались, что растворятся в массе и все увидят, как ничтожно их влияние в народе.

Йоргас, один из работников издательства «Современная эпоха», любезно вызвался быть моим гидом на демонстрации. Он очень популярен, с ним беспрерывно здороваются разные люди. Некоторые именуют его «товарищ Такис», это его подпольное имя периода Сопротивления. После каждого очередного рукопожатия Йоргас поясняет мне: с этим мы сидели в асфалии (охранке «черных полковников»), с этим — в тюрьме, с этим — на острове, этот был приговорен к смертной казни, но сбежал из тюрьмы, этот — к пожизненному заключению. Подходит Христос Куцейоргас, он тоже работник Издательства.

— Христос, сколько ты просидел?

— В общей сложности 21 год. На Леросе, Эгине, Крите...

Йоргас призывно помахал рукой:

— Георгий, иди к нам. — И мне: — Познакомься, это Георгий Трикалинас, с легкой руки которого наше издательство получило свое название. На острове Лерос Георгию удалось заполучить книгу «Ленин и современная эпоха». Вторую часть заголовка и решили сделать названием будущего издательства.

Георгий Трикалинас улыбнулся:

— Да, Лерос... Ни деревьев, ни пресной воды. Остров Дьявола.

Народ между тем все прибывает. Сотни и сотни тысяч людей. В море зеленого и красного вдруг мелькнет черный цвет. Подходим к группке под черно-красным знаменем — «Движение революционных левых». Я обращаюсь к высокому парню с густой бородой. В руках у него мегафон, и он время от времени выкрикивает: «Долой капиталистов — и

левых и правых!» Я обращаюсь к нему, называю себя. Он — себя. Пьетро Константино. Кричит то в мегафон, то мне:

— Мы против всякой бюрократии. Университет — это чисто капиталистическое предприятие, он постоянно воспроизводит бюрократов. Наше кредо — социалистическая революция. И не завтра, а сегодня, немедленно. Власть рабочих. Но никакой диктатуры пролетариата, никакой партии. Только рабочие комитеты.

К нам подходит девушка, протягивает лист бумаги, на нем какой-то текст и много подписей. Девушка просит:

— Подпишите, это требование, чтобы у нас в стране не было американских военных баз.

— Я бы с удовольствием, но я — советский. Это советикос.

Она смеется, жмет мне руку, говорит уверенно: у нас их не будет, не сомневайтесь.

...Короткий митинг у Политехникума. И тишина. Минута молчания в память о погибших. Не только здесь, по всей многострадальной, не покорившейся тирании Элладе. И затем начало демонстрации. По маршруту «вечно живой памяти» — от улицы 28 октября до американского посольства. Впереди — шесть студентов. В руках, поднятых над головой, они несут полотнище национального флага Греции, пробитое пулями с ржавыми пятнами крови. Этот флаг в день расправы развевался над воротами Политехникума. Тут же — большой макет самих ворот, разбитых танками. Матери погибших студентов в черном с ярко-красными гвоздиками в руках. И колонны людей. Впереди сторонники правящей партии ПАСОК под зелеными знаменами. Мегафоны разносят лозунги: «Греция принадлежит Греции!».

Лозунги в колоннах под красными полотнищами: «Долой американские военные базы!», «Долой НАТО!», «Враг — империализм!», «Борьба продолжается!».

...Демонстрация продолжается уже несколько часов, а конца ей не видно. В сутолоке я потерял Йоргаса Популоса, но мне повезло, я наткнулся на Надю Валовани. Надя — член бюро Центрального совета комсомола, принимала самое активное участие в событиях 1973 года, была арестована, ее пытали.

— Но хунты нет, а я здесь, живая!

Это она сказала мне при первой встрече, когда нас познакомили. И рассмеялась. Я просил ее тогда рассказать, хотя

бы коротко, о жизни греческого комсомола, но она была занята подготовкой демонстрации. И вот теперь предложила сама:

— Знаешь что? Давай посидим немного, и я тебе кое-что расскажу. Для начала немного статистики. По последней переписи, в Греции около двух миллионов человек в возрасте от 15 до 29 лет, это значит — двадцать процентов населения; из них больше миллиона — рабочая молодежь, то есть четвертая часть всего трудоспособного населения страны. Прибавь к этому 100 тысяч студентов и 250 тысяч учеников от 15 до 19 лет, и тебе станет ясно, какая это сила. Причем сила, имеющая большие революционные традиции.

Еще в начале 20-х годов в Греции была создана молодежная организация, которая активно участвовала в движении рабочего класса под руководством коммунистов. В 40-е годы она стала самой массовой молодежной организацией, сотни тысяч ее членов сражались с оружием в руках против гитлеровцев в горах и в подпольных отрядах в городах. Многие погибли в годы оккупации. В 50-е годы самая боевая часть молодежи оформилась в движение, носившее имя Ламбракиса, депутата парламента парламентской фракции ЭДА, который был убит реакционерами. Председателем этого движения был Микис Теодоракис. Оно сыграло важную роль в борьбе против монархии. В 1968 году, в подполье, Компартия Греции решила создать комсомол, вменив ему в первоочередную задачу борьбу против хунты.

Вот так мы и подошли к событиям в Политехникуме, которые теперь сами стали традицией для нынешней молодежи. Наш лозунг — «Вслед за поколением Политехнического института, вместе с рабочим классом, за демократию и социализм!». Поколение Политехникума достигло сегодня 30 лет, но традиции передаются новым поколениям. Политическое и идеологическое влияние комсомола распространилось сегодня на все молодежные слои. А вот в плане организационном дело продвигается медленнее, чем хотелось бы. Хотя комсомол завоевал статус легальной организации, до сих пор на многих предприятиях нам приходится работать чуть ли не подпольно. Нет, хозяева не запрещают комсомол, они просто увольняют его членов. Доходит до смешного. На автомобильном заводе «Виамакс» — это филиал фирмы «Мерседес» — администрация создала футбольную команду, которая ездила в турне по стране и даже побывала в ФРГ. Но

как только в нее вошли несколько комсомольцев, ее тут же расформировали. Вот до каких глупостей можно прийти в ненависти к коммунизму!

Капиталисты многому научились за эти годы. Они понимают, что главное для них сегодня — отсечь молодежь от нашей организации. И надо сказать, кое-что им удастся, особенно это касается юношей и девушек 16—20-летнего возраста. Они отвлекают их рок-музыкой, порнографией, при случае и наркотиками. Ну и, конечно же, всеми силами препятствуют совместным действиям учащейся и рабочей молодежи. В 1977 году боссы приняли негласное решение: студентов-агитаторов на заводы не допускать. Приходится встречаться и обсуждать общие проблемы с рабочими за воротами предприятий. Есть ли общие проблемы? Разумеется, и их немало. Лозунг Политехникума «Хлеб — образование — свобода» и сегодня способствует объединению всех трудящихся. Предприниматели внушают рабочим, что их интересы чужды студентам, учащимся, но рабочие видят, что это не так. Примеры? Пожалуйста.

Когда в 1979 году бастовали автомобилестроители, студенты собрали более 700 тысяч драхм, чтобы поддержать их семьи. В свою очередь, рабочие судостроительного завода «Скарамангас» рассказали в Политехническом институте студентам — будущим инженерам-судостроителям об условиях труда и политических проблемах на предприятии, где им предстоит работать после окончания учебы. А в ноябре 1980 года рабочие-строители помогли студентам прогнать анархистов и наемных бандитов из Политехникума. Жестокая была схватка. Поначалу тем удалось даже захватить помещение химического факультета, они искали активистов Национального союза студентов, хотели расправиться с ними. К счастью, вовремя подошли рабочие.

Надя помолчала немного, потом сказала:

— В 1979 году буржуазия начала так называемую реформу, в результате которой число молодых людей из рабочих семей, поступающих в высшие учебные заведения, резко сократилось. На промышленном факультете университета в Салониках их доля уменьшилась на 33 процента! Мы сразу почувствовали, что во многих вузах нам стало трудней, чем раньше, проводить политическую работу.

В чем суть реформы? В двух последних классах гимназий были введены экзамены по гуманитарным и естественным наукам. На этих экзаменах требования к ученикам далеко

выходят за рамки школьных программ. А это значит, что хорошие отметки на экзаменах—без этого в вуз не поступишь—можно теперь получить только в результате дополнительного, внеклассного обучения. Но за это надо платить, и деньги немалые. Или учиться в частных школах, где уровень преподавания выше, чем в государственных, но и плата за обучение там значительно выше. Таким образом, был создан дополнительный фильтр, который отсеивает молодых людей из необеспеченных семей еще до вступительных экзаменов в институт. В одном из районов Афин—Психико—есть колледж для богатых. В прошлом году 95 процентов его выпускников поступили в институты, а остальные 5 процентов уехали за границу. Итого—100 процентов успеха. А из гимназии в рабочем районе Метаморфоси в вузы смогло попасть только 3 процента выпускников.

То, о чем рассказала Надя Валовани, не составляет специфики одной Греции. В этом, пожалуй, и заключена сегодня стратегия буржуазии—оторвать студенчество от рабочего класса и развратить его потребительскими идеалами.

По своему реальному положению в обществе студенты, во всяком случае, большая их часть, составляют будущий интеллектуальный пролетариат, они пополняют со временем прослойку так называемых «белых воротничков», интеллигенцию, низводимую крупным капиталом до положения наемных работников. Потому их сознание революционно. Студенческий бунт на Западе был ярким проявлением этой революционности.

Этот бунт не мог не обеспокоить идеологов буржуазии. Они, конечно, понимают, что устранить интеллект в эпоху научно-технической революции—это несбыточная фантазия, но попытаться выхолостить политическое содержание—это другое дело. И они делают все, чтобы добиться этого. Иногда с успехом. О чем свидетельствует волна пессимизма и неверия в возможность социальных изменений, которая сегодня захлестнула интеллигенцию Запада. Не случайно одним из основных мотивов западной художественной и социологической литературы стало описание метаний отчаявшихся молодых людей, не знающих, куда приложить свои силы и энергию. «Живи, как придется». Так назвал свою книгу, вышедшую в 1980 году, французский прозаик Ален Леблан, и это название прекрасно подходит ко многим романам, появившимся на книжном рынке Запада в начале 80-х годов. Они описывают жизнь молодых людей, которые

бурно протестовали в свое время против капитализма, но, не сломив его, отчаялись и отказались от борьбы. Их уделом стали индивидуальные поиски в сфере мелких личных интересов, в потребительстве, сексе.

Не найдя «третьего пути» (не капитализм и не социализм), многие студенты разуверились в политике вообще, поддались состоянию политической апатии, которая столь по душе боссам из Трехсторонней комиссии. Их потенциальная революционность растворилась в мелочах.

Всего этого я не обнаружил в Греции, политическая апатия здесь — удел меньшинства молодежи. Большинство проникнуто социальным задором и настроено на борьбу за идеалы демократии и социализма. Для меня это было открытием.

Мысли мои прервал голос Нади:

— Гляди, анархисты идут.

Под черными знаменами мимо нас шли группки бородачей и девиц неряшливого вида.

— Жалкие, не правда ли? А ведь еще совсем недавно они были очень сильны, особенно в конце 70-х годов. И среди студентов, и в школах профтехобразования, и в гимназиях. Очень нам пакостили. В 1980 году на выборах в студенческие советы они получили 13 процентов голосов, но то был их последний всплеск. В 1982 году у них осталось всего 4 процента. По всей Греции анархистов сейчас наберется не больше двух тысяч. Мы их сломили идеологически и организационно. Но они еще пыжятся.

Стемнело. Люди устали. Поход «вечно живой памяти» продолжается уже более пяти часов, но проходят все новые и новые колонны. Ни огонька, ни звука в здании посольства США. Зато волнуется и грохочет людской поток, текущий перед ним.

В гостиничном номере я включил телевизор. По первой программе давали «звезд» рок-н-ролла, по второй — нудный фильм. Выключил телевизор, погасил свет. Но заснуть долго не мог. В ушах звенели лозунги: «Эксит американикас вассис!», «Охи стонато!» — «Долой американские базы!», «Нет — НАТО!».

Интервью через решетку

Мой гид, молодой преподаватель физики Стергиос Бинопулос, посмотрел на часы:

— Поехали, по программе у нас сейчас профтехучилище судостроительного завода в районе Аспропиргос, надо успеть к митингу, а потом — на другой митинг, на заводе «Триумф».

Машина долго петляла по городу. Еще не доехав до училища, мы снова услышали голос Марии Даманаки. И здесь радиоузел передавал запись памятного события. Мы успели как раз к митингу, он состоялся в помещении столовой.

Выступала Ариадна Алавану, редактор «Одигитиса», центрального органа греческого комсомола.

— Для нас юбилей Политехникума — это не только память о славном прошлом, это очередной этап борьбы против безработицы, против иностранного засилья, экономического и военного, против американских баз. В годы военной диктатуры газета коммунистов «Ризоспастис» разъясняла из подполья, что хунта была вовсе не «эмоционально-психологической реакцией», как пытаются сегодня представить некоторые. Захват власти «черными полковниками» стал результатом целенаправленной работы ЦРУ. Хунта сметена народным гневом, но ЦРУ по-прежнему продолжает свое черное дело. В этих условиях почтить на лаврах — преступление, жертвы Политехникума вызывают к революционной бдительности.

В заключение митинга все встали и минутой молчания почтили память погибших студентов. В окна был виден порт, там под погрузкой стояло несколько судов, в том числе наше, советское. На его мачте развевался красный флаг. Как бы тоже салютуя памяти жертв реакции. Мы вышли на балюстраду. Некоторые ребята подошли ко мне. Кто они? Какие у них планы на будущее?

Димитрос Путас (16 лет): Я не помню событий в Политехникуме, но понимаю, в чем там было дело. Что я делаю в свободное время? Помогаю отцу, он рабочий. Читаю мало. Хожу в дискотеку, чтобы убить время. Хотел бы стать хорошим мастером, накопить денег, а потом открыть свой магазин. Что такое социализм? По-моему, это что-то лучшее, чем то, что есть у нас сегодня.

Иоаким Тарабадзис (19 лет): Моя ближайшая цель — закончить хорошо училище. Хотя это вовсе не значит, что я смогу получить работу. Диплом часто остается пустой бумажкой. Но знания остаются, они нужны для борьбы. Я верю

в борьбу. Только она поможет добиться гарантированной работы. Моя главная цель — социализм. Как в Болгарии или у вас в Советском Союзе. Социализм — это работа. На себя и своих товарищей.

Констанидис Георгас (20 лет): Еще недавно я был председателем совета учащихся этого профтехучилища. Не раз выступал против администрации. Меня исключили и перевели в другую школу, в Пирее. Но и там я дерусь с несправедливостью. В этих училищах, да и на самой судовой верфи, царит настоящий террор. Хозяева составляют черные списки, куда вносят таких, как я. И все же кое-чего мы добились. Например, свободного распространения «Одигитиса». Тут весь вопрос, кто кого. Боссы не сидят сложа руки, у них много методов борьбы против нас. То кнутом действуют, то пряником. Некоторые набрали в охрану бывших полицейских и с их помощью запугивают рабочих. И одновременно играют в демократию, говорят: у нас сейчас социалисты у власти, поэтому-де надо забыть прежние распри и работать на общее благо. Внушают рабочим идеи потребительства. На судовой верфи в Пирее, где работают 4 тысячи человек, за воротами завода стоит больше 700 мотоциклов, в основном — молодежи. Увлечение мотоспортом тоже организовано сверху. На заводе в районе Саламина, что в 15 километрах от Афин, хозяин открыл профессионально-техническую школу на 80 человек. Там ученики не имеют права покидать общежитие, у них и дискотека, и кафе, и кино крутят, в основном американские боевики. А библиотеки нет.

Возвращаясь в город, мы взяли с собой Ариадну Алавану. По дороге она дополнила уже известную мне историю Политехникума. В ночь с 17 на 18 ноября 1973 года Ариадна была дежурной по координационному комитету, принимала сводки с факультетов.

— Я занималась организацией досуга студентов. В одной из аудиторий стояло старенькое пианино. По вечерам мы давали самодеятельные концерты, пели песни, запрещенные хунтой. И сами тоже сочиняли. Помню слова одной из песен: «До свиданья, мама, я иду бастовать на философский факультет». Среди студентов царил энтузиазм, но не всегда хватало организованности и дисциплины. Мы хотели отправить в город делегации, призвать жителей присоединиться к студентам. Не успели этого сделать — у хунты были доносчики среди студентов, они ее обо всем информировали.

18 ноября, после разгрома, мне удалось выбраться из Политехникума, но через неделю меня схватили, и до свержения хунты я оставалась в тюрьме.

Мы проезжали мимо длинной желтой стены, окружавшей приземистый дом с башенками.

— Видите это здание? Это знаменитая тюрьма Коридаллос, в переводе — жаворонок. Вот там я и сидела. Меня пытали вместе со многими коммунистами. А сейчас там Пападопулос, Патакос, Иоанидис и другие «черные полковники». Говорят, что у них в камерах стоят цветные телевизоры.

Проезжаем промышленный район Перистерии, едем мимо заводов, механических мастерских, гаражей. По обочинам дороги попадаются чахлые оливы, припудренные цементной пылью. Рекламные щиты: «Кока-кола», «Мерседес», «Пежо», стиральный порошок. На серых глухих стенах предприятий особенно контрастно проступают красные буквы эмблем компартии и комсомола. Стергиос рассказывает, что здесь проводятся ежегодные комсомольские фестивали. Останавливаемся у металлических ворот, на которых красуется вывеска: «Триумф интернэшнл». Это филиал крупной западногерманской фирмы женской одежды. На стене рядом с воротами — плакаты Компартии Греции.

Ворота оказались на запоре. Заводские активисты комсомола, которые пригласили нас сюда, — по ту сторону ограды. Наконец обнаружили сторожа, но он заявил, что ключи куда-то задевались. А в глубине двора уже начался митинг.

Когда митинг во дворе заканчивался, рабочие пошли к нам, в большинстве это девушки. Мы начинаем беседу через решетку ворот. Обращаюсь к двум работницам, которые стоят, прижавшись лицами к металлическим прутьям. Таня Ветта и Оля Мавроматиду. Необычность интервью через решетку сбивает мысли. Задаю глупый вопрос: как дела? Отвечает Таня. Она прекрасно знает русский, закончила техникум в Ташкенте.

— Привыкли.

— К чему привыкли?

— К заводской рутине. Мне это дамское белье, что мы делаем, по ночам снится. В кошмарах.

— Как проводите свободное время?

— А у нас оно есть?

— Но ведь рабочие часы регламентированы.

— Конечно. Но за эти часы из нас выжимают все соки. После этого только одна мысль — поскорее добраться до дома, и в постель.

В разговор включается Оля, она член комсомола.

— Мы, конечно, пытаемся что-то изменить, но это трудно. При каждом удобном случае администрация дает понять, что не одобряет нашей деятельности, да и вообще политической деятельности рабочих. В моде патернализм. Будете паиньками — вас погладят по головке. Хозяева устраивают конкурсы красоты: не хотите ли стать «Мисс Триумф»? Организуют туристские поездки в ФРГ, в одежде фирмы, которая продается в таких случаях со скидкой. Даже закрывают глаза на то, что некоторые употребляют на заводе наркотики. Лишь бы не занимались политикой. К тому же мы здесь зарабатываем больше, чем работницы национальных греческих предприятий, и поэтому многие девушки сами сторонятся политики, боятся потерять место. Их помыслы — скопить побольше денег и выйти замуж. Однако многие потом все равно вынуждены возвращаться на завод, и тогда они начинают понимать, что без политики, без борьбы ничего не добьешься. Но все это происходит нескоро. Сейчас на заводе из двухсот девушек в комсомоле только четырнадцать. И все же мы работаем.

И снова Таня. Не без грусти в голосе говорит:

— В Ташкенте все было иначе, гораздо интереснее жили. — И добавляет: — Извините, нам пора, мастера не любят, когда мы общаемся с посторонними.

Чуть поодаль во дворе действительно похаживали два типа, недовольно поглядывая в нашу сторону.

Ассоциации

Едем с Фемисом на машине из Афин в Патры, это третий по величине порт Греции. Очень красиво. Взгляд скользит по оранжевым апельсиновым рощам, аквамарины залива. И вдруг на перекрестье дорог где-то между Араговой и Фивами Фемис говорит, так, между прочим, что вот на этом месте Эдип убил своего отца Лая. У меня это вызывает целый рой мыслей, этакий винегрет из школьных учебников, Геродота, мифов Древней Греции.

Вспомните тоже: царь Фив Лай, который долгое время страдал, не имея наследников, отправился в Дельфы к оракулу Аполлона за советом. «Боги исполнят твоё желание,— сказала ему Пифия,— будет у тебя сын, но ведай: ты погибнешь от руки своего сына». И когда у Лая вскоре действительно появился сын, напуганный царь велел своему рабу унести младенца в горы и бросить его там на съедение диким зверям. Но тот пожалел малыша и отдал его пастуху царя Полиба, который пас царские стада на склонах Киферона. Полиб, будучи бездетным, решил воспитать ребенка как своего наследника. И назвал его Эдипом.

Когда мальчик подрос, он решил узнать о своей судьбе и тоже отправился в Дельфы. Ужасно было прорицание Пифии: «Эдип, ты убьешь отца и женишься на собственной матери». Опечаленный Эдип решил не возвращаться домой, ведь он считал Полиба своим отцом и не желал ему зла. Он побрел куда глаза глядят, это была дорога на Фивы. В тесном ущелье навстречу ему повстречалась богатая колесница, в которой ехал седой величественный старец. Не уступил дорогу старцу гордый Эдип, и старец в гневе ударил его посохом по голове. Рассвирепел Эдип и убил старца. Так исполнилось веление рока: Эдип убил своего отца, царя Лая, который направлялся в Дельфы, чтобы узнать у жрицы Аполлона, как избавить Фивы от кровожадного Сфинкса.

Сфинкс был чудовищем с головой женщины, туловищем льва и огромными крыльями. Боги решили, что Сфинкс до тех пор останется у Фив и будет взимать с них жертвоприношения, пока кто-нибудь не разгадает его загадку. Много доблестных фивян пыталось спасти свой город, но все они погибли. Предложил свою загадку Сфинкс и Эдипу: кто ходит утром медленно на четырех ногах, сильный днем — на двух и слабый вечером — на трех? Разгадал загадку Эдип: это человек, младенцем он ползает, зрелым ходит и в старости — опирается на палку. Взмахнул крыльями Сфинкс и бросился со скалы в море, суждено было ему погибнуть, если будет разгадана его загадка. А Эдип стал царем Фив и женился на собственной матери, вдове царя Лая Иокасте. Сбылось и это прорицание дельфийского оракула.

Я не стал бы пересказывать этот известный миф, если бы он был просто древним мифом. Но в трансформированном и теоретизированном виде этот миф и сегодня оказывает влияние. Еще в прошлом веке эдипов комплекс лег в основу

теории-мифа австрийского врача-психиатра Зигмунда Фрейда. Первым актом истории, согласно Фрейду, было преступление, которое выразилось в убийстве отца сыном — соперником, приревновавшим его к матери. За этим последовал акт раскаяния за содеянное. А это раскаяние стало, в свою очередь, постоянной причиной, заставляющей человека подавлять в себе природные инстинкты и переносить их на другие сферы жизни — религию, политику, искусство. Позднее Фрейд создал теорию психоанализа, в основе которой лежит сексуальное влечение, либидо. Подавленный эдиповым комплексом, этот инстинкт прорывается в иных формах человеческой деятельности, в том числе и в общественной деятельности.

Теория Фрейда получила широкое распространение и в той или иной мере использовалась и используется многими философами и социологами Запада. И главным образом — против марксизма, который в основу исторического развития ставит экономический, социальный, а не биологический фактор. Не в силах отвлечь людей от научной теории коммунизма, некоторые из них попытались соединить Маркса с Фрейдом и придать таким образом концепции либидо и эдипова комплекса видимость революционности. «Я стремился,— писал уже знакомый нам философ Герберт Маркузе,—перенести основные понятия теории Фрейда в теорию Маркса, поскольку убежден, что в условиях развитого капитализма психологическое господство над человеком, капиталистическое манипулирование инстинктами и инстинктивными потребностями играют огромную роль, и они в огромной мере ответственны за интегрирование человека в систему бизнеса». Подавление эротического элемента, по Маркузе, веками сдерживало социальную и творческую энергию человека. В таком подавляемом виде элемент либидо служит, по мнению Маркузе, постоянному воспроизводству агрессии. Как следствие — в обществе происходит жестокая борьба за существование в масштабе индивидуальном и общечеловеческом.

Таким образом, энергия людей отводится от участия в борьбе против капиталистической эксплуатации на путь раскрепощения собственной эротической энергии. Классовая борьба подменяется эдиповым комплексом. Что из этого получается, показали майские события 1968 года в Париже, когда молодые почитатели Маркузе писали на стенах Сор-

бонны лозунги: «Любовь — к власти!» и «Чем больше ты занимаешься любовью, тем активнее участвуешь в революции!». Не было ли это практической интерпретацией теоретического тезиса о «политическом преобразовании эротической энергии»? Само собой разумеется, что для подобного «преобразования» ни теоретических знаний, ни какой-либо организации или политического руководства не требуется. Разумеется также и то, что такая теория облегчала на деле капиталистическим монополиям то самое «психологическое господство» на всех уровнях сознания, в том числе и на уровне инстинктов, против которого с таким пафосом выступали Г. Маркузе и его последователи. Этого господства капитализму хватило с лихвой, танки на улицах Парижа, как уже отмечалось выше, ему не потребовались.

Поддавшись фрейдистским влияниям, многие молодые люди на Западе попадают в плен буржуазных манипуляторов и растрачивают свою энергию вхолостую. Ибо опуститься до борьбы на уровне эдипова комплекса — значит заранее обречь себя на поражение.

Я уже не говорю о разгуле самой вульгарной порнографии, которая тоже претендует на свое родство с фрейдизмом.

Но, путешествуя по Греции и знакомясь с ее древними достопримечательностями, я неоднократно ловил себя на мысли, что эти древности удивительно современны и даже актуальны, что многие явления действительности берут истоки в могучей культуре Древней Эллады.

Мы ходим по раскопу древней Олимпии. Останавливаемся у храма Зевса, когда-то он был самым величественным святилищем страны, сейчас это фундамент, выложенный массивными каменными плитами, и остовы многочисленных колонн. Все это — в окаймлении могучих зеленых пиний. В этом храме Геродот произнес свою знаменитую речь, в которой были следующие слова:

Только безумец может желать войн. Ибо война нарушает саму логику человеческого существования. Во время мира дети хоронят отцов, во время войны отцы хоронят детей!

Очень точный афоризм, и актуальный. И родился он здесь не случайно: Олимпия была самой мирной деревней Эллады. Здесь взяла истоки олимпийская традиция, и возникла она как ритуал поминовения мертвых, убитых в многочисленных войнах.

...Дорога становится все извилистей, петляет, уходя все выше в горы. Закладывает уши. Крутой вираж — и перед взором открывается амфитеатр, врезанный в скалы. Сквозь зелень леса пробиваются белые пятна каменных развалин. Это знаменитые Дельфы, «пуп Земли». По преданию, бог богов Зевс решил узнать, где же находится центр мироздания. Он выпустил двух орлов, которые полетели в противоположные стороны. Встретились орлы над Дельфами. Зевс заложил здесь камень, он так и называется «пуп Земли», и поселил охранять его грозного змея Пифона.

Дальше я пересказываю отрывок из Гомера:

...Быстро достиг Аполлон мрачного ущелья, жилища Пифона. Кругом высились скалы, уходя высоко в небо. Мрак царил в ущелье. По дну его стремительно несли седой от пены горный поток, а над потоком клубились туманы. Выполз из своего логовища ужасный Пифон. Громадное тело его, покрытое чешуей, извивалось меж скал бесчисленными кольцами. Скалы и горы дрожали от тяжести его тела и сдвигались с места. Яростный Пифон все предавал опустошению, смерть распространял он кругом. В ужасе бежали нимфы и все живое. Поднялся Пифон, могучий, яростный, раскрыл свою ужасную пасть и уже готов был проглотить златокудрого Аполлона. Тогда раздался звук тетивы серебряного лука, как искра сверкнула в воздухе не знающая промаха золотая стрела, за ней другая, третья; стрелы дождем сыпались на Пифона, и он бездыханным упал на землю. Громко зазвучала торжествующая победная песнь златокудрого Аполлона, победившего Пифона, и вторили ей золотые струны кифары бога. Аполлон зарыл в землю труп Пифона там, где стоят священные Дельфы, и основал в Дельфах святилище, чтобы в нем прорицали людям волю богов.

Красивая сказка. Однако оракул был. Он находился здесь, в храме Аполлона, от которого остались сегодня только остатки когда-то величественных колонн. На этом месте нередко решались судьбы Эллады. Ни один царь, трибун или полководец не осуществлял ни одного предприятия, не посетив предварительно Дельфы и не посоветовавшись со священным оракулом. Здесь бывали Ликург и Солон, Фемистокл и Аристид, Перикл и Демосфен, Алкивиад и Александр Македонский. Все они обращались с просьбой к Пифии, жрице дельфийского оракула, с просьбой предсказать судьбу их замыслов.

Пифия выбиралась жрецами среди местных женщин, которым перевалило за пятьдесят. Избранница покидала мужа и детей и уходила в святилище Аполлона, чтобы вещать от имени самого бога. Поначалу Пифия прорицала всего лишь один раз в год, но с ростом популярности оракула и соответственно спросу на предсказания она перешла на ежесекундные сеансы. Вещала Пифия, восседаая на треноге и входя в транс под воздействием паров, исходящих из расщелины в скале. Собственно говоря, Пифия выкрикивала только маловразумительные слова, а порой и просто нечленораздельные звуки. Интерпретацию же их брали на себя так называемые пророки, жрецы. Просители сами Пифию не видели, а имели дело только с пророками. Но и в интерпретированном виде советы Пифии оставались крайне расплывчатыми и туманными, так что в итоге каждый проситель должен был сам расшифровывать их на свое усмотрение и ответственность. И действовать на свой собственный риск. Так, афинянам перед лицом огромной армии персидского царя Ксеркса оракул посоветовал «спасаться за деревянными стенами». Фемистокл, который понимал, что на суше никакие стены не способны защитить Афины, сказал своим согражданам, что под «деревянными стенами» оракул имел в виду корабли, которые помогут разгромить персов. Что и произошло в морском бою у острова Саламина. А вот царю Лидии Крёзу, который отправился в Дельфы, чтобы узнать, стоит ли ему ввязываться в войну против персов, оракул ответил: «Если Крёз перейдет реку Галис, он разрушит великую империю». С легким сердцем Крёз перешел реку и бросил свою армию в бой. И был разбит наголову. Когда же он стал сетовать на то, что Пифия сбила его с толку, ему ответили: но ты ведь и в самом деле погубил империю, только не чужую, а свою собственную.

Но бывало и так, что Пифия вещала истины, не поддающиеся кривотолкам. Так, она изрекла, что самый мудрый человек в Греции — это Сократ, сын скульптора Сафрониска. Больше всех этому сообщению был удивлен сам Сократ. Ведь этот человек ходил босой, в скромной одежде по Афинам и уверял всех, что он знает только то, что ничего не знает. И вдруг — мудрец! Немудрено, что слова Пифии ввергли его в недоумение. Чтобы разобраться в своих чувствах, Сократ посетил афинян, слывших наиболее умными и знающими: философов, политиков, артистов, ремесленников. Он

беседовал с ними и всякий раз убеждался в том, что, обладая крупными знаниями, они самонадеянно считали себя всезнающими мудрецами. И в конце концов Сократ решил, что высшее знание — это сознание ограниченности своих знаний. Эти знания, считал он, настолько мизерны в сравнении с тем, что человечеству предстоит открыть на пути постижения истины, что их вполне можно приравнять к нулю: «Я знаю только то, что ничего не знаю».

Сегодня мы удивляемся его способности обнаруживать беспомощность тех философских концепций природы и общества, которые выдвигались его соотечественниками. Мы-то сейчас видим, что эти концепции не могли быть научными, поскольку и науки самой, в том смысле, как мы ее понимаем, тогда еще не было и не могло быть. Опять-таки в силу ограниченности знаний. Но всего этого не могли и не хотели признать современники Сократа, которых он постоянно изобличал в невежестве. Но их тоже можно понять: кому приятно прослыть невеждой?

Представьте себе государственных мужей, которым он говорит:

Только мудрые способны управлять, но их немного. Управление — это наука, и наука трудная. Несравненно труднее управлять государством, чем рулем корабля. И тем не менее люди, которые не верили бы свою жизнь кораблю, не имеющему опытного кормчего, не только веряются государству, лишенному опытного правителя, но даже сами стараются сделаться правителями.

Сократ ненавидел всякого рода неправду и изобличал ее, невзирая на лица. За это он должен был поплатиться рано или поздно. Люди с предрассудками, как правило, жестоко осуждают тех, кто осмеливается открыто выступить против этих предрассудков. А повод для обвинения всегда найдется. Сократ был обвинен в безбожии и в умысле привить свои еретические мысли молодежи. Обвинение это было, конечно, ложным, Сократ верил в богов и не сомневался в их существовании. Однако он дал господствующим догматам новое истолкование, не совпадающее с общепринятым. Он, например, говорил, что всемогущие боги не нуждаются в обильных жертвоприношениях, что им гораздо более угодны скромные жертвы, которые приносятся с чистой душой. Этого одного было достаточно, чтобы богатая знать Афин выступила против него с обвинением в безбожии.

На суде Сократ держался мужественно. Он не признал себя виновным, хотя таким признанием мог спасти свою жизнь. Платон, в то время еще юноша, присутствовал на суде и прекрасно рассказал о нем в своей «Апологии Сократа». Вот как он описывает последнее слово Сократа, произнесенное уже после вынесения ему смертного приговора:

«Я осужден потому, что не говорил вам того, что вам всего приятнее было бы слышать... Но как тогда я не считал приличным делать или говорить что-либо недостойное свободного человека, так и теперь не раскаиваюсь в этом... Ни в суде, ни на войне нельзя стремиться к тому, чтобы избежать смерти во что бы то ни стало. На войне нередко случается, что человек может спасти свою жизнь, если он бросит оружие и станет умолять своих преследователей о пощаде. И в других случаях, грозящих опасностью, также найдется немало уловок, с помощью которых можно сохранить жизнь, если только пойти на все... Мы покидаем это место, я — осужденный вами на смерть, вы — осужденные истиной за неправду. Я подчиняюсь своему наказанию, а вы — своему...»

Имена судей, осудивших Сократа, давно канули в Лету, а его имя навсегда останется в пантеоне истории. Ибо Сократ дал человеческой мысли новый импульс и оставил людям в наследие великий пример героической жизни, посвященной поискам истины.

И вновь возникает ассоциация: обвинение и осуждение Сократа предвосхитило обвинение и осуждение, выдвинутые много позже инквизицией против Галилея и Коперника за их научные воззрения, и еще много позже — идеологами капитализма — против самой науки. Все это вещи одного порядка. И как это ни парадоксально звучит, но при определенных социальных условиях — я имею в виду капитализм — развитие науки и техники вновь порождает склонность к мифотворчеству. Только не на манер Древней Греции. Там через мифы шел активный поиск истины. Обогащая природу, философы разлагали ее на составные части, искали начало всего сущего. Фалес, например, обнаружил его в воде. Но это уже не было мифом об Океане и Фетиде, которые дали начало всем остальным богам. Фалес утверждал, что и первые боги сами произошли от воды, то есть от физического, а не мистического начала, и не случайно его, как впоследствии и Сократа, обвиняли в безбожии. Это было стремление понять устройство мира путем преодоления ми-

фа. Так же как и попытки других философов найти начало сущего в огне, воздухе, земле.

Думаю, не будет преувеличением сказать, что начало всем высшим достижениям европейской цивилизации было положено периодом древнегреческой истории. Универсальная одаренность и деятельность древних греков обеспечили им исключительное место в истории развития человечества. То было «детство человечества», когда любознательный ребенок пытался схватить за рога луну, едущую по небу в колеснице, запряженной быками. Ныне человек побывал на Луне, но зачастую в отчаянии и бессильно опускает руки, не в состоянии найти смысл жизни. Древние греки проторили сквозь мифы дорогу науке, многие нынешние западные ученые возвращают науку к мифическим истокам. Американский физик и литератор Майкл Талбот рассуждает в книге «Мистицизм и новая физика» о том, что задача науки состоит в раскрытии тайн божественной мысли, которая все знает наперед. Другой «мыслитель» ирландец Джордж У. Рассел в своем опусе «Светильник видения» пытается постичь космос через простейшие «элементулы» всего сущего, которыми у него служат духи огня, воздуха, земли, воды. Нечто на манер Фалеса или Анаксагора. Только те были велики для своего времени. Ученый, повторяющий их 2000 лет спустя, смешон.

И тем не менее факт налицо: сегодня, когда кончается XX век, многие философы Запада (вспомните «новых философов») все больше сходятся на мысли, что во всех бедах человечества виноват разум. Американец Джонатан Шелл в книге «Судьба Земли» прямо заявляет, что эти беды кроются не в каких-то социальных или политических обстоятельствах нашего времени, а в достижении всем человечеством — после тысячелетнего научного прогресса — высокого уровня знаний об окружающем мире.

Понять ученого в чем-то можно: без определенного уровня знаний невозможно было бы создание ядерного оружия, грозящего человечеству поголовным истреблением. Только при чем тут знания? Обвинять знания — это все равно что обвинять в убийстве нож, а не убийцу. И беды человечества кроются, конечно же, не в науке, а именно в «социальных и политических обстоятельствах нашего времени». Эта истина настолько элементарна и банальна, что даже как-то неловко ее объяснять. Что, однако, не исключает необходимости пов-

торять ее вновь и вновь, ибо сегодня это необходимо более, чем когда-либо.

Впрочем, явление ухода от поиска истины к отказу от нее отнюдь не ново. Оно повторялось в истории не однажды. И как правило, социальной деградации того или иного общества предшествовала деградация моральная, сопровождавшаяся гонением на науку и разгулом мистицизма. Достаточно вспомнить хотя бы закат Римской империи или эпоху средневековой инквизиции. Капитализм в этом смысле не является исключением. Жизнь на Западе сегодня заполонена всевозможного рода гороскопами и амулетами, кристаллическими шарами, криптограммами и прочими атрибутами белой и черной магии.

Нет недостатка и в оракулах. Вот уже который год во Франции вещает и прорицает мадам Солей, предсказывая людям и целым государствам их будущее. Попасть к ней на прием почти невозможно, записываться надо за годы вперед. Правда, мадам может предсказывать и по телефону, но попробуй дозвонись.

Будучи в Париже, я попытался это сделать, но безуспешно. Пришлось довольствоваться третьеразрядной пифией, примостившейся со своим караванчиком на колесах близ Пляс Пигаль. Ею оказалась мадам Софи. На вид ей за пятьдесят. Хорошее усталое лицо, на котором косметика от Диора ведет безнадежную борьбу с многочисленными морщинами. Красная шаль, стеклянные бусы, карта звездного неба на стенке.

— Мсье коммерсант или чиновник? Журналист? Отлично. Он правильно сделал, что пришел. Гороскопы, которые публикуются в газетах,— шарлатанство. Для того чтобы узнать будущее, необходимо личное общение с ясновидицей. Прошу прощения, деньги у мсье с собой? В кредит не обслуживаю. Благодарю вас. Как мсье желает узнать свою судьбу: по линиям ладони или по звездам? По звездам? Тре бьен, отлично.

И пошло гадание. Венера—это, разумеется, любовь, Юпитер—деньги, Марс—что-то роковое.

Я прервал красноречие мадам Софи:

— А вы знаете, что китайцы придают этим планетам совсем другое значение, чем европейцы?

Гадалка неотразимо парировала:

— Так то ведь у китайцев!—И стала уверять меня, что

жизнь моя резко изменится к лучшему, когда Солнце войдет в созвездие Льва.

— Значит, никогда,— вздохнул я,— ибо ближе, чем на миллиарды километров, они не сблизятся.

Она не моргнула глазом и тут: что миллиарды километров в сравнении с вечным и бесконечным пространством! Но когда я попросил ее показать мне на ее засиженной мухами карте, где находится Альфа Центавра, она, наконец, возмутилась: мсье пришел узнать судьбу или скандалить? К ней приходили многие образованные, порядочные люди, и все вели себя достойно. Если мсье пришел скандалить, то пусть забирает свои франки и убирается восвояси.

Потом мы мирно беседовали. Не о звездах, а о жизни. И тут она оказалась простой и мудрой женщиной. К тому же откровенной:

— Если, мсье, ко мне кто и приходит сюда, так вовсе не затем, чтобы узнать о себе и о своем будущем. Приходят для того, чтобы я утешила. Некоторые сами хотят высказаться, излить душу. Со мной им хорошо, я умею слушать. А им многого и не надо, хотя бы капельку участия, ведь жизнь сегодня, мсье, так жестока и бездушна...

Вот она, истина. Еще не столь давно люди на Западе уповали на научно-технический прогресс и верили своим социологам, что он разрешит все социальные противоречия и будет способствовать улучшению условий материальной жизни, утверждению справедливых гуманных отношений. Жизнь разрушила подобные иллюзии. Наука и техника не смогли предотвратить нового экономического кризиса, роста инфляции и безработицы. И люди стали терять веру в научно-технический прогресс, в силу своего разума и вновь начали искать ответ на свои нужды в потустороннем, оккультном, мистическом.

Слово «мистика» — греческого происхождения и означает: «закрыть рот и глаза» или «воспринимать только ушами». То есть молчать и слушать. Других. Оракулов. А настоящие оракулы — я имею в виду не безобидных гадалок типа мадам Софи и даже не мадам Солей — пользуются ныне не линиями ладони, в их распоряжении мощная техника: радио, телевидение, пресса, кино. И служат они не богу Аполлону, а Большому бизнесу, который их щедро оплачивает.

Нужно, чтобы люди верили в существование долговременной угрозы, — так заявил один из клана Большого бизне-

са, американский миллионер, поставщик оружия для Пентагона. Социальный заказ сделан, и многочисленные оракулы хором предрекают угрозу с Севера (для Греции), с Востока (для Франции), с Запада (для Японии) и так далее по кругу. Не надо быть Эдипом, разгадавшим загадку Сфинкса, чтобы догадаться о том, что речь идет об одной и той же угрозе — «советской». И что без мифической «советской угрозы» под вполне реальной угрозой могут оказаться доходы Большого бизнеса.

Ну а что касается искусства превращать белое в черное и наоборот, тут оракулам опыта не занимать. Включил я как-то в своем афинском гостиничном номере телевизор. Шла передача новостей. Кадры испытания американской ракеты. Ракета медленно поднимается, набирает скорость и взрывается. Неудача! И тут же пошли кадры ноябрьского парада на Красной площади. Ракеты на тягачах. И не одна, а много. И не взрываются. И значит, надежные. И значит, грозные. И значит, угрожающие. И вывод «очевиден»: Западу надо срочно исправлять положение, довооружаться, производить новые ракеты и размещать их в Европе. Иначе против Советов не устоять.

...Римская оккупация положила конец золотому веку Дельф. Нерон разграбил и сжег храм Аполлона. Но еще раньше вера в оракула была поколеблена философским скептицизмом. Люди стали все больше полагаться на свой разум и опыт. На бога надейся, а сам не плошай! Вся последующая история была пронизана деятельным поиском истины. Ныне правящий класс Запада вновь пытается остановить прогресс, внушить массам мысль о бессилии человека перед лицом рока, о бесполезности поиска научной истины. Потому что такая истина не сулит этому классу ничего отрадного.

Если на заре своей жизни полная сил буржуазия смогла бы обратиться к дельфийскому оракулу, она услышала бы те же слова, что Пифия сказала царю Лаю: будет у тебя сын, но ведай: ты погибнешь от руки своего сына!

Впрочем, К. Маркс и Ф. Энгельс сказали лучше: «...Буржуазия не только выковала оружие, несущее ей смерть, она породила и людей, которые направят против нее это оружие,— современных рабочих, пролетариев!» И это не рок, а научная истина, выражающая логику самой жизни.

...На горизонте показалась вершина, покрытая снегом. Фемис сказал:

— Это Парнас. Да, да, тот самый, где светозарный Аполлон бренчал на струнах своей золотой кифары, а вокруг водили хороводы и пели гимны его постоянные спутницы — музы. Мельпомена, Терпсихора, Клио и другие. Говорят, что в эти моменты все стихало вокруг, и даже бог войны, злыдень Арес, заслушивался и забывал на время о кровавых расправах. Ну а в начале 40-х годов нашего века музы уступили место партизанам. Там пели пули и мины. Это был один из самых активных районов партизанских действий. Как в Белоруссии. Там партизаны выходили из леса, а здесь — спускались с Парнаса. Только вашим партизанам после войны было воздано по заслугам, а наши подверглись гонениям и лишениям. Для тебя это, конечно, прозвучит странно, да и для нас все это выглядело дико, но до недавнего времени период Сопротивления был попросту вычеркнут из официальной истории Греции. И только в этом году справедливость наконец восторжествовала, введен почетный знак участника Сопротивления, ветеранам назначены пенсии.

Фемис усмехнулся:

— Впрочем, такова, очевидно, участь всех героев Греции. Ведь и Геракл, и Тесей, и Ахилл тоже, совершив свои подвиги, проходили затем через муки, прежде чем обретали в конце концов статус бессмертных. Даже сам бог Аполлон, уничтожив змея Пифона, должен был потом отработать батраком у царя Адмета.

Поздно вечером на пароме мы перебрались через Коринфский залив и оказались на Пелопоннесе.

Брандмейстер из Патр

В Патрах мы нашли местных комсомольцев в довольно возбужденном состоянии. Меня сразу же ввели в курс дела. Здесь демонстрации 17 ноября предшествовали долгие переговоры между представителями комсомола и молодежи, примыкающей к буржуазным организациям. Последние выдвигали лозунг «равной ответственности» великих держав за гонку вооружений, комсомольцы возлагали всю ответственность на империализм.

После бурных дебатов лозунг о «равной ответственности» был снят. Студенческий совет проголосовал за общий ло-

зунг: «За реальные перемены, за социализм!». Из девяти факультетов университета восемь поддерживали этот лозунг, и только один, фармацевтический, был против. Однако вечером 16 ноября по городу начали ездить автомашины с мегафонами, через которые провозглашались отвергнутые ранее лозунги. Стало очевидно, что дело велось к срыву соглашения. Ребята из комсомола тут же кинулись на розыски лидеров примыкающей к социалистической партии молодежи, чтобы выяснить, в чем дело, но те как в воду канули. И только на следующее утро такая встреча состоялась. Было решено провести два отдельных митинга и две демонстрации. Договорились также о том, чтобы они состоялись в разное время во избежание столкновений. Теперь комсомольцы негодовали, некоторые даже требовали прекратить всякие отношения с молодыми социалистами. «Никаких компромиссов!»

— Да, так оно и было. Очень уж наши парни и девушки обозлились. Пришлось их остужать.

Мы сидели с Ангелосом Влахакисом в кафе на берегу залива. По профессии он — журналист. Ангелос рассказывал:

— Мне приходится довольно часто выступать в роли брандмейстера, гасящего страсти. К этой моей роли в Патрах уже привыкли, и не только комсомольцы, молодые коммунисты тоже, как-никак я тридцать пять лет в партии. В городском партийном комитете я самый старый, остальным — от 25 до 28 лет. Семь лет правления хунты даром не прошли, разрыв в поколениях дает себя знать. Мои сверстники — народ закаленный, почти все прошли испытание концлагерями на островах. Где был я? Сначала на Макронисосе. За что? Ну, во-первых, за то, что коммунист, этого одного было достаточно с лихвой. Потом мне пришлось побывать на Леросе, его не зря называли островом Дьявола. Так что с моим поколением все ясно. А вот молодежь сравнительно недавно окунулась в политику. Боевого задора — хоть отбавляй, а практического опыта маловато. И теоретического — тоже. Вот и не могут иногда сдерживать своих страстей, выступают против всяких компромиссов. Тогда-то и приходится остужать, терпеливо разъяснять. Показывать, где можно наломать дров. Особенно в нынешних условиях и особенно здесь, на Пелопоннесе. Патры — пролетарский город, здесь наше влияние сильно. В остальной части полуострова дело обстоит сложнее, это в основном богатые земледельческие районы. Конечно, и там работать можно и нужно, у крестьян

немало серьезных проблем. Они, например, очень скептически относятся к Общему рынку, который диктует свои цены на сельскохозяйственные продукты. Недавно крестьянам пришлось сжечь часть урожая грецких орехов, сейчас остро стоит вопрос, куда девать апельсины и картофель, урожай хороший, а цены занижены. И складов нет, чтобы хранить урожай. Крестьяне по природе своей осторожны и неторопливы, сейчас они присматриваются к политике социалистов, взвешивают все «за» и «против». В Пиргосе, например, на недавних муниципальных выборах кандидат правых получил в первом туре 40 процентов голосов. Вот и представьте себе, что во втором туре коммунисты приняли бы гордую позу — никаких компромиссов! — и не поддержали бы кандидата пасоковцев, мэром бы тогда стал не социалист, как теперь, а правый.

Ангелос помолчал немного, потом сказал:

— Мы считаем приход к власти социалистов явлением прогрессивным. И хотя отдаем себе отчет в социальной и политической ограниченности их программы и в склонности к соглашательству с буржуазными партиями, тем не менее сознаем и то, что новая власть предоставляет гораздо больше возможностей, чем раньше, для демократизации страны, ликвидации наследия хунты и авторитарного режима. Каждый шаг правительства в этом направлении будет находить у нас поддержку, ну а всякое отступление от этого пути — встречать осуждение. И конечно же, мы не упускаем из виду свою главную задачу на сегодняшний день — способствовать росту массового демократического движения, наиболее полному развитию революционной энергии, накопившейся в народе за долгие годы реакции.

Ангелос посмотрел на меня, сказал:

— Тут очень важна четкость идеологических позиций и политическая гибкость. А это дается с опытом и знаниями. Опытom мы можем поделиться с кем угодно, а вот знаний часто не хватает. Я имею в виду не только теоретические знания, но и знания о реальной практике социализма в Советском Союзе, Болгарии, других странах. Думаю, что сегодня это главное. Я отлично понимаю, что у вас еще немало трудностей, проблем, все это естественно, вы первыми строите новое общество, но старайтесь объяснять их нам. Если не вы, то за вас «объясняют» ваши проблемы буржуазные средства информации, расставляя при этом нужные им

акценты, и многие попадают на крючок, далеко не все могут правильно осмыслить, что к чему...

Я ответил:

— Некоторые, даже умные люди, на Западе считают, что у нас на все случаи жизни должны быть заготовлены четкие ответы — ведь социализм развивается в соответствии с объективными законами истории. Все верно, объективные законы работают на социализм, но если бы все многообразие жизни можно было свести к этим законам, то применять теорию к любому историческому периоду было бы, пользуясь выражением Энгельса, легче, чем решать простое уравнение первой степени. Увы.

Ангелос Влахакис сказал:

— Жизнь сложнее любых схем, это верно. Взять хотя бы нашу Грецию. Вы, вероятно, уже заметили, что положение в стране сложное, а расстановка политических сил после падения хунты весьма своеобразна?

23 июля 1974 года афинское радио известило, что в 19 часов 15 минут по местному времени военная хунта сложила с себя полномочия. Инспирированный ею путч под кодовым названием «Афродита» против президента Кипра архиепископа Макариоса провалился, это вынудило крупную греческую буржуазию срочно спасать свой строй от народного гнева путем «тихой» передачи власти гражданскому правительству «национального единства». В Грецию из политической эмиграции был призван опытный и умный политик Константинос Караманлис, который более десяти лет провел в эмиграции в Париже. Уже 24 июля он был приведен к присяге как глава гражданского правительства. На волне демократического подъема новое правительство осуществило ряд важных мер: была объявлена амнистия всем политическим заключенным, многим, хотя далеко не всем, грекам разрешалось вернуться из изгнания на родину, отменялся «Закон 509» от 27 декабря 1947 года, запрещавший деятельность компартии. Осенью состоялись парламентские выборы, в которых приняли участие 47 партий. Победила возглавляемая Караманлисом партия «Новая демократия». Караманлис сыграл на чувствах широких масс, он выдвинул предвыборный лозунг: «Танки или я!». Танки для греков означали фашизм. И греки проголосовали за Караманлиса.

Однако довольно скоро они убедились, что это далеко не то, что им нужно. За годы правления «Новой демократии»

выросла безработица, инфляция подскочила почти на 30 процентов, сократился рост промышленного производства, вырос внешний долг страны. Караманлис не скрывал, что во внешней политике он придерживался курса на усиление сотрудничества Греции с Западом, прежде всего с Соединенными Штатами. Он и лозунг выдвинул: «Греция принадлежит Западу». Все это привело к тому, что в 1981 году греки отказали «Новой демократии» в доверии, на парламентских выборах большинство голосов получили социалисты.

В отличие от Караманлиса, лидер социалистов Андреас Папандреу заявил, что Греция должна принадлежать грекам и что пора кончать с политикой, низводившей страну до положения бедной родственницы Запада. Он установил добрые отношения с социалистическими странами, выдвинул предложение о превращении Балкан в безъядерную зону, отказался присоединиться к санкциям других стран НАТО против Польши. Одновременно А. Папандреу обещал ликвидировать американские военные базы, провести референдум об участии Греции в Общем рынке, который он назвал оборотной стороной НАТО. Однако заявил при этом, что путь перемен будет долг.

Греция по-прежнему состоит членом НАТО, правда, не очень «надежным», и Общего рынка. А всего в 30 километрах от Афин расположилась американская военная база. В других местах — еще три, не считая многочисленных вспомогательных объектов. Американцы пока притихли, выжидают, но Греция для них — слишком лакомый кусок, от которого они так просто не откажутся и, несомненно, постараются удержать ее в своей орбите любой ценой. Вряд ли следует сомневаться в том, что спецслужбы США, поднаторевшие в дестабилизации политической жизни Греции, разрабатывают новые подрывные планы с целью помешать ее демократическому развитию.

К тому же правые в стране тоже сохраняют довольно сильные позиции и время от времени показывают зубы, их поддерживает крупный капитал. И, разумеется, на их стороне все симпатии Вашингтона.

Между тем Ангелос Влахакис продолжал:

— Конечно, времена изменились, страна проходит этап демократизации. Но уж очень медленно. И дело тут не столько в парламентских пропорциях, сколько в том, что местная олигархия и монополисты из ФРГ, Италии, США по-

прежнему обладают в Греции экономической и финансовой мощью. Они не заинтересованы в демократических переменах. Но, с другой стороны, диалектика жизни такова, что подавлять демократию силой, как это было до недавнего времени, они уже не могут. Поэтому лавируют, изыскивают новые методы. Так сказать, более культурные. Это, в первую очередь, относится к культурной американизации Греции. Со всеми присущими этой культуре атрибутами — бездуховностью, антикоммунизмом и антисоветизмом.

Я заметил, что точно такую же политику американцы осуществляют и в других странах Западной Европы. Ангелос кивнул.

— Это верно, но в Греции есть свои особенности, которые затрудняют им подрывную работу. Начать с того, что греческая культура имеет вековые традиции, она въелась в поры греков. Не знаю, обратили ли вы внимание на то, что у нас в тавернах и даже в ресторанах больше звучат народные мелодии, а не рок-н-ролл. Хотя недооценивать угрозу «массовой культуры» и ее воздействие на сознание людей, прежде всего молодежи, не следует. Поговорите с нашими молодыми активистами, они вам могут рассказать много интересного на этот счет.

Я последовал совету Ангелоса Влахакиса, и встреча с комсомольским активом Патр получилась действительно интересной. Как и в других местах, разговор свелся к проблемам труда, безработицы, образования, досуга.

Как же молодежь проводит свое свободное время?

Мелина (работница): Его почти нет. Работа изматывает. Хозяева постоянно увеличивают интенсификацию труда, и тех, кто не выдерживает ритма, выгоняют с работы. Все живут в вечном страхе потерять работу. Какой уж тут досуг? А в короткие перерывы заводские динамики разносят по цехам западные ритмы — рок и другие. Постепенно в сознании работниц складываются определенные стереотипы: блаженные моменты передышки начинают ассоциироваться с поп-музыкой. И часто после окончания рабочего дня они подсознательно ищут эту музыку, чтобы расслабиться.

Йоргос (рабочий): Иногда просто некуда деться. В Патрах около 200 тысяч жителей, а театра нет, в кино — порнография. По телевизору на днях показывали советский фильм «Радуга», ребята мне говорили, что здорово, а я сам посмотреть не мог, фильм начался в 12 часов ночи, я свалил-

ся, не дождавшись, глаза слипались, на работе вымотался, а наутро опять вкалывать.

Апостолис (типографский рабочий): Молодых рабочих хотят сделать пассивными. Это целая система. С одной стороны, их отсекают от активистов, от политики, с другой — приобщают к такой политике, что устраивает капиталистов. С работы выгоняют тех, кто призывает к демонстрациям против американских баз, премии — тем, кто, кроме своего станка, ничего другого не видит. Мы организуем первомайский митинг солидарности, боссы устраивают в это же время за городом «праздник цветов», награждают участников одеждой фирмы, а иногда и туристскими путевками в ФРГ, Италию. Включает рабочий магнитофон с записями рока — прекрасно, а услышит хозяин музыку Теодоракиса — сразу берет на карандаш.

Перикл (инженер-строитель): При хунте народная музыка не звучала. Лидеры «Новой демократии» проводили в области культуры ту же политику. Они, правда, не могли действовать так же нагло, как «черные полковники». Сколачивали нечто вроде клубов любителей западной музыки, поддерживали их материально и морально. И лозунг выдвинули соблазнительный: молодежь должна выразить себя сама, быть независимой в своих поступках. То есть — независимой от коммунистов и комсомола.

Янис (безработный): Правые использовали близких им по духу писателей и композиторов. Хадзидакис, ему в таланте не откажешь, написал пьесу, основная идея которой состоит в том, что комсомолец — это «гомо политикус», человек политики, которому чуждо все человеческое. Там припев одной песенки звучит так: «Я не комсомолец, значит, я свободен». Вы бы посмотрели, с каким восторгом правые встретили эту пьесу. Какую рекламу ей дали!

Перикл: И рок-ансамбли свои создали тоже. Группу «Музыкальные бригады», например. У них есть песенка о том, что комсомолец не думает и не размышляет, а только пережевывает генеральную линию партии и поет песни Теодоракиса на слова Яниса Рикоса. Кретины! В последнее время официальная пропаганда все чаще ратует за «человеческие отношения», за радость жизни, за улыбку, в газетах много статей на эту тему. По радио ежедневно дают три часа западной музыки. Дискотеки растут как грибы.

Костас (учащийся профтехшколы): Мы тоже не сидим

сложу руки. Есть идея создать свой Дом культуры, мэр (он — коммунист) обещал помочь. Сейчас комсомол организовал группу самодеятельности, которая выступает в профтехшколах и пользуется у учащихся успехом.

Перикл: Хозяева пытаются использовать и рокеров, внедрить их на свои предприятия, с тем чтобы они создавали там рок-ансамбли. Среди них есть по-настоящему талантливые музыканты, и мы тоже пробуем с ними работать, привлечь их на нашу сторону.

Фотис (студент): Я с этим не согласен. Рок — не наша музыка, и дело не в том, хорош он или плох, а в том, что он обволакивается пропагандой западного образа жизни. Это мода, пришедшая из Соединенных Штатов, и нам она чужда. Где рок, там дискотека собирает не только рокеров, но и наркоманов, там процветает проституция. Дело доходит до курьезов: некоторые родители-буржуа хотят, чтобы их дети состояли в комсомоле, так как знают, что у нас с моралью строго. С рокерами и роком нам не по пути. Почему вы улыбаетесь? Считаете, что я не прав?

Я прекрасно понимал тревогу Фотиса.

Драйв плюс децибелы

Теплый вечер в Салониках. Улица Проксену Каромила. За ярко освещенными окнами увеселительных заведений видны парни, сосредоточенно манипулирующие кнопками электронных автоматов. Неоновые огни над входом в дискотеки: «Парамаунт», «Фолли», «Студио». И среди всего этого вдруг неоновый призыв: «Пейте кефир». Комсомольцы, с которыми я гулял по городу, объясняют, что кто-то привез из Москвы рецепт изготовления кефира, попробовали, понравилось. И вот теперь пожалуйста: пейте кефир. Рядом с одной из дискотек — группа мотоциклистов верхом на мотоциклах «Судзуки» и «Ямаха». Машины пофыркивают на малых оборотах, а парни в черных кожаных куртках лениво перебрасываются репликами. Яркая реклама кинофильмов, почти все — американского производства. В кассу одного кинотеатра очередь, здесь идет новая картина. Друзья спрашивают, не хочу ли я посмотреть фильм. О чем фильм? Говорят, про агента ЦРУ, который пробрался на Байконур и увел у русских

из-под носа ракеты. Я отвечаю, что предпочел бы сегодня лечь пораньше. Переждав немного в холле, я снова попадаю на улицу Проксену Каромила. Мотоциклисты — на том же месте. Протискиваюсь между ними. Захожу в довольно тесный зал, нечто вроде танцплощадки. Дергающаяся публика. К стенке жмутся несколько парней. Подхожу к одному, он тянет кока-колу через соломинку. Хочу завязать с ним беседу, он отворачивается и уходит. Другой относится к моей попытке познакомиться более благосклонно. Знакомимся. Георгиос Кацаневас. На вид — лет 25, джинсы, розовая рубашка, на шее повязан голубой платок в белый горошек. Объясняю ему, кто я, он говорит, растягивая слова:

— Чай-ков-ский.

— Нравится?

— Кто?

— Чайковский?

— Не мой стиль.

— Кто же нравится?

— Кинг.

— Не знаю такого.

— Кинг, король Пресли.

— Элвис?

— Он. Кинг дал нам рок... Не он? Хорошо, не он, но он подслушал его у негров в их ритмах. Только у тех драйв сочетался с мелодией, а Кинг его обнажил... Что такое драйв? Это мощный ритмовый импульс. А для моего поколения драйв — это стиль жизни. Драйв использует и Майлз Дэйвис с Джо Завинулом и Мак-Лохлином, которые основали стиль фьюжн. Он есть и в жанре фанки, и в слоун. Ваш жизненный стиль вырабатывался, я полагаю, Чайковским, Бетховеном. Нас воспитал Кинг. Век бешеных скоростей требует иной музыки.

— Тоже бешеной?

— Можете называть ее так. Для нас это драйв плюс децибелы.

Про децибелы я знал. Они и теперь нас оглушали, и, чтобы беседовать, приходилось кричать. Георгиос улыбнулся.

— Рок, даже самый забойный, раскрепощает, освобождает, дает разрядку.

— От чего освобождает, от мыслей?

— От идиотских мыслей, которые вызывают у человечества стрессы.

— И от мыслей вообще, это же примитив.

— Рок силен своей естественностью, называйте это примитивом. Бетховен сложен, ему надо учиться, а рок понятен любому, он создает атмосферу массового участия, освобождает от бюрократических оков, которыми опутано ваше поколение. Это само участие в жизни. Рокеры не думают о старости, пенсии, они живут сегодняшним днем. Это помогает отвлечься.

— От чего? От скучной работы? От безработицы?

— Рокер не может быть безработным, он всегда при деле. Работа—это второстепенное, всего лишь средство к существованию.

— А вы сами, простите, работаете?

— Работаю.

Георгиос не уточнил, где он работает, а я не стал настаивать. В этот момент с улицы донесся шум мотоциклетных двигателей, который пробился сквозь грохот музыки даже сюда. Это мотоциклисты дали полный газ. Потом все стихло, заглушили двигатели, и в зал вошли трое парней в кожаных куртках. Я сказал Георгиосу:

— Тоже децибелы, а? — Он не поддержал моей иронии, произнес уважительно:

— Камикадзе¹. Ночью, когда машин на улицах станет меньше, они будут гонять на пари. Кто-то сорвет солидный куш.

— А кто-то свернет себе шею.

— Это бывает. Риск входит в стиль рокеров, многие камикадзе увлекаются роком, живут им. Мы их называем «рокеры-гладиаторы».

— Вы сказали, что кто-то из них сорвет куш. Значит, кто-то их субсидирует? Кто же?

Задавая этот вопрос, я кое-что знал и сам. Комсомольцы в Афинах рассказали мне, что крайне правые под личиной футбольных болельщиков и любителей мотоспорта сколачивают настоящие бандитские группы фашиствующих молодчиков, которые дебоширят, дерутся цепями и кастетами, бьют стекла в магазинах, при случае их натравливают на коммунистов.

¹ Так назывались японские солдаты — добровольные смертники.

— Итак, кто же их субсидирует?

— Гладиаторы были рабами, их кормили, поили, учили драться на потеху публике. И у них не было иного выхода. У этих тоже есть свои меценаты.

— Значит, они тоже рабы?

— Считайте, как вам хочется. Но жизнь наша имеет какой-то смысл. Ритмом, риском мы очищаемся от позора мещанской жизни, от скуки на службе, от унижения безработицы. Эйнштейн доказал, что с увеличением скоростей изменяется пространство и время, мы доказали, что скорости меняют и само существование людей, возвращают смысл жизни.

— Но не все рокеры гоняют на мотоциклах.

— Не в этом дело. Драйв—выражение скорости, убыстрения жизненного ритма.

— А как насчет куша? Денег?

— У нас проводятся конкурсы рока, победители получают хорошие призы, некоторые становятся «звездами».

— Также меценаты помогают?

— А почему бы нет?

— Кто платит, тот и заказывает музыку?

— Это естественно.

— Быть в зависимости от денег? Не обедняет ли это вашу свободу?

— От этой зависимости не свободен никто, мы реалисты.

— Допустим. Но ведь в «звезды» выбиваются единицы. А остальные?

— Остальные живут светом «звезд», это тоже экзальтирует. И не теряют надежды на лучшее.

— А как наркотики? Также входят в стиль жизни?

— И это бывает. Хотя стиль жизни тут ни при чем. У каждого свои привычки, мы их уважаем. Вы имеете что-то против наркотиков? Напрасно. Кому-то они помогают снять стресс.

— Но ведь это постоянный риск, многие гибнут от наркомании.

— Наркоманов не так уж много, не преувеличивайте: курить марихуану, иногда колоться—это не наркомания. И опять-таки риск делает жизнь напряженной, агрессивной, и это интересно. Мещанин на такое не способен.

— Однако мы ушли от рока.

— Вовсе нет, я уже говорил, что рок включает в себя не

только музыку, музыка — лишь выражение образа мыслей и действий. Народная музыка создает совсем другой настрой. Классика — тем более. Их удел — монотонность и будничная обреченность. Но мы об этом уже говорили.

— А я полагал, что рок, наркотики, мотоциклы отвлекают от настоящего участия в жизни.

— Все зависит от точки зрения. Что для вас политика?

— Работа. Борьба... Политехникум.

— Все это мышиная возня. Иллюзия политики.

— Кровь на мостовой — это не иллюзия.

— Камикадзе тоже разбиваются, и тоже кровь на мостовой.

— Это не одно и то же. Кстати, битл Джон Леннон, если и не был королем рока, то уж принцем — точно. А он пел о рабочей солидарности, восставал в своих песнях против милитаризма.

— Леннон был невротиком, сам не знал, чего хочет. В своем последнем альбоме «Двойная фантазия» он пел о том, что люди считают его сумасшедшим. Так оно и было. Или почти так. Он все искал и метался, пытался политизировать рок, а рок в этом не нуждается, он сам по себе — политика.

— Ну а Майк Джеггер?

— Майк был стоящий парень, но сейчас он изменил року, поет сентиментальные баллады.

— А панк-рок?

— Панк-рок провозглашает культ разрушения. Я против политизированного рока, я — за политику рока, которая не служит ни левым, ни правым.

— А кому же?

— Личности. Мне. Она освобождает меня от всех условностей. Общество наше ничего мне не дало, и я ему ничем не обязан. И вообще никому.

— Но такая политика тоже служит определенным интересам и людям. Меценатам.

— Мне плевать на это, я служу себе. Впрочем, извините, мне было приятно с вами познакомиться. И скоротать время за приятной беседой.

Георгиос устремился навстречу яркой девице, которая появилась в дверях. Она настороженно оглядывала зал, потом увидела Георгиоса и заулыбалась. Вскоре они оба затеялись в толпе танцующих...

Майк Джеггер и другие

Таких, как Георгиос, кто влип в паутину «массовой культуры», немало. И здесь мне хотелось бы напомнить читателю слова Маркса о «холопском искусстве» и его воздействии на массовое сознание.

Великий революционер, Маркс всеми фибрами души ненавидел мещанство и особенно тех, кто содействовал его насаждению в массах, отвлекая тем самым их от борьбы против угнетения и эксплуатации. У Маркса было много врагов—грязных политиканов, которые постоянно травили его. Тем не менее самым антипатичным он считал человека, лично к нему не имевшего никакого отношения. В своей «Исповеди»—анкете, предложенной ему старшими дочерьми, в ответ на вопрос: «Ваша антипатия?» Маркс написал: «Мартин Таппер». На первый взгляд это могло показаться странным: Мартин Таппер был всего-навсего заурядным поэтом. Однако его пошленькие стихи пользовались колоссальным успехом у обывателей. Явление само по себе вовсе не исключительное. Над ним задумывался и А. Пушкин. «Иное сочинение,—писал он,—само по себе ничтожно, но замечательно по своему успеху или влиянию; и в сем отношении нравственные наблюдения важнее литературных». И для К. Маркса Таппер представлял не столько олицетворение дешевого литературного успеха, а главным образом эталон нравственного опрошения и символ оглупления людей. Он был антиподом самого Маркса, который всю свою жизнь посвятил просвещению людей, активизации их жизненной позиции.

Сегодня, оглядываясь назад, можно с уверенностью сказать, что Мартин Таппер и ему подобные являли собой прообраз современной «массовой культуры», играющей в руках буржуазии ту же роль, что и во времена Маркса. Причем по силе своего воздействия тот оригинальный Таппер был всего лишь мелким кустарем-одиночкой в сравнении с нынешними тапперами эпохи электронных коммуникаций.

О «массовой культуре» мы поговорим в дальнейшем. А сейчас, поскольку уж я затронул тему рок-музыки и ее «идолов», то остановлюсь на ней поподробней. Думаю, что эта тема, учитывая популярность жанра, того заслуживает. Поэтому покинем на время сегодняшнюю Грецию и вернемся немного к прошлому.

...Если бы я мог предположить, что Майк станет «супер-звездой» поп-музыки, то, вероятно, тогда, в 1973 году в Монтрё, обратился бы к нему больше внимания. Меня познакомила с ним журналистка из музыкальной редакции французского журнала «Элль». Интервью было коротким, я задал три вопроса: считает ли он свое искусство настоящим искусством, не кажется ли ему, что таких, как он, пруд пруди, просто ему повезло в жизни больше, чем другим, и не думает ли он, что через пару-тройку лет его имя канет в Лету. Первые два ответа были лаконичны: «йес» и «ноу» (да и нет). На третий он ответил более детально: лучше кануть в Лету, чем служить чиновником, который с нетерпением ждет смерти начальника, чтобы занять его место. Кроме того, Майк добавил, что не любит журналистов.

Сегодня взять интервью у Майка Джеггера практически невозможно. Он по-прежнему не любит журналистов, и телохранители охраняют покой «звезды». Ныне Джеггера и четырех его коллег в гастрольных поездках сопровождают 100 человек обслуживающего персонала. Реквизит группы, включая гардероб Майка (который оценен в 250 тысяч франков) и 18 электрических гитар Кейта Ричарда, размещается на 13 грузовиках. Затраты на содержание «великолепной пятерки» не только окупаются, но и приносят громадные барыши.

Группа рок-музыки «Роллинг стоунз» прославилась и стала предметом мифов. О ней пишут книги и ставят фильмы. А начиналось все весьма прозаично. Майк Джеггер, Кейт Ричард, Брайан Джонс, Чарли Уоттс и Билли Уаймэн, которым тогда не было еще и по двадцати лет, организовали музыкальную группу и начали выступать по воскресеньям в одном из ресторанчиков Лондона. Майк пел, Кейт брэнчал на гитаре, Билли пробовал свои силы на ударных инструментах. Именно в эти же годы, только в Ливерпуле, начинала свою музыкальную карьеру группа «Битлз», которая создала ряд подлинно художественных произведений. Но если «Битлз» были причесаны и прилично одеты, то Майк Джеггер и его друзья шокировали публику растрепанностью и экстравагантной одеждой. Скандал — это тоже реклама. Девиз группы гласил: «Стоунз» — это те, кого ненавидят родители». Иначе говоря, в их лице музыкальный мир получил вывернутый наизнанку вариант «Битлз». Официальная Англия была шокирована и даже применила репрессии к подражателям

«Стоунз». В одном из лондонских колледжей несколько учеников были исключены лишь за то, что они перестали причесываться (стиль «Стоунз»). В ряде учебных заведений были вывешены инструкции, в которых говорилось, что стрижка «под «Битлз» — это вполне прилично, принято обществом, а «под «Стоунз» — исключено. Дело усугублялось еще и тем, что сюжеты песен «Роллинг стоунз» вращались вокруг наркотиков, алкоголя, секса.

К середине 60-х годов в песнях «Роллинг стоунз» зазвучали темы протеста против потребительского общества. «Стоунз» — это свои ребята, — сказал мне один из студентов — участников майских событий 1968 года в Париже, — они плюют в поганую рожу капитала». Так «Роллинг стоунз» оказались на волне молодежного протеста. С их песнями на устах студенческий Запад шел на стихийный бунт против «общества стариков». В результате шарм «Битлз» не выдержал конкуренции с агрессивностью «злых детей». Агрессивностью шумной, кричащей, но бесплодной и неопасной. «Агрессивность и насилие сильнее политики, — заявил Майк Джеггер. — Я не люблю политиков, потому что они ничего не способны изменить в этом мире».

Бесплодных политиканов, которых действительно немало, «Роллинг стоунз» отождествляли с политикой вообще и тем самым отбивали желание политической деятельности у сотен тысяч своих почитателей. Их сторонники отождествляют себя с ними, с их неучастием в политической жизни, с их презрением к труду. И хотя сами молодые люди не могут позволить себе копировать «Стоунз» и бросить работу, они тем не менее находят удовлетворение в словесном отрицании. В угаре рок-ритмов они не обращают внимания на то, что их кумир Майк Джеггер, протестуя против «общества потребления», не отказывал себе ни в какой прихоти (когда-то он вставил в зуб изумруд, но решил, что это не то, и заменил его рубином, затем бриллиантом), что его шокирующие костюмы — от самых дорогих портных Европы, а его встрепанную прическу часами укладывали лучшие парикмахеры.

А представители той самой буржуазии, которую они «ниспровергают», давно уже не считают «Стоунз» стоящими вне общества. В руках мастеров буржуазной пропаганды Майк Джеггер и его коллеги превратились в своеобразный миф, притягивающий, словно магнит, воображение молодежи,

разряжающий и демобилизующий ее творческую энергию, отводящий ее в русло абстрактного, а потому безопасного протеста. Нет спору, в творчестве «Стоунз» присутствовала определенная социальная направленность, они покусывали старую буржуазную мораль, требовали освобождения личности от ряда табу, установленных буржуазными нормами. Но «освобожденная» таким образом личность не опасна устоям западного мира. Отношение буржуазии к аморфному движению свободных от всяких запретов хиппи — лучшее тому доказательство. Более того, поняв безопасность такого «освобождения», западные идеологи сами стали поощрять требования личных сексуальных свобод или личной свободы в «самовыражении». Вопреки утверждению идеолога «новых левых» Т. Розака о том, что молодежная контркультура выступает против традиционной буржуазной культуры, последняя манипулирует ею и поглощает ее. Молодежная оппозиция становится очередным ходким товаром на буржуазном рынке. Буржуазия не боится «освобожденных» личностей, ей страшны личности, объединенные в социальную силу.

...Билеты на концерты «Роллинг стоунз» достать почти невозможно. Мне это стоило колоссальных усилий. И уже у входа в зал, где бурлило людское море, можно было с уверенностью сказать, что успех концерту обеспечен. В самом зале царил всеобщее возбуждение, атмосфера казалась наэлектризованной, как перед грозой. Потом на какое-то мгновение все стихло и раздался гром — это на сцене появились музыканты. Мне вспомнились рассказы о том, как на одном из их концертов вошедшая в раж публика принялась громить зал, при этом в толчее погибло несколько человек, десятки были ранены.

На этот раз обошлось без жертв.

Майк Джеггер извивался на сцене, как кобра. Говорят, что за выступление он теряет в весе до трех килограммов. Его костюм сверкал в лучах прожекторов зеленой, красной, фиолетовой чешуей. Он не стеснялся в выражениях, делал непристойные жесты, допускал двусмысленности. А публика? Представьте себе ярого болельщика в то мгновение, когда его команда забивает решающий гол. Та же картина и здесь, только это мгновение экстаза длится часами. Рядом со мной две девочки лет по 15—16 визжали на одной пронзительной ноте. Не знаю, какого цвета у них глаза в обычной жизни, но тут они были белыми. В этом состоянии они наверняка не

слышали ни слов, ни музыки, иногда неплохой, а были кроликами под гипнотическим взглядом удава.

Больше я с Майком Джеггером не встречался, но видел сотни статей о нем в различных молодежных изданиях. И ярких фоторепортажей. Как правило, показывающих Майка в окружении милых его сердцу вещей. Камин с пылающими поленьями, белый телефон с золотым диском, овальный диван-подушка, магнитофон с динамиками; комната-бассейн: Майк восседает со стаканом виски в руках в плавающем надувном кресле, на нем потертые джинсы с заплатами и розовая майка. А вот Майк за рулем своего спортивного автомобиля...

Точь-в-точь по Хью Хефнеру с его философией. Впрочем, «низвергатель» Майк Джеггер и впрямь превратился в respectableного плейбоя-буржуа. Ему сейчас 43 года, он владеет во Франции, в Валь-де-Луар, замком и часовней. Ему принадлежат земли, гостиницы в Лондоне и Нью-Йорке. От своих дочерей он требует строгого поведения и хороших оценок в школе. Кстати, его старшая дочь учится в той же школе, что и дети принцессы Маргарет. Майк пьет морковный сок и занимается бегом трусцой. Он уже не поет песен протеста, его теперь вполне устраивают мелодичные сентиментальные баллады, которым гарантированы места в «хит-парадах». И буржуазию он вполне устраивает, он превратился в стопроцентного «своего», полностью интегрированного в систему капитала. А образ его по-прежнему служит приманкой для молодежи. Как и образы многих других «идолов» рок-музыки, умело подаваемые западной пропагандой.

Передо мной парижские журналы «Хит», «Подийум», «20 ан» («20 лет»), «Салю ле копэн», рассчитанные на молодежь от 12 до 25 лет. Чтение их весьма поучительно. Журнал «20 ан» рассказывает, что Жюльен Клерк, который поет голосом «морского бриза», покорила публику парижского концертного зала «Олимпия», выступая в джинсах. И тут же фото Жюльена во весь рост, на сей раз уже в вечернем наряде: костюм стоимостью 950 франков, шелковая рубашка и галстук — 159 франков. И адрес магазина, где можно приобрести то же самое. А вот молодым людям, желающим послушать Ивонну Местр, журнал рекомендует идти на концерт в голубых джинсах и теннисках. Девушкам он советует сделать прическу «конский хвост». Именно с такой прической выступает

Ивонна. И в голубых джинсах и тенниске, как на фото. И снова адрес магазина.

Журнал «Салю ле копэн» объявляет суперконкурс вопросов и ответов, пять победителей смогут бесплатно посетить Филиппины, США, Сенегал. Вопросы конкурса, по утверждению журнала, «доступны всем». Вот некоторые из них.

«Занимаясь эстрадной деятельностью, Шейла приобрела и ряд ателье мод. Назовите дату, когда она купила первое ателье».

«Франс Галль хорошо известна жителям острова, где она постоянно проводит свой отпуск. Можете ли вы дать названия острова и деревни, где находится ее дом?»

«Вы, конечно, знаете молодую и очаровательную певицу Лесли. Но известно ли вам имя и порода ее любимой собаки?..»

Действительно, для того чтобы ответить на подобные вопросы, не надо иметь семь пядей во лбу, для этого достаточно быть регулярным подписчиком журнала «Салю ле копэн» или журналов «Хит» и «Подийум», которые проводят такие же конкурсы. А правильно ответив на эти вопросы, можно не только в воображении, но и наяву влезть в шкуру своего любимого «идола», как, например, это сделала, притом в буквальном смысле, Элен Гранье из города Ломпар-Вобер, выигравшая меховую шубку с плеча самой Мирей Матье. Или Эдит из города Трепор, которая выиграла «роллс-ройс», точно такой, как у «звезды» «Роллинг стоунз» Майка Джеггера.

Впрочем, пути отождествления с «идолом» многочисленны и разнообразны. Не обязательно выигрывать конкурсы. Работая не покладая рук, можно даже на свой обычный заработок сделать кое-что из того, что делают «звезды». Путеводной звездой и здесь служат все те же журналы. «Салю ле копэн» сообщает, что Сильви Вартан купила для своего любимого пса поводок и ошейник марки «Лэсси-22», а Жозель Дайде приобрел усилитель для гитары на 100 ватт. Мишель Дельпеш прочитал книгу «Суппи идет на войну» о похождениях маленькой собачки и ее хозяина. Читатель узнает также, какой фильм посмотрел Жюльен Клерк, что Жан-Мишель Карадек заказал в таверне «Белая лошадь». Но можно добиться и гораздо большего. Не только прочитать книгу «Суппи идет на войну», как это сделал Дельпеш, но и самим стать Дельпешем или Сильви Вартан. Молодые чита-

тели и читательницы узнают, что, приняв участие в радиоконкурсе песни, они тоже могут стать новыми «звездами». А почему бы и нет? И между прочим, Сильви Вартан вышла из простой рабочей семьи, а Мишель Дельпеш — из крестьян. Журнал «Хит» посвящает описанию деревни Ферте-сен-Сир, где вырос Дельпеш, целые три полосы. Вот он на фото, стоит на распаханном поле рядом со своим дедом и отцом. Морщинистые лица, заскорузлые, привыкшие к работе на земле руки.

Так что если молодые люди — дети рабочих или крестьян, они не должны падать духом. Да, конечно, в высших учебных заведениях Франции только 13 процентов студентов составляют выходцы из семей трудящихся, в ФРГ всего 2 процента студентов из рабочих и крестьян, а в США 2 миллиона детей рабочих и фермеров не посещают даже школу. Зато они, если верить журналам, могут взять реванш в музыке, как это сделал знаменитый певец-гитарист Майк Брант. Еще не столь давно, рассказывает журнал «Подиум», Майк зарабатывал на жизнь, работая механиком в гараже. А сегодня... Журнал публикует серию фотографий Майка. Обычный парень Майк. Первый крупный концерт Майка. Первый крупный успех. Первое выступление Майка по телевидению. Майк подписывает контракт с фирмой «Полидор». В руках Майка грампластинка «Золотой диск» — символ особого успеха. Почему Майк? Почему не Жан или Жанна? Почему бы не попытать счастья в радиоконкурсе «Поют все»? Правда, в таких конкурсах участвуют сотни и тысячи. А выбиваются в «звезды» единицы. Но ведь выбиваются. Почему бы не сыграть и вам? Не попытаться ухватить свой шанс?

Конечно, все это требует терпения. Не надо отчаиваться, если сразу не все получается, надо уметь ждать и надеяться. Пример тому еще один «идол» — Дэйв. «Хит» рассказывает трогательную историю Дэйва, который приехал в Париж из Голландии. Без гроша в кармане, но с гитарой и неистребимым оптимизмом. Фото: на площади Контрэскарп Дэйв играет на гитаре и протягивает кепку посетителям кафе. А вот другое фото — десять лет спустя — Дэйв сидит за столиком того же кафе на той же площади Контрэскарп, а неизвестный молодой англичанин играет ему на гитаре. Дэйв вспоминает свое прошлое и дает бродячему музыканту монетку. Журнал резюмирует: «Реванш Дэйва. Теперь он протягивает руку в другом направлении». И добавляет: «Кто знает,

может быть, будущее подарит этому англичанину-гитаристу то, что настоящее дало Дэйву, который умел ждать». Так что читатель тоже не должен опускать руки, он должен дерзать и твердо верить в свою звезду.

Кстати, о звездах. Не о «звездах-идолах», а о самых обыкновенных. Они тоже могут при случае помочь. В январском номере журнала «Хит» публикуется гороскоп для тех, кто родился под знаком созвездия Козерог, т. е. между 22 декабря и 21 января. Журнал сообщает доверительно, что Козерог — это зодиак реалистов, всех тех, кто твердо стоит на земле обеими ногами, и наставляет читателей-козерогов: «Вы очень упорны и терпеливы, даже несколько упрямы. И вы будете идти к цели до конца. Вы долго вынашиваете свои замыслы и не щадите усилий для их осуществления. Упорство и настойчивость — вот ваши главные козыри. И вы добьетесь своего, чего бы вам это ни стоило. К удивлению тех, кто рассчитывает добиться успеха легким путем... Правда, Сатурн будет тормозить осуществление ваших планов. Вам надо набраться терпения. И даже помехи со стороны Юпитера не должны вас обескураживать. Лучше, чем кто-либо, вы умеете оценить пословицу: «Терпение и труд все перетрут».

Если читатель сомневается, то напрасно. Все это — истина. Доказательства? Пожалуйста: под знаком Козерога родилась любимица молодежи Франсуаза Арди. Ну а если читатель «Хита» родился под знаком Водолея? Отлично. Ведь это знак Майка Бранта. А Дева — знак другой знаменитости, Майка Джеггера, Лев — Шейлы, Скорпион — Алена Делона, Близнецы — Джонни Холлидэя, Весы — Бриджит Бардо. Короче говоря, преуспеть можно под любым созвездием. Так что молодые люди не должны падать духом. Терпение. Дерзай и пой!

Ну а если, скажем, у молодой читательницы из зодиака Рыбы нет ни голоса, ни слуха? Тоже не горе. К «идолам» можно приобщиться и другим путем, как это делают, например, «группы». Журнал «Салю ле копэн» разъясняет, что «группы» — это девушки, главная жизненная цель которых состоит в том, чтобы постоянно присутствовать на спектаклях и репетициях любимых актеров и всюду следовать за ними. «Группы» — завсегдатаи кулис парижской «Олимпии», а также гостиниц, где останавливаются артисты. Они могут проезжать сотни километров автостопом, чтобы не отставать от

«рок-идолов». Наиболее настойчивые из них получают в конце концов официальные должности в окружении «звезд».

При этом основной девиз журнала «Салю ле копэн» и ему подобных в том, чтобы держаться подальше от политики. Иногда, правда, политика сама вторгается на страницы журналов, но ее тут же изгоняют. Читательница журнала «Салю ле копэн» Надин Жюрассо из Нанта пишет в редакцию, что она участвует во всех его конкурсах и внимательно следит за списками победителей, публикуемыми в журнале. Но вот в последнем номере она такого списка не обнаружила. В чем дело? А дело в том, дорогая Надин, отвечает ей журнал, что ты, вероятно, забыла про забастовку работников почт и телеграфа Франции, которая продолжалась в течение шести недель, а потому помешала журналу получить ответы участников конкурса и своевременно выявить его победителей. И, коснувшись таким образом политики, журнал всячески «помогает» молодежи забыть про нее, про кризис, инфляцию, безработицу, забастовки и заняться самоусовершенствованием. Ну да, конечно, задаться целью быть похожим на своего «идола» или свою «звезду». Твой журнал — к твоим услугам. «Ты находишь Стоун прелестной и хочешь иметь ее внешность? — вопрошает «Подиум». — Не беспокойся, я дам тебе несколько практических советов, и все будет о'кей!» Далее приводятся схемы и фото с советами, как причесаться, подрисоваться, чтобы обрести черты Стоун.

Журналы дают не только рецепты, как быть похожими на «идола», но иногда предоставляют возможность даже прикоснуться к «идолу». Для этого требуется только одно — следовать советам журналов. «Хит» советует принять участие в передачах суперклуба радио и телевидения. «Если вы живете в Париже, то можете прийти в радиостудию по субботам с 16 до 18.30, улица Байар, 8-й округ, а если не в Париже, то клуб сам приедет к вам. Скоро он посетит Бордо, Бове, Шартр и другие города. Вы сможете лично познакомиться с вашими любимыми «идолами» и выиграть в конкурсе призы». Одна формальность: для того чтобы посещать студию радиотелевизионного суперклуба, необходимо быть его членом. А это нетрудно сделать, надо только заполнить бюллетень, напечатанный в «Хите».

Но для этого необходимо быть постоянным подписчиком и читателем «Хита». А еще лучше стать корреспондентом журнала в своем районе и осведомлять редакцию о влиянии

его публикаций на молодых людей, об их настроениях, обо всем, что касается молодежи. Короче, журнал постепенно превращается для юноши или девушки в отца и друга, который руководит их мыслями и действиями. В этой связи на память приходят слова Л. Ческина, руководителя одного из рекламных агентств Чикаго, о том, что главной целью рекламы является не популяризация товаров, а формирование человека, его желаний и устремлений. Но как формировать? Конечно же, по образу и подобию все тех же «звезд». Ну, скажем, по образу Жюльена Клерка. «Хит» задает ему вопрос, как он провел рождественские праздники. И Жюльен Клерк сообщает, что на рождество был у друзей в Колорадо, а Новый год встретил на своей вилле в Ионне.

Разумеется, не каждый может провести праздник в Колорадо и не у каждого есть вилла в Ионне, но ведь не обязательно иметь виллу, можно приобрести галстук, как у Жюльена Клерка. А можно и какой-нибудь другой предмет, имеющийся у него. «Хит» любезно приглашает молодых читателей посетить загородную виллу «идола». На страницах журнала, разумеется. От «Хита» не отстают «Подиум», который регулярно публикует фоторепортажи из серии «Комната твоих «идолов».

Воспитывая подрастающие поколения в духе отвращения к политике, те, кто дает подобную рекламу, твердо знают, чего хотят, и делают свою политику. Политика эта состоит в том, что, рекламируя «звезд» и «идолов», они рекламируют все те же вещи, тот же вещизм. В свою очередь, через рекламу вещей в сознание внедряются идеи аполитичности, а усвоение этих идей поощряется опять-таки вещами. «Звезды» служат как бы посредниками между читателем и вещью. Они повышают цену вещи в глазах своих поклонников. Собственно говоря, получается так, что читатель хочет быть похожим на Майка Джеккера или Джонни Холлидэя не потому, что мечтает петь или танцевать, как они, а потому что у них есть загородные виллы и яхты, потому что они могут путешествовать по миру и т. п. Короче говоря, отождествление с «идолом» означает для читателя приобщение не к его творчеству, а к вещам, которые его окружают, к потребительству. И в этом кроется глубокий идеологический смысл.

Концентрация интересов молодежи на вещах, увод ее в потребительство имеют целью прежде всего отвлечение ее интересов не от политики вообще, а от больших социальных

идеалов. Отнюдь не случайно большинство молодежных журналов типа «Подиум» или «Хит» появилось после бурного парижского мая 1968 года, когда творцы западной идеологии осознали, что предоставлять молодежь самой себе опасно. Ведь в поисках идеала она может обратиться и обращается к революционным концепциям, в том числе к марксизму.

Этого и не скрывают. Римская газета «Оссерваторе Романо», например, рекомендует пустить в ход все средства, чтобы отвадить молодежь от политики: «Поощряйте ее увлечения рок-музыкой, спортом, азартными играми, любовью, танцами—словом, всем кроме политики, ведущей прямехонько в объятия к коммунистам».

Есть у идеологов рок-музыки и более далекие планы. Они не ограничиваются воздействием на «свою» молодежь, но подбираются и к нашей. И этого тоже не скрывают. Одной из целей радиостанции «Свобода», субсидируемой Центральным разведывательным управлением США, является (цитирую «Руководство для работы радиостанции «Свобода») «пропаганда среди различных национальностей Советского Союза идеи замены существующей системы, а также побуждение слушателей к действиям по созданию внутренней оппозиции для размывания социализма изнутри». Ни больше ни меньше.

Впрочем, удивляться этому не стоит, американские «крестоносцы», двинувшиеся в идеологический поход против мира социализма, не гнушаются никакими средствами.

Будем смотреть правде в глаза: передовое, прогрессивное не только воздействует на реакционное, отсталое, но и само испытывает на себе влияние старого мира. Внедренная капиталистической системой в сознание масс оценка качества жизни по количеству и стоимости вещей— вещь живучая. С помощью направленной психологической пропаганды, через систему различных радиоголосов, кинофильмов, музыки буржуазная пропаганда оказывает определенное воздействие и на умы некоторых граждан социалистических стран.

Такое воздействие заметно и на тех советских людях, которые по тем или иным мотивам пожелали уехать за границу, на Запад.

...Была у моей жены школьная подруга Р. В 60-е годы она вышла замуж за состоятельного француза и живет с тех пор в Париже. В Москву приезжает довольно часто. И проводит здесь время весьма своеобразно. Она рыщет по комиссион-

ным и антикварным магазинам. Восторгается, закатывая глаза, своими приобретениями: ах, какой я сегодня купила шандель, как это по-русски? (она уже начала понемногу забывать родной язык), ах да, правильно, подсвечник. Ах, какой я нашла абажур. Бель эпок! Ах, какое кресло стиля Людовик сзэ!

Хотя раньше особой любви к искусству у нее не замечалось. Ее и сейчас нет. Но ведь этот скарб можно выставить у себя в салоне, сейчас это модно, и парижские снобы будут ахать и закатывать глаза. А при случае и продать можно с выгодой, все это обладает приличной спекулятивной стоимостью. Спрос на красивое у Р. определяется коммерческой рекламой. Как-то я спросил у нее, что она читает. Она ответила: ах, мне некогда читать, я так занята.

Вот вам пример того, как идеология потребления захватывает человека, убивает в нем человеческое.

Но чего греха таить: и некоторые наши молодые люди, как глупые караси, клюют на яркую западную приманку. Как-то мне довелось познакомиться с редакционной почтой некоторых наших молодежных изданий. Я просмотрел пачку читательских писем, авторы которых, ребята и девушки 15—17 лет, заявляли о своей «солидарности» с «передовой молодежью Запада», имея в виду хиппи, рокеров и прочих «бунтарей», которые, по их мнению, «выбрали единственно правильный путь реализации личности». А один, он подписался «Алексей Серый», жаловался, что, к его сожалению, в киосках Союзпечати не продаются портреты Майка Джеггера, ему бы хотелось повесить его над своей кроватью. Из этих писем мне стало ясно, что их авторы просто плохо знают об истинных причинах протеста западной молодежи и принимают за глубокую философию лишь поверхностные атрибуты этого протеста, его, так сказать, музыкальное сопровождение.

В действительности же юношей и девушек Запада по-настоящему волнует вовсе не рок-музыка, а то, что на них падают основные тяготы безработицы, что им закрыт доступ к свободному выбору профессии, занятий, что даже те, у кого есть диплом о высшем образовании, не могут найти применения своим способностям, и об этом мы уже с вами говорили.

Что же получается? Во имя солидарности с «передовой молодежью Запада» наши подражатели протестуют против того, к чему она на самом деле стремится, и стремятся к

тому, против чего она протестует — против западного образа жизни. До такого заблуждения можно дойти, только «забалдев» в угаре рок-музыки.

По этому поводу у меня состоялся разговор с ребятами на газетных страницах, и в ответных письмах большинство из них согласилось с тем, что увлечение «модерными» ритмами не может заменить нашему современнику серьезных идеалов и верных жизненных ориентиров. Сергей Григорьев из Запорожья, например, писал, что тоже отдал дань самозабвенному увлечению рок-музыкой. Пока не было верных друзей, твердых убеждений и цели, искал путь к «реализации личности» в призрачном мареве рок-балдежа. Очнувшись от этого, Сергей увидел, как много потерял: растрченное впустую время, непрочитанные книги, необретенные знания. Пришлось задуматься и решать: куда иду и с кем мне по пути?

Я читал статьи некоторых наших музыковедов, высоко оценивающих форму рока, которая, по их словам, очень емкая и многообещающая. Вполне может быть, не спорю. И допускаю, что рок может нравиться. Я не имею ничего против того же Майка Джеггера или Пола Маккартни и прочих кумиров жанра. Дело, конечно, не в личностях. Речь идет о том, что западная пропаганда активно использует ореол «идолов» для создания выгодных ей настроений и идеалов молодежи. А это уже политика, и в ней надо разбираться, если не хочешь быть обманутым.

Когда, скажем, некто под именем Сева Новгородцев из русского отдела английской радиостанции Би-би-си предлагает послушать популярные рок-ансамбли, то дело здесь, конечно, не в том, что он идет навстречу вкусам слушателей.

Этому рубахе-парню Севе, который обращается к нашей молодежи не иначе как панибратски-фамильярно «ребята», идеологическая радиостанция отводит почетные полчаса в своих вечерних передачах, прославляя «музыкальным просветительством» самую что ни на есть политическую антисоветчину. Вместе с музыкой заглатывается и политика. Музыка в этих передачах играет вполне определенную роль: сначала интерес к ритмам, потом — интерес к суперзвездам рока с их сказочным везением и кажущейся независимостью и, наконец, — уход в потребительство, поклонение буржуазному образу жизни. Но ведь это и есть программа «размышления» социализма в действии.

Поэтому я не могу понять наивность тех, кто в своих письмах восклицал: «Что же здесь плохого, если мне нравится хиповать и гоняться за портретом своего бит-кумира?» Или: «Меня интересует только музыка, а что за ней кроется — безразлично». Убогость таких интересов опасна для самой личности.

«Я не отделяю музыку от политики»

Нас познакомили много лет назад в Женеве, где он, будучи в эмиграции, выступал с концертами.

Он с тоской говорил о родине, куда путь ему был закрыт: там царил террор. Расставаясь, сказал: ты обязательно приедешь ко мне в Грецию. И вот я в Греции. В гостях у Микиса Теодоракиса.

Афины. Улица Епифана. По правой стороне рощица — туи, пинии, кипарисы, слева двухэтажный дом, похожий на кораблик с верхней палубой. Хозяин встретил меня у входа, большой, добродушный, обнял за плечи и повел наверх, где нас ждала Мирто, жена Микиса. Энергичное волевое лицо, несколько горьких складок у губ — следы пережитого. Я много слышал о Мирто. Она познакомилась с Микисом в тяжелые для него годы, когда он был серьезно болен.

Светлый просторный холл и терраса, та, что снизу казалась палубой. Теперь рощица убегала вверх к скалистому Акрополю и сияющему в лучах солнца Парфенону. Микис улыбнулся:

— Да, грандиозно. Я до сих пор так и не привык к этой красоте. Даже работать здесь, в холле, не могу, отвлекает.

Мы прошли в кабинет, который примыкает к холлу. Небольшая комната с низким потолком, Микис в ней выглядит таким китом в аквариуме. Но ему здесь уютно, хорошо работается. На стене четыре золотых диска — свидетели музыкальной славы. Цветное фото в рамке: Теодоракис с Фиделем Кастро. Массивный стол завален партитурами. Книги по искусству, истории, философии, политике. Вопрос рождается сам собой:

— Микис, какое место в твоей жизни занимает музыка и какое — политика?

— Я их не разделяю. Моя музыка помогает политике, а политика — музыке. — Он взял со стеллажа кипу нот.

— Это — Седьмая симфония, над которой я сейчас работаю. Одна из частей ее навеяна творчеством Кулукиса, он дрался в гражданскую вместе с нами, был приговорен к смертной казни, но спасся. А вот девушку Афины, о которой он пишет, расстреляли. В ночь перед казнью она попросила исполнить последнее желание: принести ей два апельсина. Она их спрятала на груди. Вышла на казнь с поднятой головой. Пули, сразившие ее, пробили апельсины, и вместе с кровью брызнули струи апельсинового сока — символа жизни... А это, — он взял другую партитуру, — в память детей, погибших в годы оккупации и войны. А вот там, видишь на пюпитре диск, это «Всеобщая песнь» на слова Пабло Неруды. В свое время хунта запретила мои песни, и не как-нибудь, а приказом начальника генерального штаба! Разве это не политика? Аполитичного искусства не существует, даже самые аполитичные шлягеры самых аполитичных американских и американизированных «идолов» делают политику.

— Подожди, Микис, об этом у меня будет к тебе отдельный разговор. А сейчас расскажи о своей общественной деятельности. Ведь ты депутат парламента и, значит, занимаешься политикой не только в музыке.

— Это уж точно. Вообще, сколько себя помню, я всегда лез в политику. В марте 1942 года это повлекло первый арест. Тогда я был еще совсем молод, в голове была путаница. Не знаю, как бы пошло дальше, если бы мне не попалась на глаза, а точнее — если бы мы с друзьями не раздобыли с огромным трудом маленькую книжечку — биографический очерк о Ленине. Мы читали ее по ночам, а днем прятали в тайнике. В условиях фашистской оккупации интерес к Ленину мог стоить очень дорого, фашисты тогда уже воевали против Советского Союза. Поэтому для меня и моих товарищей он был еще дороже. В марте 1942 года, в день национального праздника Греции, я участвовал в первой антифашистской демонстрации. Я нес плакат с призывом к борьбе за свободу Эллады. При моем росте, а я старался поднять плакат повыше, жандармы быстро обратили на меня внимание. Бросились ко мне с дубинками. И тут у меня вырвались слова «Да здравствует Советский Союз!». И не просто вырвались, я их прокричал что было мочи.

Микис Теодоракис засмеялся, потер рука об руку.

— Понимаешь, мне опять повезло. В камере со мной сидели люди сильные и честные. Они на многое раскрыли мне глаза, первая тюрьма стала моим первым университетом марксизма и политической борьбы. Вскоре после этого я стал коммунистом. Конечно, не сразу все пришло. Всякое было. Ошибался, учился. Даже сам учил. Да, да. В 1947—1949 годах, это было в Икарии, меня назначили ответственным за курс философии в партийной школе. Ну что я тогда знал и мог? Но дисциплина превыше всего, надо — значит надо. Знаешь, кто меня выручил? Советские философы. Некоторые их работы были переведены на греческий, и я по ним учил товарищей, а их было четыреста.

Микис продолжал:

— Но это в прошлом. А есть и политика посвежей. Вот сегодня, к примеру, я еду в свою Кокиню, это район бедняков Пирея, я депутат этого района от Компартии Греции. И до хунты был там депутатом и теперь тоже. Вечером состоится митинг и демонстрация протеста. Поводов хоть отбавляй. Безработица. Больше четырех тысяч рабочих Кокинии не у дел. Не хватает школ, только половина ребят школьного возраста имеет возможность учиться. Детские садики приходится размещать в подвалах. Дожди затопляют дома. Нет спортивных площадок, концертных залов, театра. А воздух? Едкий дух химических заводов! И все же я чувствую себя там в своей тарелке. Понимаешь, атмосфера борьбы! Все сегодня измеряется мерой борьбы. Ведь политикой можно заниматься и в стороне от борьбы. У нас в Греции таких политика-нов хоть отбавляй, сидят себе в кафе, попивают, покуривают и говорят, и все о политике. Послушаешь некоторых — самые что ни на есть левые. Они и за демократию, и за свободу, и даже за революцию. Только опыт нашей недавней истории показал, что чем левачи на словах были левее, тем дальше находились они от Греции, где приходилось драться, а не махать руками. С моими рабочими из Кокинии такое не проходит, у них особое чутье, они быстро отличают настоящее от поддельного. С ними мне хорошо. Возвращаясь с демонстрации усталый как дьявол, ноги болят, горло саднит. Но соберемся в тесном кругу, выпьем по стаканчику рецины и поем наши песни. А наутро сижу за этим столом, ухожу с головой в работу — и дух братства и борьбы вплетается в мою музыку. Наверное, потому простые люди ее и любят, что находят в ней себя, свои мысли, свое настроение. Они

благодарны мне, а я — им. Без них я не был бы самим собой. Был бы нулем.

Микис посмотрел на меня с хитринкой:

— Не веришь? Ну, конечно, не полным нулем, музыкантом я бы остался, и даже вошел бы, скорее всего, в круг избранных. Мне говорили, что в свое время сам король посетовал: «Жаль, что этот Микис не с нами». Да и сейчас, моргни я им только, они примут меня с распростертыми объятиями, буржуи. Меня ведь и ЦРУ тоже пыталось купить. В 1955 году американцы мне дали премию — денежный чек на солидную сумму. Только позже я узнал, что денежки-то из фондов разведки. И Шлезингер, тот, который был в правительстве Кеннеди, принимал меня в своей шикарной вилле, предлагал выступить с лекциями в американских университетах, говорил, что на гонорар я смогу купить три такие виллы. Когда же увидели, что Теодоракис не продается и не покупается, мною перестали интересоваться.

Помню, вернулся я из концлагеря с Макронисоса и беседовал с одним типом из американского культурного центра. Он тыкал в меня пальцем и кричал: мы твою музыку исполнять у себя не будем. Почему? Потому что ты коммунист. Я спросил, а почему же они исполняют музыку Шостаковича, ведь он тоже коммунист, где логика? Он мне ответил: потому что русский может быть коммунистом, а грек — нет.

Микис рассмеялся.

— Но это уже было потом, а когда пытались купить, то еще интересовались, как я отношусь к модерну, могу ли писать в новом стиле, там давно заинтересовались этой музыкой. Задолго до того, как американский рок и его всевозможные виды заполонили мир. Лавина «шедевров» из-за океана одурманивает публику, а прогрессивным композиторам ставят всевозможные рогатки, чтобы не допустить их на студии радио и телевидения, их обвиняют в том, что они «слишком политизированы» или «несовременны», «слишком сложны» или «слишком легковесны». Часть молодежи думает, что рок — это ее естественная культурная пища. Но она щедро приправлена идеологическим перцем и служит классовым целям капитализма.

— И все же смог бы ты работать в стиле «модерн»?

— Смог бы, конечно. И не хуже других. Но это уже не был бы Микис Теодоракис!

— Каково твоё музыкальное кредо? В двух словах.

— В двух? Хорошая музыка. Независимо от того, классическая она или популярная. Вообще я враг концепции, разделяющей искусство на массовое и элитарное. Есть искусство хорошее и плохое. Некоторые пишут музыку, которую, по их мнению, могут постичь лишь избранные. Для меня такой снобизм неприемлем. Я пишу для людей труда и уверен, что они способны понять любую хорошую музыку, в том числе и симфоническую.

Микис задумался о чем-то, а я вспомнил о вечерах в кафе, где наблюдал, как молодые люди танцевали не под модерн, а под музыку Теодоракиса. Микис подошел к магнитофону, вставил кассету, нажал на клавишу.

— А теперь послушай.

Зазвучало мощное вступление. Оно меня сразу захватило. А Микис, погрузившись в кресло, мысленно дирижировал оркестром. Финал с перезвоном колоколов и вслед — неожиданная напевная мелодия, речитатив, шепот. Он очнулся.

— Это Третья симфония. Тоже политика. Мать потеряла двух сыновей и ищет их среди мертвых. И вдруг понимает: все убитые — ее сыновья... Я уверен, что симфоническая музыка доступна нынешней молодежи. Я делаю все, чтобы привить ей вкус к Баху, Моцарту, Брамсу. Исполняю их произведения с маленькими оркестрами в рабочих районах. И сам пишу симфонии не для салонов, а для простых людей, для молодежи. Греки любят мои песни, я хочу, чтобы они поняли и полюбили мои симфонии тоже. Мне важно доказать, что люди из народа созрели сегодня для восприятия серьезного искусства, которое поможет поднять культуру масс, а значит, и их политическое сознание, поможет им активнее включиться в борьбу. Я убежден, что настало время, когда все честные литераторы, художники, артисты должны не только сопротивляться в одиночку лавине «массовой культуры», но и перейти в организованное наступление против нее. Если мы этого не сделаем, никто за нас этого не сделает. Я знаю, что борьба будет нелегкой, но смотрю на будущее с оптимизмом. Буржуазия далеко не всесильна, она боится организованного отпора не только в политике, но и в культуре, а потому делает все возможное, чтобы разобщить творческую интеллигенцию, направить ее усилия и

талант в ложное русло. Чтобы подсунуть народу суррогаты искусства.

— Например, рок-музыку?

— И рок тоже. Я уже говорил об оглуляющем потоке модерна. Но дело тут не только в «навязывании» сверху, это было бы слишком простым объяснением, дело тут и в самом роке. Видишь ли, в роке есть элементы блюза, негритянских спиричуэлс, новые виды звука. Электрическая гитара, например,—это же чудесно!

Микис посмотрел на меня: согласен ли я с ним? А я сопоставил про себя даты. В начале 50-х годов за океаном интересовались, может ли Теодоракис писать в стиле модерна, и в эти же годы в американском городе Мемфисе в заштатной студии «Сан» делал свои первые записи рока Элвис Пресли.

Гортанные, придушенные в горле звуки, переходящие в неистовый драйв. Тоскливая истома и извержение вулкана! Американский музыковед Ариэль Суортли сказал о нем: «Элвис Пресли соединил вместе греховное звучание южного блюза с безумием вырвавшегося наружу экстаза негритянских церковных песнопений».

Это было неожиданно и ново. Приняли рок, правда, не сразу. Сначала его даже предали анафеме, называли музыкой «безумия». Но американская молодежь его подхватила. Вместе с динамикой танца. Все это быстро засекали предприимчивые боссы-меломаны. Концерн «Ар-си-эй Рекордс» перекупил по дешевке (за 34 тысячи долларов) Элвиса Пресли у «Сан» и сделал ему рекламу. Так появился «Кинг». А с ним и музыка «безумия». И бездумия. Она была по барабанным перепонкам и по нервам, уводя от размышлений над сложностями жизни...

Будто прочитав мои мысли, Микис Теодоракис продолжал:

— Капиталисты умеют привлекать внимание и знают, чем можно его привлечь. Посмотри, какие соблазнительные модели автомобилей они предлагают публике. Рок притягивает силой ритма, очевидно, люди нуждаются в этом. Многократно повторенные звуки придают уверенность в себе. Создают видимость некой общности, большой семьи, способной защитить от враждебного окружения. Особенно подвержена влиянию рока молодежь, которая остро реагирует на со-

циальную несправедливость, безработицу, бездуховность жизни. Она компенсирует горечь существования. Если хочешь, рок—это музыка отчаяния. Эти ритмы отражают спазмы реальной жизни, издерганной и закомплексованной. А отчаяние нередко оборачивается агрессивностью.

— Ты считаешь это опасным?

— Безусловно. Но не смертельным.

Микис улыбнулся.

— Как-то во время предвыборной кампании я выступал с оркестром в городе Катерини в Македонии, неподалеку от Салоник. Нас предупредили, что может быть потасовка, правые там довольно сильны. Однако концерт прошел без эксцессов. А вот на обратном пути в Салоники мы наткнулись на засаду. В окна автобусов полетели камни. Ну, мы тоже были себе на уме, прихватили на всякий случай палки, камни. Выскочили и выдали им знатно. Они не ожидали такого отпора и удрали. И вот едем мы дальше. Шофер включил радио, передавали рок. Один парень начал отплясывать в проходе. Другой выключил приемник и заявил, что рок—это не для нас. Тогда я встал и снова включил приемник, пригласил девушку, и мы с ней лихо станцевали рок. На меня смотрели как на предателя, а я сказал: мы бьем правых, так неужели нам пристало бояться какого-то рока? И тут в пляс пустились все.

Микис потерял слегка волосы.

— Вот и я считаю, что можно бить правых и танцевать рок. Главное, знать всему время и место. Рок может помочь отдохнуть. А настоящая музыка учит жить и бороться.

Микис закурил сигарету, а я вспомнил Фотиса из Патр и своих молодых отечественных оппонентов—любителей рока.

Я согласен с Микисом Теодоракисом. И думаю, что можно танцевать рок и при социализме. Между прочим, в свое время подобная альтернатива уже дискутировалась. Помню, мальчишкой в 30-х годах сам напевал популярную тогда песенку о том, что можно любить резеду и даже «галстук носить очень яркий» и в то же время быть «героем труда». А ведь были и такие, кто считал: рабочий не должен носить галстук, мода на который пришла «оттуда». А сегодня? Придешь в иное учреждение без галстука—и на тебя смотрят вроде как-то странно.

Коммунисты никогда не голосовали за аскетизм, хорошие вещи украшают жизнь. Все дело в мере. Для нас мерой всех вещей служит сам человек. И поэтому, когда молодой парень или девушка танцуют рок, а не рок затягивает их, то это вполне нормально.

Можно танцевать рок и быть героем труда. Надо только, чтобы рок не поглотил больших социальных идеалов. Никому не возбраняется любить музыку или живопись по своему вкусу. На здоровье! Важно не быть серыми карасями в политике, уметь отделить наносное и «приносное» от своего, кровного, главного.

Вот это я и объяснил как мог Фотису во время наших дебатов в Патрах.

Еще несколько слов о Теодоракисе и о музыке, ее роли в современной жизни.

Тогда, во время нашей афинской беседы, я спросил, собирается ли он приехать на гастроли в Советский Союз. Микис Теодоракис сразу посерьезнел:

— Гастроли в Советском Союзе — это разговор особый. Я давно мечтаю вернуть вашему народу свой неоплаченный долг. Ведь Советский Союз для меня — не только первая страна социализма, родина Ленина. Это еще и страна, которой я обязан тем, что дышу и пишу. Хорошо помню то страшное время в 1967 году, когда томился в асфалии, афинской охранке, ожидая своей участи. Перспективы были невеселые. Честно говоря, я тогда не давал за свою жизнь и жалкой драхмы. Знал, что меня хотят уничтожить. И вот в один из тех мрачных дней в камеру пришел отец, ему разрешили свидание со мной. Незаметно от охранника он показал мне записку: «Москва сказала: если Микис умрет, ответом хунте будет ненависть всего советского народа». Это было для меня целебнее любого бальзама. Я этого никогда не забываю, в моей музыке и любовь к советским людям. И мне действительно очень хочется играть для вас. И у вас.

— Тогда до встречи у нас, Микис.

Ни Теодоракис, ни я не знали тогда, что через полгода ему будет присуждена Международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами».

И вот новая встреча, на сей раз в Москве, после вручения ему премии в октябре 1983 года.

Я пришел к нему в гостиницу «Советская». В номере — на столиках, кровати — листки партитур, диски с дарственными надписями на красочных обложках, предназначенные в подарок многочисленным друзьям. Сам Микис выглядел очень усталым, и я сказал ему об этом. «Это — хорошая усталость, — ответил он, — она от многих радостных встреч и от волнения. Премия Ленина — сам понимаешь, не каждый день такое случается».

— Микис, что означает для тебя эта премия?

— Во-первых, она носит самое дорогое для меня имя — Ленина. Я пришел к Ленину более 40 лет назад, и сейчас, оглядываясь на пройденный путь, я убежден, что выбор свой сделал правильно. Кое-кто говорил мне: зачем ты, Микис, лезешь в политику, зачем хочешь перевернуть мир, ну что тебе за дело до других, ведь сам ты отлично можешь устроиться в этой жизни и спокойно жить в богатстве и славе. Да, выбранный мною путь не был усеян розами, были тюрьмы и ссылки, но никогда меня не оставляло чувство огромного удовлетворения от того, что я всегда был вместе с товарищами по борьбе, что народ Греции признал и принял меня. И это чувство согласия с собственной совестью, сознание того, что ты идешь верной дорогой, невозможно подменить никакими лаврами, купить ни за какие деньги. А присуждение мне Ленинской премии страной Ленина утверждает меня в том, что я не только избрал правильный путь, но и в том, что я честно шел этим путем, честно служил идеям коммунизма. Ну, а во-вторых...

— А во-вторых?

— А во-вторых, это премия мира, которую я получил в момент, критический для человечества. Нет сегодня дела более насущного, чем защита мира. Все народы, каждый житель нашей планеты должны осознать грозящую опасность, осознать, чтобы объединить усилия в борьбе за собственное существование. Я никогда не скрывал своих политических убеждений, я коммунист, и это на всю жизнь, но я готов протянуть руку любому человеку, независимо от его взглядов, если он будет бороться за мир вместе со мной. И это вовсе не возвращение к христианскому всепрощенчеству, это осознание того, что проблема войны и мира приобрела сегодня новое, глобальное измерение. Самое дорогое, что есть на свете, — это человеческая жизнь, но еще дороже жизнь всего человечества. Можно привести много примеров,

когда люди сознательно шли на жертвы и отдавали жизнь во имя торжества социальных идеалов. Среди них немало моих единомышленников-коммунистов, они шли на смерть, веря, что их дети будут жить в обществе справедливости и добра. Но сегодня человечество стоит перед чертой, переступив которую оно неминуемо придет к самоубийству. Все разговоры о возможности «ограниченной» ядерной войны — не больше чем пустая болтовня. Ядерное самоубийство не может служить торжеству каких-либо идей — прогрессивных или реакционных — кроме идеи безумия.

Создается впечатление, что ослепленная ненавистью к коммунизму администрация США, эти «крестоносцы», готовы принести в жертву своим бредовым идеям господства над человечеством само человечество. Пока не поздно, мы должны объединить усилия для спасения нашей цивилизации. Каждая страна может внести свой вклад в это благородное дело. Моя — в том числе. Известно, что Греция дала человечеству олимпийские традиции мира. На время Олимпийских игр древнегреческие государства-полисы прекращали распри и в течение трех месяцев соблюдали священный мир, восстанавливая нарушенные войнами экономические и культурные связи. Сегодня в случае мировой войны такие связи не восстановишь, их попросту некому будет восстанавливать. Поэтому олимпийский дух должен восторжествовать на Земле не на три месяца и не на годы, а раз и навсегда.

— Многое в этом зависит и от деятелей культуры.

— Бесспорно, на деятелях культуры лежит сейчас особая ответственность. Они по праву считаются властителями человеческих дум, именно их книги, кинофильмы, музыка воздействуют во многом созданию общественного мнения и общественного настроения. Их долг — уяснить самим и разъяснить широким массам, кто виновен в этой безумной гонке вооружений, кому она выгодна. Посредством мощного психологического воздействия на умы людей, с помощью бесчисленных провокаций, одна из которых — засылка в воздушное пространство Советского Союза южнокорейского самолета, американскому империализму удалось взвинтить и без того взвинченные нервы людей, запугать многих несущест्वующей «советской угрозой». «Советская угроза»! Это же нелепо! Мне надолго запомнится грандиозная манифестация, собравшая на улицах советской столицы 800 тысяч

москвичей. Это была демонстрация за мир, в поддержку миролюбивых предложений Советского правительства, создающих базу для конструктивных переговоров с Западом, для прекращения гонки вооружений и смягчения нынешней международной напряженности.

— Но ведь найдутся на Западе газеты, которые в ответ на эти твои слова могут заявить, что москвичи специально устроили демонстрацию, чтобы пустить пыль в глаза Микису Теодоракису, обмануть его и других иностранцев.

— Для всех, кто способен думать самостоятельно, совершенно очевидно, что миролюбие советских людей искренне и определяется тем, что они живут в социальных условиях, исключающих почву для возникновения милитаризма. И все же буржуазной пропаганде удастся еще обманывать людей, уводить их от осознания того факта, что главный виновник осложнения нынешней международной обстановки — это военно-промышленный комплекс Соединенных Штатов, которому верно служит администрация миллионеров. Именно они заинтересованы в размещении американских ракет в Западной Европе, в милитаризации космоса, с тем чтобы дать импульс новому наращиванию вооружений. Вот почему так важно, чтобы именно сейчас во весь голос прозвучало предостережение деятелей мировой культуры, которое мобилизовало бы широкие массы на защиту мира.

— Но для этого деятели культуры должны объединиться сами.

— Сейчас это, безусловно, самое главное. В одиночку, как бы ни был талантлив писатель или художник, он мало чего добьется, его голос затеряется в хорошо оркестрованном хоре враждебной пропаганды. Необходимы общие усилия, и кое-что в этом плане делается. Недавно в Греции был создан Комитет деятелей культуры, который призвал творческую интеллигенцию Европы объединить усилия для защиты мира. Символично, что организационное собрание комитета произошло на территории стадиона древней Олимпии, и поэтому комитет был назван Олимпийским. Я знаю, что подобные организации создаются и в других европейских странах. Такую тенденцию надо приветствовать, отдельные ручейки должны слиться в единый поток. Тогда голос деятелей культуры будет услышан всеми. Я верю в силу человеческого разума.

Так говорил Микис Теодоракис, большой, сильный, искренний человек. А я смотрел на него и думал: родись и живи он в Древней Греции, его колоритная фигура наверняка вошла бы в число мифологических героев.

Герои спускаются с Олимпа

Быть в Греции и не побывать у Олимпа, обители богов, просто грешно. И вот я еду к Олимпу.

Степь, степь. Низкорослый хлопок, табак. Кто только не топтал эту степь: сарадины, римляне, византийцы. А потом гитлеровцы, англичане и американцы, вмешавшиеся в дела Греции после фашистской оккупации. Мы беседуем с Алики на эту тему. Алики — одна из руководительниц национально-го женского движения.

— Сейчас вы редко увидите американских солдат и матросов на улицах или в кафе. А ведь совсем недавно они считали себя здесь полными хозяевами, дебоширили, оскорбляли нас. Теперь попрятались на своих базах, ведут себя тихо, но «тихие американцы» не лучше буйных. Сейчас они ведут наступление на умы и души греков, особенно молодежи. Американские комиксы издаются у нас миллионными тиражами и продаются во всех киосках.

Алики хотела еще что-то сказать.

— Так вот. Есть у меня сокровенная мечта, мало кто о ней знает, даже из самых моих близких друзей. Я хочу объявить американцам войну, так сказать, на их собственной почве. Меня давно преследовала идея организовать издание наших собственных прогрессивных комиксов и книжек-картинок, которые составят конкуренцию заокеанским.

Алики сделала паузу, наблюдая мою реакцию, потом продолжала:

— Мне нравятся ваши книги, но мне кажется, что иногда, в пылу полемики, вы отбрасываете и полезные вещи. Я имею в виду «массовую культуру». Я не думаю, что ее следует отрицать целиком. Ведь форма ее привлекательна и доступна. Искусство без развлекательности мертво, и сила его воздействия, в том числе и идеологического, резко снижается. Особенно когда речь идет об искусстве для детей. Думаю, вы не станете возражать, что основы мировоззрения закладываются у человека с детского возраста?

Против последнего я не возражал. Вспомнил, как однажды в Швейцарии мне попался учебник истории для начальной школы. Изучение истории Советского Союза там началось примерно так: Советский Союз—это большая страна на Востоке; ею руководят коммунисты, которые в 1917 году совершили революцию и отказались платить долги прежнего русского правительства.

Надо знать швейцарскую действительность, где дети с пеленок воспитываются на непререкаемом уважении к священной частной собственности, на правилах бережливости, накопительства и коммерции, чтобы понять, какой отрицательный эмоциональный заряд подобное изложение истории закладывает в душу девяти-десятилетнего человека.

Я сказал об этом Алики. Она кивнула.

— Вот видите. А эмоциональный заряд «массовой культуры» очень велик. Поэтому отдавать ее целиком на откуп врагу было бы серьезной ошибкой. Если эту броскую, зазывную форму наполнить иным содержанием, то она может хорошо послужить нашему делу, нашим идеям. И уж если быть откровенной до конца, я уже кое-что сделала, во всяком случае внесла все семейные сбережения—муж меня поддерживает в этом—в издание у нас на первых порах чехословацких книжек-картинок, в Чехословакии есть великолепные образцы этого жанра. Может быть, я и проиграю, слишком силен конкурент, а может быть, и нет. Как бы то ни было, я загорелась этим делом и бросилась в авантюру с легким сердцем.

Позже, в Москве, я узнал, что Алики потерпела поражение. И не удивился: бороться против буржуазной «массовой культуры» дело непростое, и в одиночку тут ничего не добьешься.

...Олимп вырос внезапно. Издали я принял его за кучевые облака, и вдруг оказалось, что это горы. Величественная гряда скал, лесистых на склонах, голых, покрытых снегом вверху. Пологое седло между двумя вершинами, оно называется «трон Зевса». Там и восседал бог богов. Едем вдоль Олимпа. Справа—горы, слева—море. Песчаные пляжи, много туристских кемпингов. Все они носят имена богов: Зевса, Эола, Афродиты.

Снова перевожу взгляд на Олимп. Алики спрашивает:

— Высматриваете героев? Не покажется ли там Геракл или Ахилл? А настоящие-то герои здесь, на земле, рядом.

Сейчас будет деревня Пантелеймон, ее называют красным селом. Здесь и в городке Литохоро сильно влияние коммунистов. Долгие годы мэром деревни был коммунист Янис Халацис. Образования у него — никакого, не окончил даже начальной школы. Но политическое чутье удивительное! Он одним из первых предупреждал об опасности и реальности фашистского переворота. Он участник Сопrotивления и гражданской войны. Партизанил в этих местах. Халациса арестовали, много лет он провел в тюрьмах и островных концлагерях.

Деревенская площадь. Ресторан и кафе. Рядом церквушка и дискотека. Подъезжаем к лавке, где мясник разделяет говяжью тушу. Кряжистый грек с отвислыми усами. Лицо прокалено солнцем и выгравировано глубокими морщинами. А глаза яркие, молодые. Это и есть Янис Халацис. Он сам выбирает для нас куски мяса, отбивает их и приносит в кафе «Зорбас». Деньги отказывается брать наотрез.

Мы сидим все вместе и пьем вино за его здоровье. А он пьет воду, жандармы отбили ему внутренности, к тому же, как и многие другие бывшие узники островов, он страдает туберкулезом. На лацкане пиджака Яниса — значок участника Сопrotивления.

Не перевелись герои на Олимпе. Вообще-то я стараюсь избегать громких слов, но тут на ум приходит сравнение: подобно легендарному Прометею, их пытались приковать к скалистым островам, но они разорвали цепи и продолжают жить и бороться. Не думаю, что подобное сравнение пришлось бы по душе Янису Халацису, скорее всего он возразил бы мне: я не титан, я человек. А мне хочется сказать добрые слова о них, простых и очень скромных людях, представителях старшего поколения, чья жизнь стала образцом для молодежи. И без которых эта молодежь просто не была бы такой, какова она сегодня.

Моим наставником в Афинах был Йоргас Популос, тот самый, с которым мы были на демонстрации 17 ноября.

Вскоре после моего приезда в Грецию он привел меня в книжный магазин издательства «Современная эпоха», познакомил с его сотрудниками.

Стелиос Бевератос — один из руководителей издательства, в подполье работал в редакции «Ризоспастис», переправлял статьи в типографию, где их печатали наряду с легальными изданиями. Это продолжалось, пока не схватили связно-

го. Анализ рукописи позволил охране обнаружить автора — Йоргаса Популоса. Его судил трибунал, приговорил по статье «за государственную измену». Йоргас смеется: майор с усами, член трибунала, представляя вещественные доказательства — материалы «Ризоспастис», — вслух зачитывал их. С пафосом. Орал: «Долой диктатуру!», «Да здравствует демократия!». Это была, скажу я тебе, прекрасная трибуна. Судьи слушали молча, потом председатель рассвирепел, рявкнул на майора: хватит, читайте одни заголовки и концовки! Судилище, естественно, было закрытым, и все же кое-что просочилось и было опубликовано за границей.

Стелиос Бевератос добавляет:

— Смертную казнь Йоргасу заменили пожизненным заключением, а потом и меня схватили.

Големас Бабис, директор книжного магазина, секретарь профсоюза бумажной промышленности. Очень застенчив, пишет стихи. Популос рассказывает о нем:

— Големас — великий умелец, в тюрьме на острове Эгина по просьбе Харилаоса Флоракиса, который тоже сидел в этой тюрьме, соорудил из дерева этакого краба с клещами. Краб был с секретом: внутрь его Големас умудрился встроить портативный радиоприемник, мы ловили по нему новости.

Южный склон Акрополя. Остатки древнего театра Диониса. Здесь в праздничные дни ставились спектакли. В воображении всплывают образы, запавшие в память из давно прочитанного. Актеры, облаченные в тяжелые, из негнущейся золотой или пурпурной парчи, ниспадающие до пят плащи. Маски с огромными лбами и чудовищно разверстыми ртами. Парики мстительных Эриний с извивающимися змеями. Феерические массовые сцены с выездом царской свиты, грохот щитов сошедшихся в поединке героев. Пронзительные звуки флейт и глухой гул барабанов. Почетные граждане Афин, составляющие хоры трагедий. На скамьях — свободные афиняне, восторгающиеся зрелищем или освистывающие актеров и авторов. А за кулисами авторы. И какие! Эсхил, Софокл, Эврипид, Аристофан! Они с трепетом прислушиваются к реакции амфитеатра и по шуму и репликам угадывают: успех и слава или провал и позор.

На этой сцене бог-кузнец Гефест приковывал цепями к скале Прометея:

Ты к людям выше меры был участливым.

За это стой скалы пустынной сторожем.

Без сна, коленей не сгибая, стой столбом.

Бог-гонiec Гермес требовал от Прометея покориться воле Зевса:

Решись, глупец, решишь стать рассудительным.
Пусть пыток боль тебя научит разуму!

И гордо отвечал ему Прометей:

Мои страдания, слышишь, не сменяю я
На пресмыкательство твое...

В районе Кесариани нет театров — ни древних, ни новых. И вместе с тем — масса афиш. Ими обклеены стены и цоколи домов. На них — изображения кандидатов на недавних муниципальных выборах. Выборы прошли, а портреты кандидатов остались. Среди других — портреты Панайотиса Макриса, который и стал мэром района, получив в первом же туре больше 50 процентов голосов. Старый коммунист, П. Макрис был мэром Кесариани еще до хунты, но в первый же день военного переворота он потерял и мэрию и свободу. Несколько лет провел в тюрьме и концлагере, потом был выслан из страны. Вернулся сразу же после падения военной диктатуры. И снова его избрали мэром района. И не просто-го района, а легендарного. Легендарного не в мифическом смысле, а в самом что ни на есть современном. В районе Кесариани нет театра, но он сам был огромной сценой, где разыгрывалась грандиозная драма, исполнителями которой выступали ее же авторы — рабочие, коммунисты. Во время войны Кесариани называли «греческим Сталинградом» — за то, что оккупанты так и не смогли стать здесь хозяевами. Кварталы афинской бедноты на окраине столицы подвергались непрерывной осаде, их жгли, разрушали, но каждый дом продолжал сражаться. Время от времени под ударами карателей, оснащенных артиллерией и танками, бойцы народной армии ЭЛАС и партизаны уходили на гору Имитос, что примыкает к району Кесариани на севере, но снова и снова возвращались в него. И снова дрались с оккупантами.

Мы сидим в маленьком кафе, и Йоргас рассказывает мне о Кесариани. Рядом за столиком — четверо парней, рабочих, играют в карты. Старик инвалид ходит между столиками, предлагая лотерейные билеты. Йоргас не любит распространяться о собственной персоне. О других — сколько угодно.

— У нас было много смелых людей. Вот тут неподалеку находится тир, там 1 мая 1944 года фашисты расстреляли двести коммунистов, которых привезли из концлагеря, —

специально, чтобы запугать население района. В этом лагере переводчиком у немцев работал наш человек, Наполеон Сукадзидис, коммунист. Узнав о готовящейся карательной акции, он сумел накануне предупредить товарищей. Никто не знал, кого увезут утром на расстрел, поэтому к смерти стали готовиться все. Спокойно, без суеты. Писали письма родным, давали последние наставления друзьям, на случай, если те останутся живы.

На рассвете пришли крытые фургоны. Всех выстроили на лагерном плацу. Появился комендант лагеря, за ним шел Сукадзидис. Комендант остановился перед шеренгой и начал читать имена смертников, список ему передал офицер-эсэсовец, приехавший с фургонами. Люди один за другим выходили из строя и становились в сторону. Десять, тридцать, сто, сто двадцать... И вдруг комендант увидел в списке имя Сукадзидиса. Он запнулся, взглянул на эсэсовца, потом медленно прочитал фамилию переводчика. Сукадзидис хотел было присоединиться к группе смертников, но офицер остановил его жестом, потом сказал громко, чтобы все слышали: «Я вам дарю жизнь, но вы должны сами указать на любого другого, кто заменит вас».

Сукадзидис улыбнулся и указал на группу фашистских солдат с автоматами наперевес: я согласен, если это будет любой из них. Его толкнули в фургон вместе с другими. Перед расстрелом они сошлись в круг и исполнили танец смерти «Сиртос». Этот танец родился давно, еще во времена турецкого ига. В Эпире женщины с детьми, те, кто не успел бежать от врагов, бросились в пропасть с обрыва. А перед этим они станцевали «Сиртос» под песню, в которой есть такие слова: рыба не может жить на суше, грек не может жить без свободы.

Йоргас замолчал, закурил сигарету. Я смотрел на него, на тех, кто играл в карты, на старика с лотерейными билетами, на хозяина и молодого парня, наверное, его сына, вытиравших посуду, и думал: вероятно, у всех у них жива страстная любовь к свободе, которой так часто лишали греков в их многострадальной истории.

Йоргас спросил:

— О чем ты думаешь?

— Я думаю, что твой рассказ достоин пера самого Эсхила.

— У нас есть свой Эсхил, это Янис Рицос.

...Если бы я его встретил на улице, то с первого взгляда решил, вероятно, что это благополучный деятель от искусства или литературы, ведущий спокойный, размеренный образ жизни и коротающий время за светской беседой в каком-нибудь аристократическом клубе. И жестоко бы ошибся. За изящной, даже изысканной манерой одеваться и за элегантной внешностью Яниса Рицоса — пылкая душа поэта и горячее сердце революционера. И огромная человеческая доброжелательность и простота. Мы беседовали с ним минут двадцать, не больше, но я поймал себя на том, что прилагаю усилия, чтобы сдержаться и невольно не перейти с ним на «ты». Это мне удалось, потому что беседа наша проходила во время приема по случаю десятилетнего юбилея издательства «Современная эпоха», и меня оторвали от Яниса Рицоса, чтобы представить другим гостям. А их было много — издательство пользуется авторитетом у деятелей греческой культуры.

Но даже за то короткое время, что мы беседовали, я ощутил, что Янис Рицос — большой друг Советского Союза, большой писатель, прекрасно знающий и любящий русскую классику и современную советскую литературу. Я. Рицос перевел на греческий язык многие произведения А. Блока, В. Маяковского, А. Толстого, И. Эренбурга. Еще в 1923 году он приветствовал в своих стихах нашу страну, которую называл «знаменем солнца и мира».

Я спросил Яниса Рицоса, не изменилась ли его оценка нашей страны за истекшие полвека. Он улыбнулся, он вообще часто улыбается.

— Изменилась. Моя любовь к Советскому Союзу за это время значительно окрепла. Даже мне, поэту, трудно подыскать слова признательности советскому народу за все, что он делает для защиты мира на Земле.

— Вы сами, Янис, делаете для этого немало. Международная Ленинская премия мира без веских оснований не дается.

— Что же вы хотите, это естественно. Ядерный апокалипсис грозит гибелью цивилизации. Кому же, как не нам, деятелям культуры, первыми стать на ее защиту. К тому же не забывайте, что европейская цивилизация родилась здесь, на земле Эллады, и на нас, эллинах, лежит особая ответственность за ее судьбу.

— Скажите, Янис, что помогло вам пройти все жестокие испытания и остаться таким молодым — душой и телом?

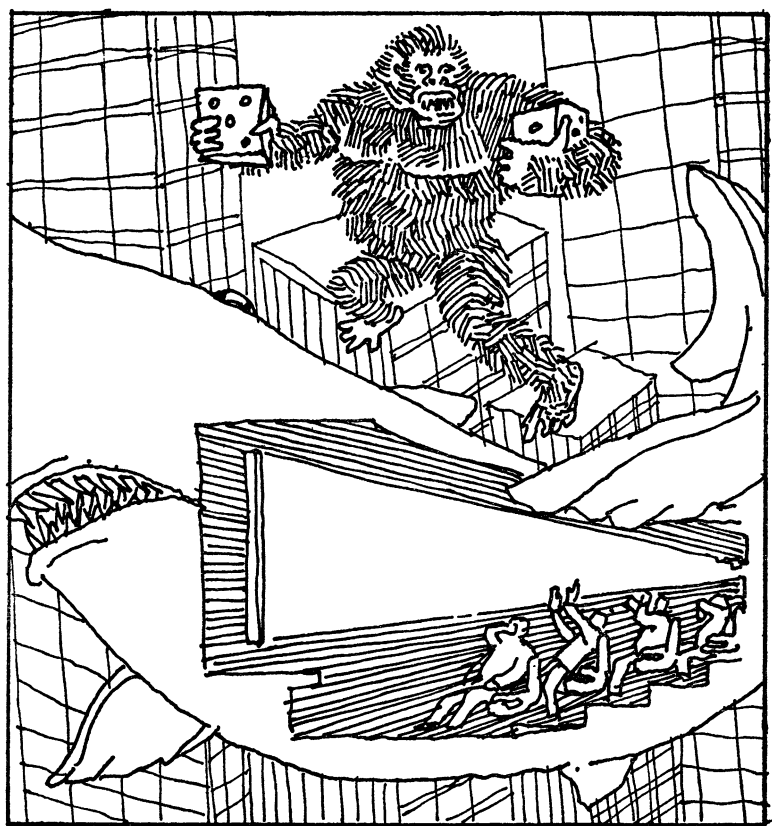
— Они как раз и помогли, жестокие испытания. Не скажу насчет тела, Макронисос, Лерос, Самос никому здоровья не прибавили, но душу многим закалили, это точно.

Даже будучи на островах, Янис Рицос разил хунту своим пером. Его стихи вдохновляли греков на борьбу против гнета, за свободу, выше которой для них ничего нет. Вот почему они называют Яниса Рицоса своим народным поэтом.

Не плачь о Греции, к земле клонящейся бессильно,
С ножом у ребер и бичом над гордой головою,
Смотри, она восстала вновь и в ярости мужает,
Дракона поразив копьем полуденного солнца.

Эти строчки мне слышались в перестуке колес, когда поезд удалялся от Афин. И наверное, они отражали главный итог моих впечатлений от Греции. В них был и ответ на вопрос о «феномене» греческой молодежи.

Анатомия акулы

Культура «питьевой соды»

Читатель, конечно, заметил, что, говоря о социальных и политических проблемах в странах Запада, я акцентирую внимание на вопросах культуры. Этим вопросам уделяют пристальное внимание буржуазные идеологи.

Австрийский философ В. Краус в своей книге «Культура, власть. Превращение желаний» говорит о том, что все больше людей размышляют сейчас о проблемах культуры. Это свидетельствует, по его мнению, о тяге к духовным ценностям, к содержательной жизни, об отказе от потребительства и чисто материального успеха. Автор книги считает, что нынешний кризис буржуазной демократии затронул и сферу культуры и что рост внутренней политической напряженности в странах Запада, усиление конфликта между поколениями, все чаще выступающие на авансцену политической жизни террор, насилие и преступность, возросшее число невротизированных свидетельствуют о том, что состояние, в котором находится западное общество, далеко не удовлетворительно. Однако В. Краус объясняет это пренебрежением к проблемам культуры со стороны политиков и правительств Запада, которые не используют культуру и искусство в целях политической пропаганды, в то время как, по его словам, именно в сфере культуры формируется шкала ценностей и возникают представления о человеческих желаниях. И заключает: только в том случае, если будет обеспечена сознательная политика в области культуры, Запад переживет последующие десятилетия.

С этим «если» согласиться трудно. Власти Запада ведут вполне осмысленную и целенаправленную политику в области культуры, которая заключается в том, чтобы не допустить роста культуры трудящихся масс. Развитие культуры и рост активности идут рука об руку. Но буржуазное государство стремится привить народным массам пассивность. Оно внушает трудящимся, что об общих принципах управления могут судить только высшие сферы, обладающие более глубокими знаниями. Собственно, в этом и состояли основные положения теоретиков из Трехсторонней комиссии. В современном буржуазном государстве с целью воздействия на массы используются и лжекультуры, порожденные протестом против существующей действительности. И целенаправленная культурная политика проводится.

Подобно тому как массовое капиталистическое производство товаров создает усредненного, стандартизированного потребителя, так и капиталистическая монополия на средства массовой информации создает усредненного читателя, слушателя, зрителя. Лавина однообразных стандартных образов нивелирует художественный вкус людей, их культурные потребности и сам уровень культуры. Таким образом, то состояние культуры на Западе, на которое обратил внимание В. Краус, является не результатом пренебрежения политиков к проблемам духовной жизни, а проявлением их вполне осознанной политической линии.

Идеологические представители правящего класса прекрасно сознают, каким мощным орудием воздействия может быть культура, и активно используют ее. В результате изучения проблем свободного времени руководитель группы при Национальном центре научных исследований Франции Ж. Дюмазедье пришел к выводу, что досуг все больше превращается в «фактор возможной деполитизации». Информация, по словам Ж. Дюмазедье, превращает политическое событие в спектакль, и это помогает делать граждан индифферентными и удовлетворенными, а досуг подчиняется тем же законам рынка и принимает стандартизированные формы по коммерческим или политическим соображениям.

Вступив в должность директора второго канала французского телевидения, П. Саббаг отменил целый ряд серьезных передач, таких, как «Мир искусства», «Дороги истории», «Словарь идей». Свою политику составления программ он определил следующим образом: «Уж не думаете ли вы, что,

проведя день на заводе, в бюро, коммунальном транспорте и магазинах, человек расположен к восприятию передач, требующих интеллектуальных усилий?» А один из руководителей радиостанции «Европа-1» Деланэ высказал афоризм, перефразирующий известное изречение нацистов: «Когда я слышу слово «культура», моя рука невольно тянется к... аккордеону». (Нацисты говорили — «к пистолету».) Убить культуру можно не только с помощью пистолета, но и с помощью аккордеона.

...Швейцария. Мы беседовали с Джеймсом Хадли Чейзом на террасе его дома.

Внизу расстилалась синяя гладь Лаго Маджоре — Большого озера. Сутуловатый, с густыми с проседью волосами, с большим лбом, прорезанным глубокими морщинами, крупным с горбинкой носом, английскими усиками, он выглядел на все свои шестьдесят с лишним лет. А глаза были значительно моложе. Они искрились иронией.

— То, что меня знают в Англии так же, как королеву, а в Соединенных Штатах — как президента, мне известно. Но то, что моя известность докатилась до Москвы, для меня новость. Приятная.

Я откровенно признался, что не являюсь большим почитателем полицейского жанра в литературе и не могу похвастаться, что прочитал все его 80 романов (75 — поправил Чейз), переведенных более чем на тридцать языков (тридцать три — уточнил Чейз) и изданных миллионными тиражами (кивок головы). Но то, что читал, безусловно, производит впечатление лучших эталонов этого жанра. И хотел бы узнать из уст самого мэтра, в чем, по его мнению, причина его колоссального успеха у публики.

Чейз шумно втянул ноздрями воздух:

— Нюх! Без ложной скромности. Нюх! Я, как ищейка, беру след и чую, что хочет читатель. И что он купит.

— Чего же он хочет?

— Действия и ритма. Мои книги особенно популярны в Соединенных Штатах. Там все спешат, всем некогда. Люди делают деньги. Они не хотят тратить время на чьи-то переживания, описания природы и прочих вещей, уведящих от сюжета, от действия. Они хотят прочитать книгу, не отрываясь и не задумываясь над тем, почему герой поступает так, а не иначе. Действие моих первых книг происходит в США. Я их писал до того, как побывал там, жизнь тамошнюю описывал

по сведениям, почерпнутым из туристических справочников, из рассказов. Вы думаете, это кто-нибудь заметил? Никто. Первая книга — «Нет орхидей для мисс Блэндиш» понравилась американцам, они ее раскупили, следующие — тоже. Потому что сюжет держал их в напряжении, и они не обращали внимания на детали, которые, может быть, и не отличались точностью. Я не стилист, я коммерческий автор. Я держу читателя в напряжении, а он покупает мои книги. У других авторов полицейского жанра свои достоинства.

— Жорж Сименон? Агата Кристи?

— Для меня они чересчур статичны, а потому скучны.

— Ян Флемминг?

— Не интересен мне. Я знаю наперед, что сделает его Джеймс Бонд и что я найду его в бодром здравии в очередной книге. Это убивает элемент неожиданности.

— Фредерик Дар? Его комиссар Сан-Антонио тоже переходит из книжки в книжку.

— Фредерик — исключение, своего рода феномен.

— Но ведь и Сименон, и Кристи, и Флемминг, и Дар, несмотря на иную, чем ваша, манеру письма, тоже раскупаются. Очевидно, здесь дело не столько в качестве творчества того или иного автора, сколько в самом жанре?

— Пожалуй. Детектив — в моде. Он соответствует массовому вкусу.

— Откуда же, по-вашему, возник этот массовый интерес к легкой, скажем так, литературе?

— Люди сегодня живут в постоянных стрессовых ситуациях, им необходима разрядка, они хотят уйти от реальности. Полицейский жанр — отличное лекарство от этого.

— Не приходилось ли вам писать в ином жанре? Не коммерческом?

— Вы хотите сказать — в серьезном? Было. Под псевдонимом я написал один приключенческий роман, и литературный директор лондонского издательства, которое его опубликовало, похвалил меня. Это был Грэм Грин.

— И что же?

— Я доказал сам себе, что могу писать вещи серьезные. Этого мне было вполне достаточно, и я больше не возвращался к подобным опытам.

— Почему?

— Мне казалось, что я тем самым предаю своего массового читателя, не отвечаю его требованиям. Ну и, конечно, не

надо сбрасывать со счетов коммерческие соображения: повторяю, я прежде всего коммерческий писатель. Как я пишу? Довольно быстро. На книгу у меня уходит от двух до трех месяцев. Потом я уезжаю путешествовать. Только что я закончил очередную книжку. И через два дня я уеду. Но до сих пор еще не знаю куда. Завтра решу. В путешествиях у меня постепенно созревает идея очередного романа, я не насилую себя, жду, когда идея превратится в законченный сюжет. Тогда я возвращаюсь сюда, к Лаго Маджоре. И сажусь за пишущую машинку. Вот так.

...Жорж Сименон не путешествует. Он вынашивает свои творения в тиши кабинета. Я неоднократно бывал на его вилле в деревушке под Лозанной до того, как он перебрался в город. Эта просторная вилла смахивала на музей самого Сименона. Многочисленная коллекция трубок для курения (хобби хозяина) и обширная библиотека — стеллажи, заставленные произведениями Сименона. В различных изданиях, на разных языках. Медицинские журналы и справочники.

Когда беседуешь с Сименоном, создается впечатление, что он не дает, а берет. Однажды я его спросил, откуда он черпает материал для своих романов. Он лукаво посмотрел на меня:

— А вот вы сами, кстати. Чем не материал? Мы беседуем с вами, и не исключено, что вы станете образом в одном из моих очередных романов. И так все мои посетители, а их немало. Остальное — дело воображения.

Беседуя, Жорж Сименон не торопится, и в самом деле создается впечатление, что он внимательно изучает собеседника, запоминает его. Но и сам говорит охотно, на вопросы отвечает обстоятельно.

— Как я отношусь к Агате Кристи, Флеммингу, Чейзу? Вероятно, вас это удивит, но я никогда их не читал. Но знаю по рассказам, что все они писатели острого сюжета. Меня же сам сюжет не очень волнует, я не делаю загадки из того, кто преступник, для меня важно, почему он совершил преступление. Если хотите, психологическая канва, мотив событий, их логика. Мне нравится ваш артист Борис Тенин, он создал весьма точный психологический образ Мегрэ, я с удовольствием смотрел запись по телевидению. Моя творческая кухня? Каждую новую книгу обдумываю очень долго, месяцы, пишу очень быстро — семь-восемь дней.

Но в чем Сименон не отличается от Чейза, так это в побудительных мотивах своего творчества, он тоже считает, что идет навстречу желанию массового читателя и удовлетворяет его спрос:

— В наш технологический век (лично я — за технический прогресс) люди остро нуждаются в эмоциональных встрясках. Детектив для этого подходит прекрасно. Именно здесь следует искать причины его (и моей) популярности. Кстати, мой Мегрэ далеко не интеллектual, он просто человек; читатель его любит, потому что это тип, с которым приятно завести дружбу, он абсолютно лишен комплексов, свойственных героям Бальзака или Гюго. Хотя я сам люблю и того и другого. И Гоголя вашего очень люблю — гигант! Есть ли у Мегрэ черты характера самого Сименона? Да, не скрою, я придал ему некоторые черты характера, свойственные мне, я ведь тоже не интеллектual, скорее интуитивист. И пишу по наитию, начинаю очередной роман и никогда заранее не знаю, чем он кончится. В самом процессе творчества участвует мое подсознание, а не интеллект. И сам я не очень-то ценю нынешнюю интеллектуальную литературу, думаю, большинство читателей тоже не очень ее сегодня жалуется. Когда-то я с удивлением узнал, что активный словарный запас большинства французов не превышает шестисот слов. Теперь же я убежден, что этого запаса вполне достаточно и для романа. Я пишу очень экономно, никаких украшательств или внутренних драм. Не знаю, заметили ли вы, но в своих книгах я ничего не навязываю читателю, просто описываю жизнь. Как я сам оцениваю свое творчество? Если честно, то я о нем невысокого мнения, поверьте, это действительно так, несмотря на огромную аудиторию: говорят, что моего Мегрэ читает не менее полумиллиарда человек. Вообще-то писателя или художника по-настоящему оценивают лет через двадцать после его смерти. Так вот, я совершенно искренне убежден, что у моих книг, за очень редким, может быть, исключением, нет будущего. Я писатель, которого читают сегодня, и мне этого вполне достаточно.

Вот слова очень популярного писателя: «Моему успеху служит прежде всего то, что я очень удобный автор. Я облегчаю процесс чтения, разжевываю мысли. Читателю остается только проглотить их. Его ленивый мозг может при этом нежиться в шезлонге; следуя за моим повествованием, он затрачивает минимум серого вещества. Говорят, что человек

оправдывает свое существование тем, что мыслит. Он сделал бы гораздо лучше, если бы перестал этим заниматься. Возьмем корову. Она мычит, производит телят и дает молоко. Вот и все. Нет, не все. Она еще жует. Никаких воспоминаний, мыслей, планов: сплошная жвачка. Люди должны брать пример с коровы». Это изречение принадлежит автору бесчисленной серии романов Фредерику Дару. В приведенной цитате точно выражено кредо подобной литературы. И можно было бы поблагодарить за это Дара. Если бы он сам не способствовал распространению жвачки.

...Фредерик Дар творит непрерывно. В спальне у него стоит письменный стол, а в кабинете—кровать. На случай, если ночью придет очередная порция творческого озарения или если днем сморит усталость во время творческого процесса. Даже на пляж он берет бумагу и перо. Он тоже коммерческий писатель и пишет полицейские романы. Они переведены почти на все европейские языки и издаются миллионными тиражами.

Не так давно, зайдя в один из парижских книжных магазинов, я обнаружил рядом с сочинениями Бальзака, Гюго, Стендаля полное собрание сочинений Фредерика Дара—около двадцати томов в бордовых переплетах с золотым тиснением. Честно говоря, я был потрясен: литература, которая воспринималась мной до сих пор как несерьезная, да что там, вообще как нелитература, а что-то окололитературное, приравнивалась к классике.

Вот еще отрывок из «Сан-Антонио», где Фредерик Дар философствует устами своего героя. Он заслуживает, чтобы быть приведенным почти без сокращений: «Я пишу легко, обильно используя рекламные приемы. Я—питьевая сода литературы: я не заставляю читателя думать, он легко переваривает все, что я пишу. И таким образом, приношу ему облегчение. Я описываю надоевшую действительность в розовых и голубых тонах. Вы имеете что-нибудь против? Все мы живем в зале ожидания. Вот почему и писать надо для вокзалов. Да здравствует вокзальная литература! Та, которую в любой момент можно выбросить без сожаления в корзину. Теперь-то до вас дошло, что свой короткий путь вы должны пройти не с Прустом, а с моими каламбурами. И тогда ваша жалкая жизнь, угасающая подобно головешке, едва успевшей разгореться, озарится, по крайней мере, улыбкой. Так что бросьте принимать жизнь всерьез и предоставьте мне

подать вам ее в виде торта. Верьте мне: коль вам стало тяжело, Сан-Антонио всегда придет на помощь. Даже если вы считаете мое творчество дерьмом, оно все равно может принести вам счастье. Или, на худой конец, облегчение. Я сказал, что думал. А там как знаете».

Что ж, философия умственной «питьевой соды» — тоже философия. И, как всякая философия, она служит определенным социальным силам. В данном случае тем, которые заинтересованы отвлечь людей от насущных проблем действительности, увести подальше от них. Кое-кто даже говорит о такой литературе как о новом опиуме для народа, который, подобно религии, служит утешением в жизненных невзгодах. Фредерик Дар этого не отрицает: «Многие обвиняют мою философию в примитивизме. Чудаки! Если она примитивна, значит, хороша. Самые примитивные идеи — всегда наиболее стоящие. Моя философия будней приходит на помощь народному мышлению. Она — бутерброд, успокаивающий духовный голод. Выходя из моей кухни, можно зайти, конечно, в другую, где готовятся блюда более интеллектуальные. Только стоит ли труда? Жизнь можно прожить, и не усложняя ее».

Конечно, можно. Обыватель так и живет. История, наука, техника движутся вперед, а обыватель остается обывателем. Миру обывателя чужды подлинно человеческие чувства, идеалы свободы, достоинства, борьбы против рабства и угнетения. Вот почему Маркс ненавидел мещанство и особенно тех, кто содействовал его насаждению, отвлечению масс от борьбы против угнетения.

Читатель, скажем, глотает литературные бутерброды, приготовленные Фредериком Даром и распроданные его издателями в десятках миллионов экземпляров, они отвлекают его от раздумий над смыслом жизни, и он соглашается с автором, что главное — это прожить ее с улыбкой. И чем больше он поддается этой философии, тем больше нуждается в очередных бутербродах, которые постепенно становятся главной, а потом и единственной пищей для ума. Надо отдать должное Фредерику Дару: приготовлены его бутерброды мастерски, он умеет вкусно подать приключения комиссара Сан-Антонио и его друзей, их служебные и амурные подвиги.

Кстати, издатель книг Дара А. Каро как-то признался, что не понимает и не любит Сан-Антонио. Вероятно, именно этим качеством и отличается преуспевающий издатель, он выпускает не то, что нравится ему, а то, что может понравиться-

ся массовому читателю. Тут надо быть социологом и психологом, иметь нюх и уметь разбираться в настроениях людей. Ну кто, скажем, в самый разгар порнографического бума на Западе мог себе представить, что малоизвестная английская писательница Барбара Картленд, штампующая сентиментальные «розовые» романчики (никакой постели до замужества!), станет самой популярной (вслед за Агатой Кристи) романисткой. А вот хозяева американского издательства «Бентам букс» представили себе такое и рискнули: в 1974 году начали регулярно выпускать произведения плодovитой англичанки тиражом по 500 тысяч экземпляров каждое. К 1983 году общий тираж «розовых» романов Барбары Картленд перевалил за 350 миллионов. И все потому, что издатели вовремя подметили недовольство домашних хозяек, пенсионерок и некоторых других категорий женщин процессом бурного «раскрепощения секса», их ностальгию по романтизму в стиле «ретро» и предложили им слащаво-сентиментальное чтиво. И были с лихвой вознаграждены за это не только в финансовом, но и в идеологическом плане тоже. «Розовая» литература, как и шпионские серии, дает колоссальные доходы и отвлекает от житейских неурядиц и острых социальных проблем.

Но вернемся к Фредерику Дару. С обложек его книг на читателя глядит с хитрецей портрет автора. Большая лысина, бакенбарды, округлое лицо с мясистым носом.

Я шел на свидание с Фредериком Даром и мысленно представлял себе такого мясника от литературы, циничного и ловкого. К тому же извращенного до мозга костей. Познакомились. И оказалось, что Фредерик Дар — очень мягкий, даже застенчивый человек, любящий супруг, заботливый отец, который, помимо своих детей, воспитывает еще усыновленного тунисского мальчика, страдающего тем же недугом, который испытал в молодости сам Дар. И в серых больших глазах никакой хитрецы. А главное, это высококультурный, начитанный человек, боготворящий Жан-Жака Руссо и Виктора Гюго, последнего он называет своим литературным учителем. Любит философские песни Брассанса и Лео Ферре. И жизнь он прожил трудовую, нелегкую. Писал статьи для газет, пробовал свои силы в драматургии. Бывали моменты, когда опасался остаться без работы.

— Моя карьера — чистое недоразумение. Мечтал о серьезной литературной деятельности. Увы, пристроить

серьезные вещи не удавалось. А жить как-то надо. Выручил Сан-Антонио.

— Но теперь-то вы богаты и свободны писать то, что вам по душе?

— Конечно, но, странное дело, Сан-Антонио меня увлек, и я пишу с удовольствием. Благодаря ему у меня появились друзья, мне много пишут. Значит, у людей есть потребность в моем герое. И вообще я все больше думаю о том, что на смену герою романов XIX или XX века, идеалисту-мыслителю, пришел диснеевский Микки-Маус. Да, да, гора Бальзак уступил место мышонку. Может быть, это и печально, но это факт. Вы спрашиваете, есть ли в моем герое кусочек меня самого? Абсолютно нет. Сан-Антонио — моя противоположность.

С таким раздвоением личности, в особенности талантливой, мне приходилось сталкиваться на Западе довольно часто.

Чейз, Сименон, Дар... У них разные взгляды на жизнь, разный талант. Внутренняя раздвоенность этих писателей отражает саму реальность мира, который они изображают, или, точнее, в котором они живут, раздвоенность культуры. И они оказываются перед дилеммой: думать или выдумывать? Оглупленный потребитель книг привыкает все больше к тому, что ему показывают картины стиля жизни, а не заставляют задуматься над концепциями жизни. Хотя предназначение писателя и любого представителя культуры состоит именно в том, что он должен будить мысль, выдвигать в образах идеи преобразования жизни. Но как раз это не одобряется, а осуждается.

Кем не одобряется? И кем осуждается? Читателем с испорченным вкусом, как хотел бы представить дело Фредерик Дар? Или теми, кто прививает ему такой вкус, о чем говорят гораздо реже? Вот в чем вопрос.

Иногда можно слышать мнение, что появлению большого писателя должно предшествовать появление серьезного читателя. Или, в крайнем случае, они должны появиться одновременно. С этим трудно согласиться. В том-то и состоит значимость таланта, что он обнаруживает подспудные явления в обществе до того, как их замечает массовый читатель. И в этом смысле писатель создает читателя и его вкусы. Ведь такие чувства, как отвращение к рабству и любовь к свободе,

Пушкин своею лирой пробуждал, а не ждал, когда они пробудятся у читателя. Иначе он не стал бы Пушкиным.

Роль большого писателя в общественной жизни определяется именно тем, насколько он способствует своим творчеством ускорению социального прогресса. И нет никакого сомнения в том, что немалая доля ответственности за культурно-политическое отставание сознания масс на Западе лежит и на совести писателей, растрачивающих свой талант на стандартный массовый литературный товар. Ссылки же на «дурной вкус» читателя служат жалким оправданием.

Бр-у-у-ум! Дзинг!

Образ культуры Запада ассоциируется у меня с одним вечером в Барселоне. Я гулял по широкому бульвару, ведущему от портовой площади к центру. Днем он представляет собой тянущиеся на километры цветочный, птичий и рыбный базары. Торговки под широкими разноцветными зонтиками выкрикивают свой товар, зазывают. В глазах рябит от многоцветья, в ушах звенит от птичьего разноголосья. Из аквариумов на тебя смотрят выпученные глаза диковинных обитателей моря. К вечеру по бульвару прогуливается праздная толпа, наслаждаясь свежим ветерком с моря.

Внимание мое привлекло скопление публики у здания театра. «Наверное, ищут лишний билетик,— подумал я. Подойдя поближе, из афиши узнал, что идет опера «Трубадур». Спектакль уже закончился. Начинался разъезд. Именно разъезд, такой, о которых мы читали в романах Бальзака, Толстого. Вечерние платья, смокинги, трости с набалдашниками из слоновой кости с достоинством спускались по маршам лестницы, величественно проплывая мимо толпы зевак, и исчезали в чревах многоцилиндровых монстров.

А люди смотрели на это по-своему театральное представление. Здесь, у театрального подъезда, они прикасались к «культуре» высшего общества. И расходились. Опера была не для них. У них был футбол, была коррида, были петушиные бои. И, конечно, телевизор, детективы, комиксы. Ученые-социологи делают из этого глубокие выводы: генетически человек толпы не приспособлен к культуре элиты. Так создается легенда о вкусах публики.

На эту тему мы беседовали с Робером Эскарпи, французским литературным критиком, который выступал в Женевском университете с лекцией о литературе и «окололитературе». На вопрос, угрожает ли окололитература будущему книги, Эскарпи ответил, что вопрос следует ставить более широко, так как проблема окололитературы, или «массовой литературы», должна изучаться на фоне всей социальной жизни общества.

Я бы сказал, что ту или иную культуру обществу всегда пытается навязать господствующий класс, сообразуясь со своими собственными интересами. А также, разумеется, со способностями масс понимать культуру, иными словами, с уровнем их общего и эстетического воспитания. В этом ключ к ответу на поставленный вопрос. Известно, что книга как печатная продукция появилась в Европе при самом активном участии поднимавшейся к власти буржуазии, которая была заинтересована в развитии своих революционных идей и их распространении в возможно более широких кругах. Так, к XIX веку серьезная литература, в первую очередь роман, стала достоянием широкой публики, умевшей читать, то есть включенной в систему образования.

Судьба литературы (и вопрос о том, какой ей быть) вплетена непосредственно в судьбу всего общественного развития. При определенных социальных условиях книга может возвышать интеллект или принижать его. Хорошей иллюстрацией этому может служить история взлета рисованных мультипликационных книжонок, рисованной литературы, для краткости я буду называть ее РЛ.

Передо мной отливающий гляncем и красками альбом «Сан-Антонио в Тур де Франс», где рассказывается об очередных приключениях бравого комиссара полиции во время традиционных велосипедных гонок вокруг Франции. Точнее, не рассказывается, а показывается. В картинках, сопровождаемых короткими подписями, а также прямой речью героев, вылетающей в виде баллонов из их рта, мыслями героев, выплывающими пузырьками из их головы, и прочими графически-стереотипными обозначениями душевного состояния и настроения героев. С точки зрения литературной предпочтении отдается короткому, но выразительному междомию. Взрыв сопровождается удлинением «Бр-у-у-ум», столкновение автомашин — «Клинг-кланг», выстрел — «Пиф-паф», удар по челюсти — «Дзинг» и так далее. Все это в

нарочито гротескном изображении. Челюсть самого Сан-Антонио, квадратная и выдающаяся, служит эталоном воли.

Короче говоря, это Сан-Антонио в мультипликационном варианте, откуда начисто изъят сатирический талант Фредерика Дара. Что же тогда остается? Пошлый сюжет в картинках, образах, для расшифровки которых вполне достаточно уметь читать по слогам. В книжных магазинах, заваленных изданиями рисованной литературы, мне попадались такие книжонки, сделанные на сюжеты библии, произведений Бальзака и Дюма, Толстого и Дарвина. Еще не столь давно из классиков стряпали дайджесты — сокращенные и «облегченные» варианты книг, в которых рассуждения автора и философия изымались, оставались избранные (редакцией) места, вроде любовных сцен Анны Карениной и Вронского. Философия дайджеста ясна: спешащему читателю некогда размышлять над переживаниями героев. Ныне процесс опрощения литературы значительно продвинулся: читателю уже некогда читать, пусть смотрит картинки с междометиями.

И читатель смотрит. С увлечением. Покупает РЛ в сотнях миллионов экземпляров. Посещает огромные выставки-продажи рисованной литературы. Во Франции ежегодно проводятся международные салоны РЛ. Популярность этих салонов не уступает популярности международного кинофестиваля в Каннах или Биеннале изобразительного искусства в Венеции. До 60-х годов РЛ была в основном уделом детей, которые не столько читали, сколько смотрели картинки. Но затем жанр РЛ стал все чаще появляться в литературе для взрослых, его периодически стали публиковать крупные газеты, например французские «Фигаро», «Фрэнс диманш», «Матэн» и даже солидная «Монд». По средам в послеобеденные часы постоянная рубрика РЛ шла по парижскому телевидению. Серия РЛ под названием «Блонди», созданная в США, перепечатывалась изо дня в день в 1 600 газетах по всему миру. Парижская «Франс суар» дала полное изложение Евангелия в РЛ.

В своем исследовании о французской культуре А. Моль опубликовал анализ анкеты, проведенной среди читателей ежедневной прессы. Читатели в возрасте от 10 до 30 лет ставили РЛ по популярности на первое место. Читатели от 30 до 40 лет отводили ей второе место после текущих новостей, читатели от 40 до 50 лет поставили РЛ на третье место после новостей и фоторепортажей, читатели от 50 до 70 лет — на

пятое. Напрашивается вывод, что по мере взросления люди умнеют и отказываются от разжеванного примитива. Но бытует поговорка: если до 30 лет ума нет, то это надолго. К тому же именно в этом возрасте люди активнее всего воспринимают прочитанное. В чем же причина такой популярности рисованной литературы, которую в сравнении с «окололитературой» можно было бы квалифицировать как «около-окололитературу»? В ответе на этот вопрос социологи весьма единодушны: разгадка состоит в силе психологического воздействия РЛ, которая превратилась с помощью хорошей техники исполнения в высокоэмоциональное средство массовой информации. Следует иметь в виду и то немаловажное обстоятельство, что в 60—70-е годы зерна рисованной литературы упали на подготовленную почву. Кино и телевидение приучили людей к восприятию идей через зрительные образы, колоссальный объем информации вырабатал у них привычку к поспешному и поверхностному чтению.

«Сжатая литературная продукция для спешащего читателя» — так определил жанр РЛ французский социолог Ги Готье. Филипп Мюре из французского еженедельника «Нуфель литерер» считает даже, что с утверждением этого жанра сбылась мечта авангардистов: «заставить говорить живопись и петь — рассказы». РЛ, по его определению, является именно таким синтетическим жанром, вобравшим в себя литературу, изобразительное искусство, музыку и кино. Ему же, Филиппу Мюре, принадлежит и пророчество о том, что жанр рисованной литературы открывает новый цикл в истории литературы, значение которого сейчас еще трудно себе представить.

Но несколько слов об истории самого жанра РЛ, который возник более полувека назад. Правда, злые языки уверяют, что история РЛ началась значительно раньше, а именно с наскальной живописи, и при этом добавляют, что сейчас она (и тут они в корне расходятся с мнением Филиппа Мюре) возвращается к тому же пещерному циклу. Но на то они и злые языки. А специалисты жанра указывают точную дату рождения РЛ — 1928 год. А еще точнее — 18 ноября 1928 года — день рождения диснеевского Микки-Мауса. В этот день был показан первый фильм с участием этого маленького мышонка с круглой мордашкой и ушами-лопухами. Изображение его сегодня можно встретить на этикетках более 3 тысяч

всевозможных предметов обихода: мыла, зубных щеток, лампочек, обуви, часов...

Открывая в 1944 году второй фронт в Нормандии, десантники союзников избрали пароль: «Микки-Маус». Сам Уолт Дисней был награжден за создание образа Микки-Мауса высшей наградой кино — премией «Оскар».

Специалисты мультипликационного кино говорят о Микки-Маусе как о продукте творческого гения. Рождение Микки-Мауса отвечало насущной потребности американской реальности начала века. Иммигранты, прибывавшие в Соединенные Штаты со всех концов света, говорившие на самых разных языках и имевшие самые разнообразные традиции и привычки, должны были сплотиться в единую нацию. Кроме того, первые десятилетия XX века были отмечены в США появлением поточного конвейерного производства стандартных товаров массового потребления, это породило необходимость нивелирования вкусов потребителя. А все вместе требовало создания единого эталона среднего американца, эталона максимально понятного и приемлемого для всех, а следовательно, простого и даже примитивного. Таким эталоном и стал Микки-Маус.

Микки — оптимист, он никогда не унывает, всегда пребывает в хорошем настроении, общителен и изобретателен. Уверен в неизбежном «хэппи-энд» — счастливом конце, даже в самых сложных ситуациях. Сам Дисней определил его так: «Это бравый парень, который никому не желает зла. Он постоянно попадает в непредвиденные ситуации, из которых выходит с честью. И с неизменной улыбкой. Всю свою жизнь Микки остается верен одной подружке — Минни. Микки настолько доступен всем, что просто невозможно, чтобы он не превратился в верного друга и общего любимца».

Уолт Дисней — провидец, так оно и вышло на самом деле. Микки-Маус стал символом Америки. Понятным и доступным всем, даже тем, кто еще не знал или знал плохо английский язык. Однако, помогая стандартизации американской нации, Микки одновременно исполнял роль разрушителя культурных ценностей, привнесенных эмигрантами из самых разных стран. Примитивный эталон способствовал появлению примитивной культуры.

«Микки-Маус, этот идиот-оптимист, — писал в те годы один американский журнал, — оказал самое пагубное влияние на культуру Америки». А сегодня можно с уверенностью

сказать, что так называемая «массовая культура», разрушающая национальные культуры Франции, Англии, Италии, обязана многим маленькому мышонку с ушами-лопухами, этому «идиоту-оптимисту», который «никому не желал зла».

Объясняя силу воздействия рисованной литературы на молодежь, Ги Готье говорит, что с помощью отшлифованной техники РЛ достигла «максимума эффективности благодаря максимуму упрощенности». Это верно. Рисованная литература сильна своей стереотипной простотой. Так, скажем, для многих стереотип мексиканца — это прежде всего сомбреро, гитара. Примитивно, элементарно и вместе с тем настолько прочно укрепляется в памяти, что всякое упоминание о Мексике вызывает в сознании именно этот образ. Для этого не надо мыслить, все происходит механически. Через восприятие определенных линий, фигур, красок. Приведу шкалу стереотипных красок, к которой Дисней приучил своего зрителя-читателя. Так, во всех его фильмах и РЛ красный цвет обозначает злобу, ярость; коричневый — жадность; светло-серый — страх; темно-серый — отчаяние и депрессию; серо-зеленый — обман, мошенничество; розовый — аффектацию; оранжевый — гордыню; голубой — тайну.

Читатель, собственно, перестает быть читателем. Уходя целиком в штриховые образы и цветовые гаммы, он возвращается к чувственному восприятию на уровне условных рефлексов. И если жанр РЛ вполне оправдан и даже полезен для периода раннего детства, когда ребенок воспринимает окружающий мир прежде всего чувственным образом, то у юношества увлечение этим жанром, бесспорно, тормозит развитие абстрактного мышления, а следовательно, и сам процесс развития сознания. Что касается взрослых людей, то уход их в РЛ приводит к полному духовному обнищанию.

В любом случае факт остается фактом: форма способна до крайности примитивизировать содержание и способствовать его примитивному и бездумному восприятию.

Французский социолог Бернар Пурприкс провел в начале 70-х годов интересное исследование. Он проанализировал сто номеров «Газеты Микки» — периодического издания РЛ для молодежи Франции и пришел к заключению, что мир Уолта Диснея является «символом политического, экономического и социального консерватизма». Так, в 73 процентах всех сюжетов Диснея красной нитью проходит тема незыблемости и святости частной собственности.

В середине 30-х годов на нас, тогдашних детей, огромное впечатление произвели диснеевские «Три поросенка». А совсем недавно я узнал, что эта сказка про веселых поросят и злого серого волка несла в те годы в Америке совершенно определенную идеологическую нагрузку. В условиях депрессии это была образная интерпретация обращения президента Рузвельта к народу с призывом не терять надежды на лучшие времена и сохранять твердость духа. Сам Уолт Дисней писал: «Три поросенка», представленные в критический момент депрессии, прямо ассоциировались с экономической ситуацией». Многие видели в этом фильме рецепт против кризиса: надо строить крепкий дом (собственность), который защитит от злого серого волка (банкротства, безработицы). Вот почему музыкальная тема «Нам не страшен серый волк» в одну ночь превратилась чуть ли не во второй национальный гимн. Можно привести и другие примеры, показывающие силу эмоционального воздействия рисованных образов. Так, во время второй мировой войны в мультипликационной киносерии «Терри и пираты» герой был мобилизован в американскую армию, воевавшую в районе Тихого океана. По воле автора отряд, в котором служил Терри, был выбит японцами с занимаемого им острова. Президент Рузвельт увидел эту книжку, и она вызвала его недовольство. Рузвельт лично попросил автора, чтобы Терри незамедлительно отвоевал у японцев остров обратно. И объяснил это тем, что Терри слишком близок массовому читателю, который изо дня в день следит за его приключениями, привык к нему и верит ему как себе. Вот почему, заключил Рузвельт, те или иные действия героя могут поднять или снизить настроение миллионов американцев, в чем автор должен отдавать себе отчет. Терри принадлежал уже не только автору.

Уолт Дисней умер в 1966 году, но фирма «Уолт Дисней продакшн» процветает, как и прежде. И даже больше. В 1931 году оборот фирмы оценивался в 180 тысяч долларов. В 1970 году он достиг 22 миллионов, а в 1978 году превысил 630 миллионов долларов. При этом главные доходы фирме дает рисованная литература. Жанр РЛ явно на подъеме. Уже в конце 20-х — начале 30-х годов появилось множество подражательных подобию Микки-Мауса как в самой Америке, так и в других странах Запада. Супермен в США, Астерикс во Франции, Тэнтэн в Бельгии — все они герои потребительской литературы для детей и взрослых, которые, подобно мышон-

ку Микки, с успехом выполняют свою идеологическую функцию. Все они служат защите социальной системы. Служат не только пассивно, способствуя примитивизации мышления и сознания, но иногда и активно. Как, например, в случае с «Тэнтэном в Стране Советов». Вместе со своей говорящей собакой Милу (кстати, она говорит гораздо чаще, чем сам герой, который ограничивается в основном междометиями) Тэнтэн путешествует по Советскому Союзу 20-х годов, мерзнет, голодает, его грабят и истязают в «застенках ГПУ». Под конец он еле-еле уносит свои ноги в гольфах на благословенный Запад. Одним словом, оголтелый антикоммунизм.

Фредерик Дар назвал своего Сан-Антонио старшим братом Тэнтэна: И пояснил: «Сан-Антонио — это Тэнтэн, с той разницей, что вместо собаки во всех авантюрах его сопровождает другой верный друг — секс».

Знаменитый автор Тэнтэна Реми Жорж (он взял себе псевдоним Эрже — по начальным буквам имени и фамилии), ставший ныне одним из «классиков» жанра РЛ, сам признался, что до сих пор не может понять причин своего головокружительного успеха: «Я никогда не мог понять, чем Тэнтэн смог привлечь публику. И всегда считал свой успех каким-то недоразумением. Для меня самого все это было не больше чем баловством».

Первоначально Эрже пробовал свои силы в живописи, но не преуспел в этом и переключился на Тэнтэна. А потом полюбил своего героя, которого отождествил с самим собой: «Флобер говорил, что мадам Бовари — это он. Я могу с таким же основанием сказать, что Тэнтэн — это я».

Но кто же он такой, автор Тэнтэна? Слово автору:

— Мое детство? Оно прошло в атмосфере посредственности, среди посредственных событий и посредственных мыслей... Сплошная серость. Детство, юность, военная служба — все было серым. Детство — не веселое, не грустное, скорее тусклое. Я не был несчастлив, напротив, мои родители были очень добры ко мне и окружали меня заботой. Но никаких проблесков: ни книг, ни обмена идеями, ничего... Я не думаю, что мне можно привесить этикетку «правого» или «левого». Что верно, так это то, что я всегда был и остаюсь приверженцем существующего порядка. Я очень люблю детективы про Джеймса Бонда, обожаю абстрактное искусство. Я люблю музыку, особенно поп-музыку.

Вот и ответ на вопрос о причине успеха Эрже и его Тэнтэна. Оба они представляют усредненный эталон мещанства. Именно к такому эталону мечтают свести человечество идеологи монополий. Французский социолог Дени де Ружемон сетует на то, что «мир все больше погрязает в посредственности: мелкие людишки все мельче любят и все мельче ненавидят. Этому способствует система образования, которая нивелирует человека, останавливает его развитие на низшем интеллектуальном уровне. А средства массовой информации — газеты, радио, телевидение, кино, рисованная литература — с успехом закрепляют этот уровень».

Есть и другое объяснение успеха Тэнтэна и всего жанра РЛ. Его дал тот же Фредерик Дар. Он увенчивает Эрже лаврами за то, что тот «сумел вырвать нас из монотонной повседневности».

Жизнь немыслима без творческого начала. И творческого воображения, которое представляет собой сложный синтез знаний, таланта, воли, целеустремленности, вдохновения, интуиции. Маркс и Эйнштейн (можно назвать десятки других имен) дали миру образцы такого творческого воображения. Оно служило им не самоцелью, а инструментом. И в своем творчестве они отталкивались от наблюдения и анализа действительности, обнаруживали в самой жизни то, чего другие еще не видели.

Выводя за рамки обыденности, творческое воображение раскрывает новые, доселе неизвестные грани жизни и тем самым обогащает и преобразует ее. Ложное, надуманное воображение тоже выводит за рамки обыденности, но уводит в пустоту. Такое воображение не изменяет жизнь, а отвлекает от нее.

Попадая вместе с Тэнтэном в «Страну Советов», в Конго, на Луну или в мир телепатии, читатель вырывается из повседневности. Не переставая от этого оставаться мещанином. Один из таких читателей-мещан прислал Эрже письмо, где заявил, что его творчеству мог бы позавидовать сам Ван Гог. Еще бы, за всю свою трудную жизнь Ван Гог сумел продать считанные полотна, а число проданных альбомов Эрже превысило 40 миллионов экземпляров. Перед картинами Ван Гога надо думать, Эрже доступен младенцу.

«Спасибо тебе, Эрже!» — сказал Фредерик Дар. И вместе с ним Эрже благодарят все те, кто против социальных изменений.

Не случайно подавляющее большинство изданий рисованной литературы публикуется на Западе группами прессы, отражающими интересы господствующего класса. Во Франции такая пресса дает ежегодно более 300 миллионов экземпляров альбомов и специальных приложений РЛ. Важная деталь: согласно опросу, проведенному французским институтом общественного мнения, основные потребители этого жанра — дети рабочих (46 процентов опрошенных читателей) и служащих (19 процентов). Дети высших административных кадров и коммерсантов составляют всего 7 процентов. Статистика отражает реальное положение вещей: дети рабочих и служащих, имеющие более низкий уровень образования, легче воспринимают именно такую литературу. Немаловажную роль здесь играет и материальный фактор: рисованная литература, в отличие от более серьезной, недорога и потому доступна для кармана низкооплачиваемых категорий населения. В исследовании молодежного сознания через призму рисованной литературы Марк Жозе Шомбер отмечает, что «молодые люди, особенно из низших слоев общества, находят в образах РЛ компенсацию их приниженого социального статуса. Вслед за рисованным героем они уходят в мечту, которая спасает их от монотонной действительности и производственной рутины». Это, естественно, на руку монополистам: пусть себе мечтают, отождествляют себя с суперменами, умеющими достать с неба луну, но только не занимаются переустройством жизни здесь, на Земле. И РЛ раздувается в тиражах, совершенствуется в техническом исполнении и психологическом воздействии на массы.

Продается мечта

В Женеве в тот день я подошел к машине и обнаружил, что левый подфарник разбит вдребезги. И тут увидел кусочек картона, подсунутый под щетку стеклоочистителя. Это была визитная карточка. На ней имя и фамилия: Доминик Бри, аниматор радиотелевидения, и адрес.

Это было удачей, мне давно хотелось познакомиться с племенем аниматоров, которые ведут на радио и телевидении увеселительно-развлекательные передачи вроде конкурсов песен, где неизвестные любители пробуют свои голоса,

или игр-вопросов, в которых можно выиграть деньги, бесплатную поездку на Гавайские острова или, на худой конец, диск с модными записями. Слово «аниматор» означает «вдохновитель», по-нашему это нечто вроде культурника-затейника, массовика, короче, человека, призванного заполнять культурный досуг масс.

Вечером я позвонил по указанному номеру. Доминик помолчал немного, видимо, вспоминал.

— А, это я тебе подглазник задел, ха-ха, не можешь теперь подмигивать? Послушай, а ты кто?

Узнав, что я из Советского Союза, да еще и журналист, Доминик Бри гаркнул:

— Послушай, советик, садись в свою колымагу и жми в «Дю Рон», выпьем по стакану. Найдешь меня в баре, я заметный. Насчет лампы не беспокойся, заплачу.

Я ответил, что подфарник уже заменили, а вот за приглашение—спасибо.

Узнать аниматора оказалось очень просто. Не по причине его выдающейся внешности, она как раз оказалась весьма ординарной, а потому, что в баре Доминик Бри был один. Познакомились. Он приехал в Женеву сделать репортаж о визите папы Павла VI. О том, как в традиционно протестантской Женеве встретят главного католика. На 100 строк. Я ему поведал, что из-за этого визита у меня сорвалась передача о демократии. Он хлопнул себя по бедрам и захохотал, оскалив крупные белые зубы.

— Демократия! За демократию тоже надо платить. Бо-марше—слыхал о таком? Ну да, Фигаро—здесь, Фигаро—там; так вот, он говорил, что в демократической Франции можно говорить о чем угодно, только не о короле, не о дворе и не о министрах. Сегодня можно говорить о чем угодно, но только за наличные. Вот это и есть демократия. Мне лично она не по карману. Поэтому, знаешь, что я делаю? Я продаю самого себя. Кому? Ты меня удивляешь. Тому, кто может купить демократию. Что я делаю? Я веселю людей, мне платят за то, чтобы им было весело, чтобы они смеялись, пели, танцевали. Интеллекта особого для этого не надо, мы имеем нынче дело не с мыслящим человеком, *homo sapiens*, а с человеком развлекающимся—*homo ludens*. Если брякнешь иногда что-нибудь невпопад—не беда, чем глупее, тем смешнее. Ну и диск подобрать соответствующий, под настроение. И тогда—о'кей. Заведешь их, родимых, и они

дергаются до посинения. Иногда думаешь: а зачем им голова, только мешает. Конечно, смешить надо уметь, и за эту науку тоже надо платить. Я платил по 800 франков в месяц в парижской школе аниматоров. Нам так и говорили: мы научим вас, как продать себя подороже. И вот теперь я сам кручу мозги другим. Чем громче они смеются, тем больше мне платят. Плата за смех. Как платят? Не жалуясь, на бифштекс с коньяком имею. И домик есть с садиком, от смеха ведь тоже надо отдыхать. Так вот, Доминик, которого ты видишь перед собой, нищий в сравнении с аниматорами-астрономами, мы их так именуем, потому что они числятся «звездами» и зарабатывают астрономические суммы. Продают себя очень дорого, по высшим ставкам.

После встречи с Домиником Бри я стал внимательнее приглядываться к передачам с участием аниматоров. Сидел у телевизора и смотрел различные игры, на которые раньше мало обращал внимания. Теперь я старался постичь меру их воздействия на зрителя и слушателя. Постепенно начала вырисовываться довольно любопытная картина. Из года в год росло время, отводимое телевизионными каналами развлекательным передачам, в том числе играм. С 1974 по 1978 год число часов, предоставляемое на такие передачи французским телевидением, выросло с 336 до 682, то есть вдвое. А в 1982 году достигло 900 часов. Иными словами, телевидение отводит играм более двух часов в день, причем для них выбирается наиболее удобное время, как правило, перед выпусками новостей.

На первый взгляд эти передачи выглядят вполне невинными. И даже в известной степени полезными. К примеру, аниматор предлагает находящимся в студии телезрителям выбрать одно из двух решений: А или Б, то есть назвать правильный ответ. Ну, скажем, А: Наполеон в сражении под Аустерлицем нанес поражение армии Суворова. Б: Наполеон в сражении под Аустерлицем нанес поражение войскам союзников под руководством австро-русского командования. Отвечающий должен сказать: А или Б. Если он сказал Б (правильный ответ), то получает 100 франков. При следующем верном ответе сумма выигрыша растет, неточный — ликвидирует весь выигрыш. На любом этапе участник может выйти из игры и забрать выигранное, ну, скажем, 1 000 франков. Как в рулетке. Но соблазн и азарт велики, и он соглашается ответить еще на один, последний вопрос и полу-

чить 2 000 франков. Вот тут-то аниматор и разворачивается. Он нагнетает атмосферу, призывает игроков проявить смелость, решительность. Ведь 2 000 — это не 1 000! Ну, вперед, мой друг, тебя ждет награда и слава. Прояви характер, ведь за тобой сейчас наблюдают миллионы французов. Наверное, твоя подружка тоже переживает за тебя, желает удачи. Ну как? Рискнем?

Пьер Дуглас, аниматор радиостанции «Франс-Интер», заявил: «Пусть слушатели будут счастливы, что их не морочат интеллектуальщиной». Телеигры, которые требуют элементарных знаний, — это верх интеллектуальных шоу, предлагаемых публике. Подавляющее же большинство игр не требует работы мозговых извилин. Ответить на вопрос, какую породу собак предпочитает певица Далида или где отдыхал в 1980 году актер Ален Делон, может и круглый идиот.

Трудно перечислить все игры, которые с помощью радио, телевидения и прессы анестезируют сознание миллионов слушателей и зрителей, — их сотни. Однако есть среди них и такие, которые возбуждают активность публики. Например, игра «Инспектор ведет следствие», которая регулярно транслировалась в свое время по второму каналу французского телевидения. В течение почти двух часов один из телезрителей, находящийся в студии, которая на это время превращалась в комиссариат полиции, выступает в роли инспектора. Он должен обнаружить преступника. Ему объясняют условия, в которых произошло преступление, называют лиц, которые могут быть причастны к нему, указывают свидетелей преступления и т. д. Он задает вопросы, допрашивает, сопоставляет факты, отбирает наиболее подозрительных, снова допрашивает. В это время в телестудии непрерывно звонит телефон, сотни телезрителей, наблюдающих игру, дают «инспектору» советы, называют предполагаемых преступников. Время игры истекает, и теперь имя злодея должен назвать сам «инспектор». Угадает — получит денежную премию. Не угадает — счастье будет пытаться следующий телезритель. Конечно, это только игра, но зрители, особенно юные, постоянно участвуя в таких играх, приучаются к будущим ролям, которые им будут навязывать уже в реальной жизни. Пока что они учатся подозревать всех и каждого абстрактно, вообще. Потом им укажут главную мишень. К примеру, коммунистов.

На этих играх, как и на бесчисленных кинофильмах и

телепередачах об убийствах, ограблениях, умыканиях заложников и прочих проявлениях насилия, практикуются и будущие преступники. По словам французского социолога Ролана Барта, между терроризмом и средствами массовой информации, которые уделяют бандитам огромное внимание, существует связь соучастия. Средства массовой информации превратились в рекламу преступности.

Насилие и порнография стали подлинными героями западного кинематографа. Что касается телевидения, то оно откровенной порнографии не показывает, хотя в продаже находится большое количество порнографических видеофильмов. Но фильмы, идущие на маленьком экране, заполнены сценами убийств и ограблений. Число таких кинокартин, особенно американского производства, из года в год растет. Основная их роль — отвлечь зрителя. Но не только. Они приучают публику к насилию, делают преступление обычной и банальной вещью. Многие социологи удивляются равнодушию, с которым зритель наблюдает в кино и по телевидению сцены страшных зверств, совершаемых, скажем, израильской военщиной в Ливане. Объяснение простое. Профилактическая сыворотка нередко содержит в себе возбудителей болезни, против которой служит прививка. Дозы насилия в образах прививают публике иммунитет к насилию. А от иммунитета к насилию до его оправдания — один шаг.

И все же наиболее почетное место в поп-культуре отводится «мечте», которая призвана компенсировать недовольство людей жизненным положением, тяжелой или неинтересной работой, бесцельным досугом. «Мечта» продается на рынке массовых эмоций миллионами экземпляров развлекательной, бульварной прессы, выступает в роли шансонье-идола на эстраде, подается в виде рекламы с экранов телевидения. Она успокаивает читателей, зрителей и слушателей, создает у них впечатление осмысленности их жизни, отвлекает от мысли о необходимости перемен.

— Как и все звезды эстрады, — говорит французский певец Антуан, — я усыпляю людей. Неистово аплодируя «идолу», они разряжают свою энергию, которая могла бы служить им для протеста против унижительного существования.

Но они аплодируют, покупают фотоплакаты со своими любимцами, вывешивают их дома, следят за всеми перипетиями их карьеры, переживают их любовные истории, коротче, живут их жизнью. То есть — «мечтой».

Как тут не провести параллель между религией и поп-культурой—и в том и в другом случае воля и сознание людей направляются в мир иллюзий. Чем больше вкладывает человек в бога, тем меньше остается в нем самом, говорил К. Маркс. Замените в этой формуле бога на идола поп-музыки или на звезду Голливуда, и вы получите новый опиум для народа. Героин, гашиш и прочие наркотики продаются в миниатюрных пакетиках из-под полы, поп-мечта продается в образах Джонни Холлидея или Майка Джеггера. Отождествляя себя с этими образами, имитируя в воображении их поступки и мысли, человек как бы живет в двух измерениях: своей собственной, реальной жизнью и чужой, воображаемой. Происходит раздвоение личности. Человек отчуждается от себя самого. При этом сам-то он своей настоящей жизнью считает не реальную, тяжелую, нервную, тусклую, скучную, что проходит в цехе завода или в конторе, а ту беззаботную, веселую, пусть воображаемую, что он проводит в кресле перед телевизионным экраном или в зале кино. Именно эту он активно переживает сам. А реальную отдает на откуп хозяину или администрации предприятия. Так с помощью иллюзорной мечты, подсовываемой «массовой культурой», осуществляется политика монополий—рабочий, приходя на завод, должен оставлять свой мозг на вешалке.

Еще в конце XIX века, наблюдая подъем революционного движения в мире, французский социолог и психолог Гюстав Лебон усиленно призывал своих коллег изучать психологию «толпы», с тем чтобы научиться управлять ее поведением. Умение манипулировать сознанием «толпы» он называл последним средством защиты буржуазной системы. Поскольку, говорил он, толпа не рассуждает, а покоряется страстям, необходимо воздействовать на ее сознание путем внедрения в него образных, чувственных ассоциаций, используя при этом такие эмоциональные состояния, как страх, ненависть, стремление к удовольствию. Следуя советам Лебона, нынешние буржуазные психологи тщательно исследуют силу воздействия средств информации на сознание масс. Активно применяют механизмы внушения. С помощью слов, картинок, образов они стремятся сблизить и унифицировать умственные способности и интересы людей, подsunуть чуждые им потребности, отвлечь их внимание от борьбы против эксплуатации.

Капитализм пытается манипулировать сознанием трудящихся, чтобы не дать им осознать свое эксплуатируемое положение и понять необходимость борьбы против него. Эта цель может быть достигнута, в частности, путем подмены стремления к революционной деятельности другими желаниями, скажем, в области потребления или досуга. Достигается это путем концентрации интереса на приобретении вещей, воспитания стремления к развлечениям.

Потребности человека определяются его положением в системе производственных отношений с одной стороны, а с другой — субъективным осознанием этой потребности. Субъективное, индивидуальное может не совпадать с объективным, социальным. Именно здесь сосредоточивают основные усилия буржуазные идеологи, которые стремятся разорвать органическую связь между объективным и субъективным, групповым и индивидуальным. Отождествляя, например, индивидуальную потребность в достижении материального стандарта, рекомендуемого рекламой, с радикальными социальными интересами всех трудящихся. Но сосредоточение жизненных целей человека на индивидуальном потребительстве противоречит его коренному интересу — борьбе против капитализма. Достижение рабочим того или иного материального уровня отнюдь не устраняет его эксплуатируемого состояния. В то время как ликвидация эксплуатации неизбежно ведет к более справедливому распределению товаров и социальных благ, к его демократизации.

С помощью психологической манипуляции идеологам монополий нередко удается выхолостить суть из самых радикальных требований рабочего класса. Так, страшное для капитала требование участия в управлении производством может при последовательном осуществлении привести трудящихся к осознанию необходимости свержения власти буржуазии. Но это же требование может свестись к участию трудящихся в усовершенствовании системы своей собственной эксплуатации. Против такого «участия» в управлении производством не возразит ни один монополист, он даже поратует за него. Ибо, ничего не меняя по существу, оно создает видимость демократизации капитализма.

Но тут возникает одно существенное «но»: возможность психологической манипуляции, подсовывание ложных потребностей и интересов может осуществляться не всегда, а

только при определенных условиях. Главное из них — уровень общей культуры и политического сознания человека. Чем они ниже, тем проще обманывать людей. И наоборот. Вот почему главное внимание буржуазная пропаганда обращает сегодня на обработку масс, прежде всего молодежи, с помощью «культурного опрошения».

Помните, мы говорили о грандиозных сборищах хиппи, которые устраивали стихийные фестивали рок-музыки в знак протеста против господствующей системы? Эти сборища проводились на заброшенных пустырях. Нередко их запрещали власти и разгоняла полиция.

Ныне подобные фестивали организуют сами власти на деньги миллионеров-меценатов, а полиция наблюдает, чтобы рокеров не обижали.

В начале 1985 года один из таких фестивалей состоялся в Бразилии, в Рио-де-Жанейро. В одном из районов города был специально выстроен «рок-дром», занявший 250 тыс. квадратных метров. Рокеров, прибывших из Соединенных Штатов, Австралии, ФРГ, Англии и других стран, ждала гигантская эстрада со всеми необходимыми атрибутами — мощными осветительными устройствами, звуковоспроизводящей системой. В рок-городке были выстроены многочисленные бары.

Все десять ночей «Рок в Рио» транслировался крупнейшими телекомпаниями, которые сделали все, чтобы до молодежи дошли «послания мировой западной музыки», как выразился один из режиссеров. Некоторые бразильские газеты оценили этот спектакль иначе, они называли его «судорогами массовой культуры». Таков один из бесчисленных образчиков направленного оглупления западной молодежи средствами «массовой культуры».

Представляют интерес и конкретные психологические механизмы подобной обработки.

Как создаются символы

Если определить основную идеологическую цель «массовой культуры», то можно сказать, что она состоит в том, чтобы подменить в сознании людей реальные ценности символическими. А это достигается с помощью подмены образа

реальной действительности псевдообразом — символом. Как это осуществляется на практике — хорошо видно на примере рекламы, механизмы которой сегодня досконально исследованы в сотнях книг и статей.

Символ товара должен привлечь потенциального потребителя тем, что он отражает в его психике систему привычных для него ценностей. Желание более активно включиться в роль, навязываемую человеку системой ценностей, заставляет его купить товар, символ которого совпадает с этой системой ценностей, символ вызывает как бы условный рефлекс. Следовательно, реклама вырабатывает ту или иную модель поведения человека с учетом социальных, экономических, культурных условий его жизни, то есть с учетом его конкретных интересов. В самом этом нет ничего плохого, однако механизм рекламы способен выпячивать и усиливать одни интересы и гасить, притуплять другие. И здесь заложена возможность отражения не только истинных, но и ложных интересов личности, манипуляции ею, возможность продажи товара, который не отвечает истинным потребностям покупателя.

Выбирая символы товара, многократно повторяя их, реклама приучает потребителя молниеносно реагировать на заданный символ, марку товара, и покупать его. Такова основная экономическая цель рекламы. Но существует и обратная психологическая связь. Покупая определенный товар, потребитель так же автоматически воспроизводит в своем сознании и социальные условия, и нормы поведения, которые послужили моделью для символа этого товара. Как результат, символ товара с неизбежностью воспроизводит и систему идеологических ценностей, доминирующих в обществе. В буржуазном обществе — буржуазных ценностей.

Вырабатывая, скажем, символы для молодежи, буржуазная реклама использует саму молодость, лучшую пору жизни. И «помогает» продлить эту пору, идентифицируя ее с определенными предметами потребления. Но молодость, в свою очередь, ассоциируется в сознании с динамикой, подвижностью, обновлением. По ассоциации предметы молодежного потребления отождествляются со всем новым. Здесь заложена возможность социально-политического обмана, ибо далеко не все новое полезно и прогрессивно. К тому же символы молодости — спортивность, определенные фасоны одежды, повторенные в бесчисленных вариантах,

приучают потребителя к самому потреблению как к высшей социальной ценности. В результате мощный заряд молодой энергии разряжается и размельчается в активном акте приобретения мелочей и новшеств, предлагаемых рекламой. А самоуважение и удовлетворенность своей жизненной ролью утверждается не в процессе социального становления личности, ее активного приобщения к деятельной жизни общества, а в процессе приобретения набора товаров, указанного рекламой.

Такая подмена социальных ценностей и создание ложных интересов осуществляются при помощи тщательно продуманной техники. Реклама гигиенического средства против пота гласит: «Деодоран 4x8 удваивает ваши шансы на успех!» Здесь риску проиграть противопоставляются «большие» шансы на успех в указанном соотношении 4x8, шарлатанству придается видимость научной точности. Действует психологический расчет, где успех связан с потреблением, а риск — с непотреблением. И таким образом социальные ценности связываются с актом потребительства, а социальный успех — с ролью потребителя. Такая психологическая манипуляция помогает не только продать товар, но и создать миф о социальной значимости владельца рекламируемых товаров.

Изображение «молодости» привязывается к определенному предмету. Фирма «Контрекс» изображает на бутылках с минеральной водой тонкую лиану, сопровождая ее ремаркой «Контрекс контратакует», то есть атакует излишнюю полноту, которая ассоциируется со старением, и помогает сохранить изящество линий, признак молодости. Другая фирма рекламирует бюстгальтер-невидимку: «Невидимка! Но как держит!» Пусть окружающие полагают, что ваши формы не нуждаются в искусственной поддержке, следовательно, вы по-прежнему молоды и динамичны. И так далее.

Однако купить тот или иной предмет и закрепить тем самым свое место в обществе можно, только имея деньги. Французский банк «Лионский кредит» — тут как тут. Он приобщается к рекламному хору: «Лионский кредит» — для покинувших маму с папой!» И обращается к молодым людям с призывом не задерживаться с открытием текущего счета в банке. Ибо это поможет «сохранить молодость в зрелом возрасте». То есть поможет покупать товары для молодых. И вот уже сам банк становится в глазах молодежи ценностью. А

вместе с ним — и политический строй, гарантирующий существование частных банков и частной собственности.

В распространении «массовой культуры» действуют точно те же психологические механизмы, что и в рекламе, только здесь выступают не модели товаров, а стереотипы кинозвезд, музыки, живописи, досуга.

Журналист из «Плейбоя» Лоуренс Дитц решил выяснить, почему миллионы людей тратят миллионы долларов, франков, марок, лир, фунтов и проводят миллионы часов в кинозалах, переживая авантюры Мэрилин Монро или Бриджит Бардо. Поразмыслив, он пришел к выводу, что разум тут ни при чем и что искать логическое объяснение на поставленный вопрос — пустая трата времени. Это из области эмоций, а не разума.

В 1967 году на экранах Соединенных Штатов, а затем и других стран Запада демонстрировался фильм «Миллион лет до нашей эры».

В нем дебютировала актриса Рэчел Уэлш. Дебютировала в бикини, выставляя напоказ свои женские прелести, которыми природа наделила ее весьма щедро. Сама по себе кинокартина не представляла собой ничего интересного, содержание ее было примитивно. Пещерный сюжет — пещерные мысли. К тому же героиня за весь фильм произнесла одно-два слова. И все же фильм явился событием. Только благодаря образу Рэчел Уэлш. Фото актрисы опубликовали сразу 2 000 иллюстрированных журналов. Ее образ заполнил эмоциональный вакуум миллионов зрителей, стал для них эталоном женской красоты. Моделью желаемой партнерши — для мужчин, моделью для подражания — для женщин. Рэчел Уэлш стала «секс-символом».

Созданный рекламой стереотип остается надолго. За прошедшие годы актриса сыграла много ролей, из куклы-манекена превратилась в талантливую исполнительницу. Рэчел Уэлш относится к своей профессии очень серьезно. Чтобы выступить во французском фильме «Чудовище» без дубляжа, выучила французский язык. Став «звездой», она позволила себе роскошь отказаться от многих завидных предложений кинопродюсеров. Главным образом от тех, где ей предлагали стереотипные роли «секс-символа». Она борется всеми силами против этого символа, ставшего ее тенью, а точнее, тенью которого стала она сама. Актриса хочет показать всем, что она такая же женщина, как и другие, она

занимается гимнастикой йогов, бегают, чтобы сохранить форму, любит сама готовить. Иногда жалеет, что не родилась в какой-нибудь заброшенной деревеньке, где ее не смогли бы найти ловцы символов. Однажды она воскликнула: я вовсе не такая, как в фильме «Миллион лет до нашей эры», я не хочу, чтобы на меня вешали этикетки!

Все напрасно. Слишком неравны силы. Что может женщина, даже всемирно известная, против воли всемогущего Голливуда, мощных издательских фирм, телевидения, рекламы. Сама Рэчел Уэлш их не волнует. Их интересует ее псевдообраз, приносящий баснословные доходы и обволакивающий сознание обывателя.

«Секс-символы», а вместе с ними десятки и сотни прочих символов «Made in USA» продолжают мощное наступление на сознание миллионов американцев, англичан, итальянцев, французов. Дело доходит до курьезов. Социологический опрос, проведенный в Канаде, показал: в результате телевизионного облучения из США канадцы знают американскую историю лучше, чем собственную. А многие дети убеждены, что они живут в Соединенных Штатах!

Не случайно в последнее время все больше думающих людей высказывают беспокойство по поводу американизации своих национальных культур. Председатель клуба «Голлизм и перспективы» Доминик Галле заявил, что Франция становится жертвой культурной колонизации со стороны Соединенных Штатов. Галле указывает на две причины этой колонизации. Во-первых, всевозрастающее внедрение американских капиталов в культуру западноевропейских стран, в их кино, газетно-журнальные тресты, издательские фирмы. Во-вторых, политика поощрения американской культурной колонизации со стороны национальных монополий, которые считают американизацию национальной культуры идеологически полезной. Галле ссылается на бывшего французского министра культуры Ж.-Ф. Лека, который заявил, что рассматривает себя послом американской культуры во Франции! Это было сказано в 1980 году, с тех пор многое в стране изменилось, новый министр культуры Жак Ланг активно выступил против американского культурного засилья. На конференции ЮНЕСКО, проходившей в Мехико летом 1982 года, он заявил, что кино и телевидение западноевропейских стран наводнены шаблонной иностранной продукцией, которая подгоняет под единый образец все национальные культуры,

что является опаснейшей формой вмешательства во внутренние дела государств—интервенцией в сознание их граждан.

И хотя Жак Ланг не назвал прямо Соединенные Штаты, это было для всех очевидно. Американцы не скрывают, что такое вмешательство составляет часть их официальной культурной политики. Один из руководителей Информационного агентства США (ЮСИА) Леонард Маркс заявил, что сейчас более ста тридцати стран имеют телевидение, и если США хотят добиться эффективности своей пропаганды, то надо сконцентрировать внимание на нем. О масштабах говорят цифры. США, по данным ЮНЕСКО, ежегодно направляют за границу через 161 фирму телепрограммы общей продолжительностью 200—250 тысяч часов.

В романе английского писателя Джорджа Орвелла «1984», написанном в конце 40-х годов и вновь ставшем модным по случаю вступления мира в 1984 год, выведена «полиция мыслей», которая с помощью скрытых телекамер могла видеть и слышать любого, кто находился в зоне их действия, в том числе в домах англичан. «Полиция мыслей» осуществляет тотальный контроль за поведением и мыслями граждан. А для воздействия на мысли людей не надо ничего изобретать, все оказалось проще—достаточно поставить в каждом доме телевизор, и граждане сами будут ловить телепродукцию Соединенных Штатов и ловиться на нее.

Еще в 1968 году Збигнев Бжезинский писал в книге «США в технотронный век», что влияние науки и технологии на человека и общество, особенно в развитых странах, становится ныне главным источником перемен, что «постиндустриальное» общество превращается в технотронное, которое формируется в культурном, психологическом, социальном и экономическом отношении под влиянием электронной технологии, особенно в области средств массовой информации. Далее Бжезинский мечтает, чтобы в таком обществе доминировала элита, стремление которой к политической власти основывалось бы на ее более высоком научном знании и умении. Эта элита, говорит он, добилась бы своих политических целей путем использования новейшей техники, позволяющей влиять на сознание людей и держать общество под строгим наблюдением и контролем.

Заняв впоследствии высокий пост в администрации президента Картера, Бжезинский немало потрудился над тем,

чтобы внедрить свои мечты в практику. Причем одних США или даже всего Запада ему стало мало, он выдвинул концепцию «нового планетарного сознания», которое «преодолеvalo бы раздробленные традиционные культуры, укоренившиеся в национальных почвах». Поскольку уровень культуры в концепции Бжезинского определяется уровнем развития электроники, постольку и вырабатывать новый эталон «планетарной культуры» предстоит тому, у кого она наиболее развита. И Бжезинский ставит точку над «i», утверждая, что в настоящее время американское общество оказывает самое большое влияние на прочие государства, подталкивает их к модификации национальных обычаев. Это, по Бжезинскому, определяется тем, что Соединенные Штаты идут впереди других в области средств массовой информации — американский потенциал составляет 65 процентов продукции всех мировых средств информации.

О содержании американских «знаний», предлагаемых миру, читатель уже знает. И далеко не все согласны подменять ими свои национальные культуры.

— Долго ли мы будем бездействовать? — спросил Жак Ланг. — Неужели наши государства, подобно решету, будут пассивно пропускать через себя всю зрелищную продукцию, которой их бомбардируют? Неужели наша участь — стать вассалами гигантской империи тех, кто заботится только о своей прибыли?

Справедливые слова. Но что может сделать министр культуры, если реальную власть в культурной жизни страны осуществляют крупные капиталистические монополии? Стоит ли удивляться, что 80 процентов кинокартин, выходящих на экраны Франции, — гангстерские боевики и развлекательные ленты, в большинстве — заокеанские.

Если даже отвлечься от американской продукции, заполонившей страны Западной Европы, сами национальные культуры этих стран несут на себе неистребимую печать заокеанского влияния. Вряд ли при этом стоит обвинять капиталистов Запада в чрезмерной любви к американской рисованной литературе или пустым детективам и вестернам. Источники такой «любви» имеют не национальный, а идеологический характер. «Массовая культура» Соединенных Штатов в технологическом отношении — наиболее мощное средство воздействия на западные культуры и психологически наиболее отточенное. Поэтому идеологическое воздействие ее на

массовое сознание наиболее эффективно. С классовой точки зрения, разумеется. Почему же правящим классам западных стран не воспользоваться ею? Они и пользуются.

Но и это еще не все. Я беседовал с французским кинорежиссером Морисом Садулем, он сказал мне:

— Дело тут не только в финансовом давлении США или в участии наших кинокомпаний в межнациональных корпорациях, но, может быть, даже в большей степени — в психологической обработке массового сознания в американском духе. Американцы приучили людей на Западе к своей продукции, к своему стилю. И национальные кадры режиссеров вынуждены, если они хотят преуспеть, подлаживаться к привычкам американизированного зрителя. Созданная таким образом «национальная» копия, пожалуй, еще более опасна, чем сам американский оригинал, ибо прикрывает то же содержание своей, отечественной формой.

Морис Садуль прав. Вышколенная в американском стиле армия аниматоров, выступающих в роли интерпретаторов действительности, превращает образы этой действительности в псевдообразы, не имеющие с ней ничего общего. А миллионы читателей и зрителей, живущие фантазиями, оторванными от их реальных потребностей, пишут аниматорам письма, звонят им по телефону, чтобы поделиться своими переживаниями, узнать, как поведет себя в дальнейшем любимый герой из полицейской серии или какой салат предпочитает к обеду их идол поп-музыки. Некто Жан-Филипп Ален, который руководил школой аниматоров в 12-м округе Парижа, сам выступает в роли аниматора радиопрограммы «Европа-1». Свое профессиональное кредо он определил четко: «Чем больше говоришь глупостей, тем больше твой успех у слушателей».

За это платят. И платят хорошо. Если он еще участвует в рекламных передачах, то его доходы удваиваются и утраиваются. Что касается крупных «звезд» этого жанра, то их доходы трудно определить. Бывает, что они зарабатывают за один уик-энд столько же, сколько квалифицированный рабочий за год. Или африканский крестьянин — за 60 лет.

Кто же те благодетели, которые так щедро оплачивают распространение «массовой культуры»? На этот вопрос ответил Надин Тусэн в работе «Экономика информации»: те, кто продает «массовую культуру». А кто платит, тот и заказывает музыку. К такому же выводу пришла группа социологов

Гренобльского университета в коллективном труде «Капитализм и индустрия культуры». Идет ли речь о производстве стиральных машин или грампластинок, пишут авторы, процедура одна и та же, продукция культуры превращается в такой же товар, как и средство от пота. А сама индустрия культуры давно превратилась в монополию нескольких крупных групп, тесно связанных с банковским капиталом. Причем интересы фирм, производящих промышленную и культурную продукцию, все больше переплетаются между собой, и не только в национальном, но и в межнациональном масштабе. Коммерческий характер культуры, заключают авторы книги, ведет к ее примитивизации и нивелированию, что вполне устраивает господствующую идеологию и отвечает ее целям.

Под предлогом удовлетворения вкусов широкой публики ей преподносится культурный примитив, который способствует примитивизации самих культурных потребностей. Своей культурной политикой монополии вкупе с властями демонстрируют не уважение к людям, а стремление превратить их в дебилов, не способных ни критически мыслить, ни тем более действовать. Все тот же идеал: тело, мускулы — на заводе, голова, мысли — в кармане у аниматора. И вполне понятно, почему культурные затейники оплачиваются по ставкам директоров промышленных предприятий: и те и другие служат одному делу. Одни стремятся максимально увеличить эксплуатацию рабочих, другие — максимально отвлечь от этого их мысли.

Аполитичному человеку можно подсунуть любую политику, скомпрометировать в его глазах любую истину, внушить любую ложь.

Пощекотать нерв...

— Вы видели фильм про белую акулу? Нет? Непременно посмотрите.

— Что, интересный сюжет?

— Примитив. Жрет людей, и все.

— Известные актеры?

— Отнюдь. И все же посмотрите. Увлекательное зрелище.

А какой успех!

Я последовал совету французского журналиста и посмотрел фильм про акулу. Он не показался мне увлекательным. Разве что великолепные подводные съемки и забавные кино-трюки. Но чтобы ради этого валить валом в кинотеатры, как это делала парижская публика? Это было выше моего понимания. Этот американский фильм имел колоссальный успех во всех западных странах. А в самих США побил рекорды коммерческих сборов: только за первые три месяца выручка была больше, чем у предыдущего «рекордсмена» — фильма «Крестный отец» (про мафию) — за три года.

Мне хотелось понять, что притягивало публику, и я взялся за чтение записок сценариста К. Готлиба, в которых он рассказывал, как создавался фильм.

Работа над ним началась летом 1973 года. За основу сценария была взята книга П. Бенчли «Челюсти». Книга эта стала бестселлером, но в тот момент она была еще мало известна. И тем не менее выбрали именно ее. Вероятно, твердо верили в успех и потому не жалели затрат. Поскольку героем книги и будущей киноленты была Акула, пришлось вести подводные съемки у рифов Австралии. На них было затрачено полмиллиона долларов. Едва не погиб каскадер К. Риццо, который снимался с акулами. Но эти акулы были лишь статистами. Акулу — героиню фильма сконструировал голливудский умелец 70-летний Б. Матти, создатель управляемого по радио крокодила, который в свое время участвовал в серии фильмов о Тарзане. Восьмиметровая акула-«кинозвезда» весила полторы тонны и управлялась штатом механиков из 15 человек.

Кстати, если с механической героиней все прошло гладко, то с живыми «звездами» получилась накладка. Хотели предложить главные мужские роли популярному Полу Ньюмэну и не менее популярному Роберту Рэдфорду, но от этого пришлось отказаться: литературные качества сценария были слабыми. Ричард Дрейфус, которого с трудом уговорили взять одну из ролей, нашел ее трафаретной и поверхностной, а по поводу сценария заявил, что за всю свою жизнь в кино хуже не встречал.

В результате еще до начала съемок фильма в него пришлось вложить около 3,5 миллиона долларов (всего он обошелся в 7 миллионов долларов). Кто-то очень хотел, чтобы фильм вышел на экраны.

И он появился. Популярность его вышла далеко за рамки

кино. Изображение акульей пасти замелькало на рубашках и шортах, акулье мясо стали подавать в фешенебельных ресторанах. Резко повысился спрос на морские бинокли, люди на пляжах высматривали страшные плавники. И хозяева пляжей начали устанавливать таблички с успокаивающей надписью: «Here no jaws!» («Здесь челюстей нет!»).

Кинокритики называли «Челюсти» семейным фильмом (фильм, который обращен ко всем), потому что он пользовался одинаковым успехом и у взрослых, и у молодежи.

Я беседовал о фильме с французами, бельгийцами, австрийцами, пожилыми, молодыми, представителями различных социальных слоев и профессий. Как правило, никто не мог объяснить, почему ему нравится этот фильм. «Нравится потому, что захватывает». А почему захватывает?

Беседовал я и с западными профессионалами, знатоками мира животных и человеческой психики.

По мнению ихтиолога, успех фильма заключен в том, что главным героем в нем выступает белая акула. Ихтиолог сказал:

— Я уверен, что, выбери они льва или пантеру, все свелось бы к банальностям. Львов, пантер и прочих хищников можно наблюдать в заповедниках, зоопарках, в цирке, наконец. Они стали для нас привычными и нестрашными. Другое дело — акула. Это, поверьте мне, самое страшное из животных. И повадки у нее необъяснимые. Она долго кружит вокруг своей жертвы, с каждым разом все более сужая круги, как будто играет в «кошки-мышки». Проплывая, задевает и царапает тело пловца своей шёршавой кожей, пока из ссадины не проступают капли крови. А затем, чуя ее запах, бросается на него, и тут уже остановить ее практически невозможно. Кстати, она жрет все. У одной акулы в желудке обнаружили дамскую туфлю, бутылку вина и кошелек с монетами. Иногда, покружив вокруг своей добычи, она вдруг уходит в глубину и бесследно исчезает. Непонятное, таинственное существо. А все таинственное притягивает. Вот вам и разгадка успеха «Челюстей».

Психиатр, которому я поведал мнение ихтиолога, был не менее категоричен:

— Чепуха. Дело не в акуле, а в самом *homo sapiens*. Психологи давно обратили внимание на одну парадоксальную тенденцию: по мере развития цивилизации психика западного человека зачастую возвращается к первобытным

инстинктам. Американский социолог Эрих Фромм определил эту тенденцию словами «страсть к разрушению». Впрочем, Зигмунд Фрейд писал об этом гораздо раньше. Он утверждал, что в инстинктах человека от рождения заложена агрессивность и что человек стремится удовлетворить потребность в агрессивности за счет ближнего путем эксплуатации его труда, присвоения его добра, сексуального насилия или даже убийства. Но сегодня не нужно читать Фромма или вспоминать Фрейда. Посмотрите, что делается вокруг. Растет преступность. Газеты ежедневно сообщают об убийствах, садизме, похищениях заложников. Люди ненавидят друг друга. Тот, кто не убивает физически, убивает мысленно. Соседа, который слишком громко разговаривает за стеной, или сослуживца, который пришел на работу в слишком ярком галстуке. Вот и ответ на ваш вопрос: зрители с удовольствием смотрят, как акула пожирает ненавистного ближнего.

Я заинтересовался, какова же связь между развитием цивилизации и «озверением» человека. Психиатр посмотрел на меня задумчиво:

— Видите ли, тут требуется научный анализ. Эрих Фромм не смог ответить на этот вопрос. Однако факт остается фактом. И акула тут ни при чем. Если бы людей глотала горилла, эффект был бы тот же.

Я напомнил своему собеседнику о том, что фильм о гигантской горилле, разрушавшей целые города, уже был. Я сам смотрел его лет семь назад. В полупустом зале. Психиатр парировал:

— А сегодня он прошел бы очень успешно¹. Обратите внимание, все киноленты последних лет, рассказывающие о катастрофах, шли с неизменным успехом. Люди с удовольствием смотрят подобные фильмы, потому что они помогают снять психическое напряжение. Если хотите, разрядит накопившуюся ненависть.

Ни ихтиолог, ни психиатр меня не убедили. Однако начали вырисовываться некоторые элементы истины.

Итак, кто-то очень хотел выпустить на экраны фильм об акуле. Не останавливаясь перед затратами, надеясь окупить их сторицей. Надежда была не беспочвенной, поскольку це-

¹ Новый фильм с огромной гориллой в качестве главного героя («Кинг Конг») вышел на экраны в конце 1976 года и принес колоссальный коммерческий успех.

лая серия предыдущих фильмов о катастрофах, гибели и разрушениях действительно имела успех. Производство фильма «Челюсти» взяла на себя фирма «Юниверсал», которая выпустила до этого нашумевшую картину «Землетрясение».

Не следовало сбрасывать со счетов и соображения ихтиолога о характере белой акулы, которая нападает исподволь, а может и не напасть вообще. Угроза плюс неизвестность.

Наконец, повторенная многократно фраза: «Нравится потому, что захватывает». Совершенно очевидно, что людей в фильме привлекало что-то такое, что они сами ясно не сознавали и не осмысливали.

Я решил посмотреть «Челюсти» еще раз, взглянуть на фильм с учетом всего сказанного. По возможности, глазами американца, француза, бельгийца.

...Теплая летняя ночь. Мерцающее в лунном свете море. Все, казалось бы, располагает к неге и покою. И вместе с тем не оставляет ощущение, что тишина обманчива, нечто вроде затишья перед бурей, что за кажущимся покоем скрывается что-то неведомое и грозное. Вот оно проносится расплывчатым пятном где-то в глубине, не нарушив тишины и покоя. И от этого чувство ожидания неведомой беды становится еще более осязаемым.

На пляже группа молодых людей. Они развлекаются, пьют вино. Красивая блондинка обменивается красноречивым взглядом с одним из парней. Потом встает, идет к морю, раздевается и бросается в воду. Парень хочет последовать за ней, но, сморенный вином, падает и засыпает на песке. А девушка плывет все дальше и дальше от берега. И вдруг испускает нечеловеческий вопль. Вода вокруг нее вспенивается, она пытается выпрыгнуть, оторваться от поверхности, избавиться от чего-то страшного, что тащит ее в глубину.

Камера уходит под воду, и зритель ждет: вот сейчас он увидит это страшное, и страх отпустит его, ибо нет ничего страшнее неизвестности. Но он видит только беззащитное тело девушки, на сей раз из-под воды. Камера сама как бы превращается в это неведомое страшное. Вместе со зрителем, не мигая, глядит на свою жертву, которая барахтается где-то там, на поверхности. Потом тело девушки быстро вырастает в размерах, страшное стремительно приближается к ней. Спасения нет, конец фатален.

И снова спокойное море. А страх еще более усиливается. Ведь причина его осталась нераскрытой.

От того, что следующую жертву, мальчика на надувном матрасе, неосмотрительно удалившегося от берега, «неведомое» терзает при солнце, страх не уменьшается. Маленький пляж на Восточном побережье США охватывает паника...

Читатель, разумеется, уже догадался, что в роли «неведомого» выступает пластиковая управляемая модель Б. Матти. Кстати, когда авторам фильма пришлось все же показать эту акулу, страх быстро пошел на убыль, и внимание зрителя удерживалось в дальнейшем с помощью фокусов кино. Но я не случайно остановился так подробно именно на первых кадрах фильма. В них вся соль. Они-то и определяют, на мой взгляд, успех «Челюстей».

Зрителя привлекает, конечно, не сама акула, а идея опасности, которая постоянно бродит вокруг и готова в любую минуту вторгнуться в мирную жизнь. В акуле эта идея лишь обрела свое воплощение. Сравнивая нынешнюю жизнь Запада с той, что была десять — двенадцать лет тому назад, видишь, что нервное напряжение, неуверенность и страх за будущее у людей резко обострились. Вероятно, они и в самом деле нуждаются в разрядке этой внутренней напряженности. Очевидно, «Челюсти» способствовали такой разрядке. Разумеется, не потому, что зрителю нравится наблюдать, как акула пожирает ближнего; скорее, облегчение ему приносит сознание, что это не он сам оказался в челюстях чудовища.

Такое облегчение, однако, крайне хрупко. Подсознательно зрителя точит мысль, что избежал он опасности только в этот конкретный момент, сидя в уютном кресле затемненного кинозала, но что сама опасность не миновала. Подобное двойственное ощущение «безопасность — ожидание опасности» притягивает его воображение. Дело, конечно, не в акулей пасти. С таким же двойственным чувством наблюдает он за терпящим аварию самолетом или ожидающим беды океанским лайнером. Ликует, что не оказался сам в числе пассажиров, но подсознательно ассоциирует себя с ними. Очень часто зритель отождествляет себя с героями кинофильма, здесь его воображение следует за жертвой.

Кинокатастрофы находят отклик в душах людей, потому что люди на Западе живут в нестабильном мире, где повседневно происходят реальные катастрофы и где плавают множество «акул», принимающих сотни всевозможных облиций.

Человек может лишиться работы и остаться без средств к существованию или, имея университетский диплом, оказаться за бортом жизни, вдруг узнать, что его сын — наркоман, а дочь убежала из дома в молодежную коммуну или религиозную секту. Каждому — своя «акула». Но даже если с ним ничего страшного и не происходит, страх все равно не покидает его. В условиях экономического кризиса и сокращения производства, инфляции и постоянного роста цен гарантий от жизненных катастроф не существует. Так постепенно, исподволь тема катастрофы, не всегда осознанной, овладевает психикой людей. Не случайно бывший президент США Дж. Форд назвал «боязнь катастроф» одной из самых распространенных болезней американцев.

Дельцы нащупали эту слабую струну в массовом сознании и начали эксплуатацию еще одной «золотой жилы». Фильмы о катастрофах стали поступать на экраны сериями. Не будь коммерческого успеха «Землетрясения», вряд ли фирма «Юниверсал» решилась бы на дорогостоящую операцию с «Челюстями».

Фильм создавали продюсеры Р. Занук и Д. Браун, а также режиссер С. Спилберг. Р. Зануком владела мечта превзойти в богатстве своего отца, известного голливудского босса Д. Занука. Д. Браун, помимо денег, помышлял еще сравняться в славе со своей женой Э. Браун, автором нашумевшего бестселлера «Секс и одинокая женщина». Молодой С. Спилберг поставил перед собой цель занять прочное место под солнцем Голливуда.

«Челюсти» стали их главной ставкой, и они работали над фильмом, интуитивно чувствуя, что акула должна выиграть, что публика «клюнет» на эту рыбину.

— Я чувствовал, — говорил С. Спилберг, — что каждый индивид обладает неким антиакульим нервом, упрятым где-то в тайниках подсознания. И я решил пощекотать этот нерв, поиграть с первозданным страхом.

Игра с «первозданным страхом» наложилась на реальный страх, терзающий сегодня человека. В свое время кинокритик газеты «Монд» Р. Барончелли охарактеризовал фильм «Землетрясение» следующим образом: в нем не следует искать ничего иного, кроме развлечения. Однако при ближайшем рассмотрении все оказывается не так просто. Один фильм о катастрофе может действительно показаться развлечением, серия подобных кинолент приобретает иной смысл.

Прежде всего, эти фильмы приучают зрителя к мысли о том, что катастрофы столь же обычны, как и сам воздух, которым он дышит. И в то же время фатальны и необъяснимы. Кто может знать, откуда у берегов тихого пляжа вдруг появилась белая акула? Или почему произошло землетрясение? Природные явления отождествляются в сознании с социальными, и последние зачисляются в ряд столь же непредвиденных случайностей, как и первые. «Кризис неизбежен», — заявил министр финансов Франции, и массовое сознание, предварительно обработанное «Землетрясением», «Челюстями» и другими подобными фильмами, оказывается подготовленным к принятию такой версии.

Фильмы о катастрофах не только приучают к страху и ожиданию неотвратимой опасности, но еще больше нагнетают страх, доводят психику зрителя до такого состояния, когда она требует немедленной разрядки, рецепта против страха. И в каждом случае ему подсказывается выход из критического положения.

...По безбрежному океану плывет лайнер «Британика», миниатюрный мирок, отражающий социальные отношения буржуазного общества. Корабль разделен на классы: каюты люкс, первого класса, второго, туристского. Пассажиры каждой категории живут своей жизнью в соответствии с суммами, уплаченными за билет. Они, правда, встречаются, вежливо здороваются, желают друг другу приятного плавания, но все это внешнее. Внутренняя жизнь у каждого «класса» своя, замкнутая, отличная от другого.

И все это продолжается до определенного момента, а именно до катастрофы, момента опасности. Происходит серия взрывов, и тут уж никаких классовых различий не существует. Люди как бы очищаются, сбрасывают с себя все «наносное». В самом деле, какое значение перед лицом катастрофы имеют аристократический снобизм или политические убеждения. И не все ли равно, как утонуть (или быть разодранным акулой): с чековой книжкой или не имея ломаного гроша за душой. Ведь на карту поставлена сама жизнь. Рассказанное относится к фильму «Ужас на «Британике», но с теми или иными нюансами такова же ситуация и в картинах «Землетрясение», «Адская башня», «Трагедия «Посейдона» и других.

Мораль? Пожалуйста: в критической ситуации (читай: экономического кризиса, инфляции) все «наносное» —

разделение общества на эксплуататоров и эксплуатируемых, «правых» и «левых» — должно быть устранено. Ведь кризис, по словам обозревателя парижского еженедельника «Экспресс» Ж. Бонно, не обходит никого: ни богатых, ни бедных, ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых. В такие моменты на первый план должны выступить «общечеловеческая любовь и доброта, честность и порядочность». «Очищенные» от классовых, политических и прочих «наслоений», люди объединены усилиями спасают «тонущий корабль».

Президент швейцарского Союза торговли и индустрии, или, как его именуют, «босс боссов», Жуно сказал: «Кризис, который затронул сегодня индустриальные страны, был неизбежен... Дефляция — это естественное исправление результатов длительного периода инфляции... Теперь, чтобы спасти нашу экономику, мы все должны доказать общую солидарность и сократить наши расходы».

Журнал американских деловых кругов «Бизнес уик» в самый разгар экономического кризиса тоже обратился к нации: «Действительно, города и штаты, мелкий бизнес и потребители — все будут иметь меньше, чем хотели бы, потому что здоровье Соединенных Штатов базируется на здоровье корпораций и банков». И тоже призвал всех проявить «национальную солидарность» и пойти на жертвы.

Кульминационным моментом всех фильмов о катастрофах является паника. Охваченные страхом люди теряют человеческий облик. Каждый думает только о себе, спасайся кто может! Но как спастись? В экстраординарных ситуациях необходимы экстраординарные меры. Пожар на корабле? Все взоры обращаются к капитану. Что-то случилось с самолетом? Все надежды — на пилота. Паника на суше? Глаза невольно ищут военного или полицейского, которым по долгу службы паника неведома. Кстати, в «Челюстях» убивает акулу и освобождает городок от страха начальник полиции бравый мистер Броди.

Правда, когда вспоминаешь о миллионах долларов, заработанных дельцами на «Челюстях», мораль коллективизма и бескорыстия начинает отдавать некоторым душком. Но главная мысль не в ней, а в том, что в случае катастрофы следует опереться на сильную личность и твердую руку. Разумеется, не только в кино, но и в жизни. Паника на бирже? Взоры обращаются к капитанам финансового мира, профессионалам и знатокам своего дела. Кризис? Безработица? Положи-

тес на экономистов и политиков, а при случае и на более сильную власть. Что же касается народных масс, то их удел — паниковать и ждать спасения от сильных мира сего.

Французский социолог Ж. Эллюль пишет в книге «Пропаганда»:

«Пропаганда призвана устранить у человека напряженность, выступающую следствием чрезмерного иррационального страха... Она дает ему объяснение мира, в котором он живет, разумеется, объяснение ложное, далекое от истины, но вместе с тем ясное, очевидное и удовлетворительное. Она снабжает его рецептами поведения в самых непредвиденных обстоятельствах... Здесь нет речи о том, чтобы «успокоить» человека путем разъяснения реального положения вещей; это может еще больше обеспокоить его. Речь идет о том, чтобы, напротив, «взвинтить» его, а затем вручить ему оружие против опасности. И человек, всеми силами стремящийся избавиться от психической напряженности, которая держит его в тисках, чувствует немедленное облегчение, следуя советам пропаганды...»

В концентрированном виде эти рассуждения можно выразить словами: «манипуляция сознанием». В самом деле, человека трезвомыслящего, пребывающего в спокойном состоянии, можно убедить в чем-либо, лишь воздействуя на него разумной и логичной аргументацией. Манипулировать его сознанием не так-то просто. Другое дело, когда он обеспокоен и одержим страхом. Скажем, боится в условиях кризиса потерять работу. Его, конечно, можно «успокоить», разъяснив ему социальную природу кризисов. Но в таком случае ему следует объяснить и природу капиталистической системы, с неизбежностью порождающей кризисы, а это, если следовать мысли Ж. Эллюля, его еще больше «обеспокоит». Специалистов по буржуазной пропаганде больше устраивает другой вариант: дать человеку ложное объяснение ситуации. И вместе с тем ясное и образное. Ну, например, такое: кризисы так же неизбежны, как и землетрясения. А если при этом кризис выступает в облике зубастой акулы, то налицо и образность. Теперь остается только «взвинтить» его психику, а еще лучше — довести ее до состояния паники, и он готов принять любой рецепт пропаганды.

Не знаю, читали ли создатели упомянутых фильмов книгу Ж. Эллюля. Вряд ли. Вернее будет сказать, что сами теоретики пропаганды строят свои концепции, основываясь на фак-

тах, обнаруженных ими в реальной жизни, в том числе и в области кино. Что касается продюсеров и режиссеров, то, работая над своими фильмами, они, скорее всего, не помышляют о пропагандистском эффекте. Назвать «Челюсти» преднамеренной пропагандистской акцией было бы неверно. Не являясь в собственном смысле слова таковой, она и не воспринимается зрителем как пропаганда. Но именно поэтому ее пропагандистское воздействие оказывается еще более эффективным.

Это происходит потому, что, создавая свои произведения, художник вольно или невольно отражает в них тот образ жизни, в котором он интегрирован.

Исследуя в свое время механизм отношений между классом мелкой буржуазии и мелкобуржуазными демократами, выразителями интересов этого класса, К. Маркс писал: «...Не следует думать, что все представители демократии — лавочники или поклонники лавочников. По своему образованию и индивидуальному положению они могут быть далеки от них, как небо от земли. Представителями мелкого буржуа делает их то обстоятельство, что их мысль не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа, и потому теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводит практически его материальный интерес и его общественное положение. Таково и вообще отношение между *политическими и литературными представителями* класса и тем классом, который они представляют»¹.

Разумеется, политические представители монополий регулируют производство и распределение идей своего общества вполне сознательно и целеустремленно. И поддерживают, не жалея финансовых затрат, прежде всего те идеи и то творчество, которые служат интересам монополий.

То же самое можно сказать о многих голливудских фильмах. Создатели одного из них — писатель У. Блэтти и режиссер У. Фридкин решили «пощекотать» иррациональные импульсы подсознания зрителя. Сюжет они обнаружили в работе З. Фрейда «Демонический невроз XVII века». Так был создан фильм об изгнании дьявола, вселившегося в девочку. Поскольку в средние века процедура изгнания нечистой силы называлась «экзорцизмом», то и фильм был назван «Экзор-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 148.

цист». Этот фильм из серии «поп-мистицизма» получил юлоссальную рекламу.

Конечно, кинематограф Запада, в том числе Голливуд, выпускает и другие ленты. Наряду с «Челюстями» и «Экзорцистом» на экранах США шел, например, фильм Дж. Лукаса «Американские зарисовки», в котором подняты серьезные социальные проблемы. Сам Дж. Лукас говорил о нем как о фильме, «показывающем культурные сдвиги на рубеже 50-х и 60-х годов, когда мы покинули область апатии и невовлеченности ради области радикального действия. Фильм говорит о том, что ты должен идти вперед. Это была эра Мартина Лютера Кинга». По признанию кинокритиков, художественные качества ленты были на высоте. Фильм «Американские зарисовки» был выдвинут на соискание премии. Но получил «Оскара», и не одного, а сразу семь, фильм «Афера», в котором не было намека на социальные проблемы, зато он был заботливо выпестован рекламой.

В этой связи представляют интерес слова американского критика П. Казель: «Могу утверждать, что если фильму не создана соответствующая реклама, то независимо от своих качеств он не будет иметь большого успеха. Если же при помощи средств массовой информации вокруг фильма поднята шумиха, то неважно, хорош он или плох. Теперь в кино идут не за тем, чтобы посмотреть хорошую картину или экранизацию художественного произведения. Идут, чтобы увидеть то, «о чем все говорят». Создается такое впечатление, что зрителю даже хочется почувствовать себя оглушенным и морально раздавленным. За редким исключением, мнение зрителя никак не связано с успехом или неуспехом того или иного фильма. Если реклама «не подала» фильм должным образом, то он, как правило, обречен на провал. Получается, что зрительское отношение складывается не под влиянием собственных впечатлений от произведения или мнения кинокритиков, а формируется под воздействием рекламы». П. Казель заключает: «Реклама — это форма психологической войны в массовой культуре, как и в политике».

Стоит ли после этого удивляться, что компания «Парамаунт» потратила колоссальные средства на рекламу фильма Ф. Копполы «Крестный отец». А о выходе другого фильма Копполы — «Разговор», в котором речь шла о нарушении прав человека в США, не было дано и двух строк информации.

...Бравый полицейский Броди стреляет в баллон с сжатым воздухом, застрявший в зубах прожорливого чудовища. Взрыв. Вдох облегчения. Конец. Акула больше не будет терроризировать пляжи. Но на зрителя, еще не успевшего отдышаться от акулы, уже лезут фантастические жуки, выплевывающие струи огня. На экраны вышла кинокартина режиссера Ж. Цварка «Огненные насекомые».

— Вы видели этот фильм про насекомых? Нет? Обязательно посмотрите, увлекательнейшее зрелище...

А вслед за этим последовали многие другие в том же духе. Спилберг давно стал одним из самых знаменитых режиссеров Голливуда. В 1983 году на экраны вышла третья серия «Челюстей», на этот раз в стереоварианте. Теперь у зрителей, сидящих в зале, такое ощущение, что акула жрет их самих. А в киноленте «Людоед» чудовище пожирает самого себя. В фильме «Черная пятница», тоже в стереоисполнении, отрубленная голова «скатывается» прямо в зал. Зритель трясется от ужаса, глядя на пришельцев-инопланетян из «Звездных войн». Следует отдать должное режиссерам, умеющим создавать кинотрюки. Но и только. Они пугают и развлекают.

Впрочем, они этого и не скрывают. Так, Джордж Лукас назвал свое новое детище — «Звездные войны» — «закуской под жареную кукурузу». Жареную кукурузу и кока-колу продают в кинотеатрах во время сеансов. Фильм получил кучу «Оскаров». Это был реванш режиссера за «Американские зарисовки». Эволюция печальная, но закономерная.

Для того чтобы увидеть эти и им подобные фильмы, сейчас не обязательно ходить в кинотеатры, их можно посмотреть в видеотеках. Запад переживает видеобум. Основные поставщики видеокассет — те же американские кино- и телекомпании Си-би-эс, Эй-би-си, «Парамаунт», «Метро-Голдвин-Майер», «Уолт Дисней продакшн» и прочие гиганты индустрии развлечений. Хотите «Челюсти»? Извольте. «Кинг Конг»? Чего проще. Порнографию? Не проблема. Видеотеки, в отличие от кинозалов, не ограничивают возраста своих клиентов. Можно заказать видеокассеты на дом, а смотреть можно и вдвоем, и целой компанией. И не только в Соединенных Штатах, но и в других западных странах, куда видеопродукция со штампом «Made in USA» идет все более широким потоком. В 1983 году экспорт видеокассет составил 30 процентов от экспорта прочей «развлекательной» американской продукции. И попадают эти новые семена на благо-

датную почву. По данным журнала «Штерн», особенно падкими на видеоразвлечения с порнографией и ужасами оказались дети в возрасте от 10 до 16 лет. Эстетические вкусы вырабатываются с детства. И те, кто прививает их молодежи, знают, что делают. «Насилие и секс,— заявил на страницах газеты «Вестфалише рундшау» западногерманский журналист В. Пауль,— вот великие путеводные звезды, которые сопровождают нашу жизнь».

В последних фильмах и видеокассетах одним из главных героев стала электроника, различные роботы и механизмы. Посмотрев одну из таких картин, опять-таки о звездных войнах, калифорниец Джулиус Нилли заявил: «Нас пытаются приучить к тому, что третья мировая война окажется подобной посещению кинотеатра со стереоскопическим изображением и объемным звуком».

По свидетельству американской печати, Рональд Рейган одобрительно относится к повальному увлечению американских молодых людей электронными играми, которые, по его словам, развивают координацию движений и быстроту реакции, столь необходимые пилотам ВВС.

Когда-то Рейган сам сыграл немало ролей в голливудских фильмах. Сегодня он выступает в другой роли, однако вкуса к голливудской продукции не утратил. Он любит смотреть фильмы, особенно о секретном агенте Джеймсе Бонде.

Бесстрашный, остроумный, оптимистичный Джеймс Бонд—это современная модификация тех великих героев, которые время от времени появлялись в истории, героев, рисковавших своей жизнью ради божьего дела,— так рекомендовал американский президент своего любимца в рекламном ролике, предпосланном одному из фильмов о Джеймсе Бонде. Рональд Рейган мечтает о том, чтобы все американские юноши брали пример с Джеймса Бонда.

В Информационном агентстве США (ЮСИА) давно существует специальный отдел, занятый отбором фильмов на экспорт. Руководитель этого отдела Дж. Менденхолл так определил его цель: «Мы пытаемся определить, создан ли тот или иной фильм в просветительских целях или же в целях коммерческих. А еще мы считаем, что если фильм пропагандистский, то лицензии на экспорт он не получит». Тут нужно сделать одно уточнение: в Соединенных Штатах, впрочем, как и в других капиталистических странах, власти не любят слова «пропаганда». Они утверждают, что пропаганда—это ложь,

призванная очертить западную политику и образ жизни. Свою же пропаганду они именуют «объективной информацией».

Так вот, отдел мистера Менденхолла и должен отделить «пропаганду» от «информации» в американских фильмах, идущих на экспорт. Техника тут несложна. Как и любой другой товар, идущий за рубеж, фильм подлежит обложению таможенными пошлинами. Пошлины эти так велики, что независимым от Голливуда создателям фильмов они просто не по карману. Но именно отдел Джона Менденхолла выдает так называемый «экспортный сертификат», освобождающий фильм от пошлин. И не выдает его тем фильмам, которые он считает «пропагандистскими». Вот тебе и никакой цензуры! Таким образом отдел ЮСИА только за четыре года (1979—1982) забраковал более ста фильмов. Что же это за ленты, которые были зачислены в разряд «пропагандистских»? Одна из них, «Кларенс и Энджел» — печальный рассказ об обитателях гарлемского гетто в Нью-Йорке; другая — «Интервью с ветеранами Май Лай» — о преступлениях американской военной во Вьетнаме, еще одна — «Земля, сеющая смерть» — о преступном загрязнении природы химическими концернами США.

Стоит ли после сказанного удивляться тому, что экраны западных стран заполнены пошлыми американскими киноподелками?

Что дальше?

Жизнь продолжается...

И тут я снова хочу вернуться к проблеме вкусов читателя, зрителя, слушателя. В одну из апрельских пятниц 1978 года первая программа французского телевидения вынуждена была отменить по техническим причинам популярную передачу «Театр в этот вечер» и заменить ее концертом — исполнялась Девятая симфония Бетховена. Студия ждала упреков от телезрителей, привыкших к своему еженедельному театральному спектаклю, однако их не последовало. Напротив, публика одобрила замену. Она с энтузиазмом приняла затем Пятую и Седьмую симфонии Бетховена, «Травиату» и «Севильского цирюльника». Это привело в замешательство социологов, которые были убеждены в том, что «массовая культура» давно убила в людях хороший вкус.

Начали изучать явление и обнаружили любопытные вещи. Обратили внимание на тревожные процессы, происходящие с массовой буржуазной прессой, которая делает свой бизнес на адюльтерных историях, смаковании убийств и насилий, светской хронике. Крупнейшая из таких газет — парижская «Франс суар» за последние годы потеряла более половины читателей, ее тираж упал с 1 миллиона 200 тысяч до чуть более 500 тысяч экземпляров. Этого, правда, еще недостаточно, чтобы газета прогорела, но вполне достаточно, чтобы она начала испытывать серьезные затруднения. То же самое относится и к другим колоссам западной прессы. Конкуренция со стороны телевидения? Этот вопрос возник сразу, но

оказалось, что нет, телевидение само испытывает определенную депрессию, пока еще не столь значительную, как пресса, но тем не менее весьма показательную. В 1978 году выручка от продажи телевизоров во Франции упала на 120 миллионов франков, а время, которое французы просиживали у телевизора, сократилось на 4 процента. Еще большее удивление вызвали результаты изучения популярности телевизионных программ. В 1980 году социологи провели ряд сравнительных анализов передач, имевших успех у зрителей. Так, в один день по трем каналам французского телевидения были показаны одновременно художественный фильм, футбольный матч и научная программа. Результат опроверг ожидания: фильм предпочли 6 процентов телезрителей, футбол — 46 и научную передачу — 48 процентов.

Институт общественного мнения опросил две тысячи французов, представляющих самые различные социальные группы и профессии, с целью выяснить, что читают во Франции. Подобные опросы, проведенные в начале 70-х годов, показали, что число читателей постоянно уменьшалось, и читали они в основной массе бульварную литературу. Опрос в начале 80-х годов дал, по словам работников института, «потрясающие результаты»: за последние годы число читающих французов выросло на 15 процентов. Впрочем, рост интереса к книге замечен и без специальных исследований. По самым оптимистичным прогнозам специалистов, ожидалось, что библиотека парижского Культурного центра будет принимать до 4 тысяч читателей в день. На самом деле ежедневная посещаемость ее составляет от 8 до 15 тысяч человек — в основном молодежь. Рост интереса к книге выходит далеко за пределы Парижа, многие провинциальные коммуны требуют открыть местные библиотечные залы. Такие же требования раздаются и на крупных промышленных предприятиях, рабочие хотят читать.

На вопрос: «Читали ли Вы за последние три месяца хоть одну книгу?» — 57 процентов ответили положительно, 43 — отрицательно. В 1960 году этот же вопрос дал соответственно 42 и 58 процентов. Рост числа читателей происходит, согласно анализу, прежде всего за счет тех людей из средних слоев, которые раньше мало читали, то есть тех, кто, по традиционному убеждению, больше всего подвержен пагубному воздействию «массовой культуры». Это и вызвало удивление авторов анкеты.

Но еще более потрясающими, в том числе и для меня, оказались результаты качественного анализа читаемой литературы. По жанрам первое место прочно занял серьезный роман, второе — историческая и мемуарная литература. И только третье — полицейские и шпионские серии. А рисованная литература оказалась на седьмом месте. Правда, здесь оценивались вкусы всех возрастных групп, молодежные группы, вероятно, дали бы другие процентные пропорции. Что касается авторов, то 69 процентов опрошенных отдали предпочтение Бальзаку против 47 процентов, предпочитающих Сан-Антонио, 45 процентов — Госини (автору произведений рисованной литературы) и 24 процента — Жерару де Виллье (эротико-шпионская литература). Названные цифры в сумме превышают 100 процентов, так как опрашиваемые часто давали по два ответа сразу. Это, однако, не меняет общих тенденций, опровергающих заявление Фредерика Дара насчет века мультипликационных героев и литературы вокзальных киосков.

Подытоживая эти тенденции, социолог Морис Маскино писал: «Значит, телевидение, радио, пресса могут быть уже сегодня поставлены на службу интеллекту и таланту. Да, это возможно, публика к этому готова. Но этого не хотят ни наши власти, которые боятся сознательных граждан, ни хозяева экономики и банков, которые стремятся сохранить социальный и политический статус-кво, обеспечивающий им колоссальные прибыли».

Буржуазная культура вовсе не идет навстречу вкусу широких масс, как это часто пытаются представить, а стремится привить им вкусы, отвечающие интересам монополий. И речь сегодня может идти не о том, способны массы воспринять высокую культуру или нет, а о том, способна ли идеология господствующего класса отвратить их от стихийной тяги к такой культуре. Ответ на поставленный вопрос должен определить отношение и к другой социально-политической проблеме: способны монополии устранить классовую борьбу и интегрировать трудящихся в систему капитализма или нет? Оба эти вопроса связаны самым непосредственным образом, и ответ на них может быть вполне однозначным: не могут, не способны. Иначе следовало бы признать, что можно убить разум вообще. Но разум, как отмечал М. Горький, — начало активное, имеющее тенденцию к бесконечному росту.

Само развитие современного производства, все более совершенная техника требуют от трудящихся знаний, ума и смекалки. Но ум невозможно втиснуть только в рамки технологических манипуляций, мыслящий человек неизбежно задумывается не только над процессами производства, но и над своим реальным положением в этом производстве. Начав думать, он неизбежно начинает искать выход.

Поиски эти бывают часто непоследовательными, сумбурными, так уж устроен человек, что доходит он до всего на собственном опыте. Чужой пример, уроки истории играют свою роль, но все это преломляется через его собственную жизнь.

Приведу в этой связи выдержки из одного очень интересного опроса, осуществленного Институтом общественного мнения Франции. Ответы на 76 вопросов, предложенных рабочим, крестьянам, ремесленникам, служащим, студентам, средним и высшим административным кадрам, дали картину широкой шкалы ценностей, которой придерживаются французы. С теми или иными нюансами эта шкала ценностей принимается населением и других стран Запада.

«Что означает для Вас понятие настоящей жизни?» Таков основной вопрос анкеты, вокруг которого вращались все остальные. Ответы были самые различные: жизнь в деревне на лоне природы, обладание собственностью и деньгами, путешествия, творческий труд и другие. Но общим фоном для подавляющего большинства ответов было чувство неудовлетворенности настоящим.

«Главное — вырваться из порочного круга: метро — работа — постель — метро — работа — пенсия — кладбище. Успеть совершить что-то стоящее, найти свой жизненный интерес. Это очень трудно сделать из-за нехватки времени и денег, но я чувствую, что это возможно» (Жан-Клод Б.). Анна П. полагает, что она прорвала этот порочный круг, создав себе свою модель: работа — путешествие — работа — путешествие. Работа дает деньги, на деньги можно путешествовать. Путешествие для нее — это возможность уйти от скучной действительности, встретиться с новым, отвлечься от рутины в экзотических впечатлениях: «Мне 22 года, и, конечно же, я понимаю, что со временем мне придется отказаться от такой жизни: «работа — путешествие», и я над этим нередко задумываюсь. Но не сожалею о сделанном выборе, так как вижу, что добиться прочного положения в этой жизни

почти невозможно. Мои товарищи, которые продолжали после окончания школы учебу в высших учебных заведениях, даже очень способные, сейчас почти все мыкаются без работы или тянут лямку, не дающую ни материального, ни морального удовлетворения. Уже не говоря о том, что они превратились в специализированных роботов, духовные горизонты которых ограничены зарплатой. Сейчас стало такой редкостью встретить кого-нибудь, кто любит свою работу! Большинство не живет, а существует. Я и решила, что лучше существовать, бродяжничая и меняя работу, чем сидя прикованной к месту». 19-летний столяр пишет: «Моя мечта — путешествие вокруг света. Но такое длинное и долгое, чтобы я смог начисто забыть эту Францию!»

Некоторые мечтают скопить за год работы денег и в течение нескольких отпускных дней пожить «настоящей жизнью» — на берегу моря, в шикарном отеле — как рекомендуют туристические рекламные проспекты. А потом, долгими зимними вечерами, устав от монотонной дневной работы, просматривать — в который раз — фото, сделанные летом, и мечтать о будущих днях «настоящей жизни». Молодая учительница Колетт Б. замечает, что подобные мечты о «настоящей жизни» полностью вписываются в рамки общества потребления, основанного на законах купли-продажи. «Туризм стал таким же рыночным товаром, как и любой другой. Он также зависит от игры спроса и предложения. Рабочий или мелкий служащий, которые в течение года пребывают в полной зависимости от хозяев, став туристами, хотят быть, пусть всего на несколько дней, клиентами-королями. Случается, что такой трудящийся — клиент-король в течение одного вечера тратит на сервис всю свою зарплату, зато в этот вечер он как бы берет реванш у жизни, занимая место хозяина и символически изменяя тем самым установившийся социальный порядок. А крупные туристические фирмы через своих штатных затейников закрепляют у него эту иллюзию». Самой Колетт удалось путешествовать, не прибегая к помощи организованного туризма, она два года работала в Африке преподавательницей лица и сохраняет по той поре чувство ностальгии. Впрочем, и там свобода от уз меркантильной действительности была относительной. «Работая по программе кооперации, я все время чувствовала, что содействую формированию новой африканской элиты — мелких буржуа, паразитирующих на труде собственных

братьев-крестьян. А поскольку я не желаю нести ответственность за «культурный неокOLONиализм», который стыдливо прикрывается вывеской помощи и кооперации, у меня не было другого выбора, как отказаться от продолжения работы в Африке. Хотя мне очень хотелось бы вновь вернуться туда».

Я остановился столь подробно на проблеме путешествий, поскольку в шкале жизненных ценностей молодого поколения Франции она занимает одно из первых мест, если не первое. Согласно результатам опроса, каждый второй молодой француз видит смысл жизни именно в путешествиях, то есть в возможности ухода от привычной рутины. Есть и такие, кто обнаруживает смысл настоящей жизни в творческой реализации своих способностей. Их не столь много, всего 8 процентов опрошенных. Но вот что характерно: в большинстве ответов этой категории звучит нота протеста. Жаклин А. пишет: «Настоящей жизнью я считаю моменты интенсивной деятельности, когда ты создаешь что-то полезное. Но такие моменты, увы, крайне редки. В основном жизнь течет машинально, в привычном русле давно установившихся норм, в атмосфере тупого труда и никчемного досуга. Смутно я ощущаю, что обладаю потенциальными возможностями для своего выражения. Для своего выражения — в этом ключ всей проблемы! Ибо для раскрытия настоящих потенций одних возможностей мало, необходимо, чтобы они смогли проявиться в действительности, в конкретном деле».

Смутное ощущение, что они делают в жизни не то, что могли бы делать, высказали 38 процентов всех опрошенных, причем для возрастной категории от 18 до 35 лет эта цифра поднимается до 50 процентов. По существу, каждый второй молодой человек не удовлетворен тем, чем он занимается, и считает, что мог бы сделать больше и жить иначе. «Я знаю, что не реализую в труде своих настоящих возможностей,— пишет Жозе С., 27-летний торговый служащий,— прежде всего потому, что мой труд меня мало интересует. Я не увлечен от своих обязанностей, за это мне платят, но и энтузиазма никакого не испытываю. И хотя труд меня изнуряет, уверен, что работаю чуть больше, чем вполсилы».

«Я живу только тогда, когда не работаю,— говорит Жаклин Ф.— И чувствую, что, зарабатывая на жизнь, я убиваю ее. От этого я постоянно страдаю — и морально, и физически. С годами я все больше ощущаю абсурдность того, чем зани-

маюсь большую часть времени. Может быть, я не нашла своего пути к жизни, согласна, но многие ли его находят?» С Жаклин солидарны 53 процента молодых людей, ответивших на вопросы анкеты. Все они совершенно ясно выразили неудовлетворенность своим трудом и признали, что ощущают жизнь более полнокровной только вне работы.

Хотя следует сразу оговориться, что когда люди теряют работу и получают возможность ничего не делать, то, даже будучи в течение какого-то периода материально обеспечены пособием по безработице, они испытывают пустоту жизни и уже через короткое время готовы согласиться на любой, даже скучный и изнурительный труд. Но, начав работать, они вскоре снова испытывают неудовлетворенность своим трудом. И в этом порочном кругу вращаются не только рабочие или мелкие служащие, но и те, кто занимает весьма высокое положение в производственной иерархии.

53-летний Шарль Д., главный бухгалтер, говорит о том, что труд для большинства не имеет осознанного смысла: «Вся трудовая деятельность направлена к одной цели — деньгам. На всех заседаниях администрации, где решается вопрос о будущем предприятия, я слышу всегда одно и то же: деньги и снова деньги. Это потому, что сам труд носит на себе отпечаток отсутствия настоящих целей. Короче, работа не помогает жить, а пожирает жизнь». Чувство неосуществленности и неосуществимости своих потенциальных способностей оказалось не чуждым даже представителям высших кадров администрации. 40 процентов из них заявили, что в других условиях их способности могли бы развернуться полнее.

А вот высказывание одного из тех, кто находит удовлетворение в своем труде: «Я лично отвергаю труд без глубокого творческого содержания. Такой, например, как создание коммерческой рекламы. Мне повезло, я работаю чеканщиком. Этот труд удовлетворяет меня потому, что в нем есть возможность творчества. К сожалению, чеканка и другие ремесла становятся все более редкими, они исчезают, не выдерживая конкуренции крупной промышленности. А жаль». Но такая удовлетворенность своим трудом — лишь исключение, подтверждающее правило, она очень смахивает на ностальгию об ушедшем «золотом веке». Производительный труд в условиях современного капитализма не оставляет особых надежд на возможность осуществления творческих

замыслов. Тот факт, что 78 процентов всех опрошенных, в том числе 83 процента рабочих, считают технический прогресс угрозой человечеству, — лучшее тому подтверждение.

«Я еще молода, и жизнь не кончена. Надеюсь, что мне удастся осуществить кое-что. Особенно мечту написать книгу. Нет, я вовсе не ищущу славы и не стремлюсь стать известной. Я чувствую внутреннюю потребность реализовать себя в писательском творчестве. И в то же время я боюсь. Боюсь создать что-то посредственное и тем самым убить свою мечту, это было бы для меня катастрофой. Не знаю, может быть, я все-таки решусь *взяться за перо*» (Клэр Д., служащая детского сада, 23 года).

«Время от времени мне хочется написать книгу. Только вот о чем? И немного страшновато, хотя нынешний читатель не очень-то разборчив» (Жан-Пьер Д., преподаватель литературы, 42 года).

«Я сочиняю тексты песен. Для себя самой. Достаточно уйти из дома в сад, поле, лес, блуждать под солнцем, дождем с блокнотом в руках, и слова выливаются сами собой. В такие моменты я забываю все и живу настоящей жизнью» (Дениз де М., 50 лет).

«Я много раз читал и перечитывал Бальзака, Мопассана, Флобера, Ленотра, Андре Кастело и других. Заразившись от них, сам написал роман, где описываю события первой половины века. То, что я видел и пережил: две войны, социальные завоевания, жизнь семьи, осуществленные и неосуществленные мечты. Совершенно объективно, без всякой политической тенденциозности. Я написал этот роман для своего 15-летнего внука, которому хотел многое сказать. Мне трудно судить о качестве романа, но я ручаюсь за его правдивость. Друзья советуют показать написанное какому-нибудь издателю» (Франк Реан, ювелир и часовщик, 79 лет).

От 20 до 80 лет люди мечтают создать что-то и живут, согретые этой мечтой. Осуществить ее удастся считанным единицам; как ныне создаются и печатаются на Западе литературные произведения, мы уже видели. Зато эта мечта служит надежным предохранительным клапаном для выхода чувства неудовлетворенности жизнью. Для многих таким же клапаном является мечта об артистическом творчестве.

«Я с удовольствием провела бы свою жизнь на подмост-

ках сцены. Не ради света прожекторов, шикарных туалетов и аплодисментов, но ради атмосферы постоянного творческого труда, цель которого — самосовершенствование. Может быть, мне удалось бы добиться этой цели, а может быть, я потерпела бы фиаско, не знаю. Во всяком случае, эта мечта уже давно пылится на полке несбывшихся иллюзий, и я провожу остаток жизни в сожалениях по поводу того, что она не сбылась». У Жанны Д., чье письмо я цитирую, уже трое внуков, а сколько молодых людей живет этой мечтой и надеется, что она сбудется!

Для многих самостоятельную жизненную ценность приобрела иллюзия потребительства. Две трети опрошенных заявили, что сам акт покупки доставляет им удовольствие. Социологи констатируют, что супермаркеты — огромные универсальные магазины все больше становятся местами, где «празднуется потребление». Причем для очень многих настоящей радостью становится не сам праздник, пасха или рождество, к примеру, а предпраздничные закупки, когда магазины заполняются толпами людей, где каждый, не замечая остальных, устремлен только к своим покупкам. Со стороны это особенно заметно. «Чем больше поддаешься потребительству, — пишет Доминик В., 27-летний воспитатель из Руана, — тем больше накапливаешь вещей в своей комнате и в своей голове. Электроприборы и стиральную машину потребляешь как культуру. И чем больше накапливаешь, тем дальше отдаляешься от реальных потребностей, от настоящей жизни».

Сам Доминик В. — за культурный досуг: за оперу, за хороший фильм, серьезную книгу. Все это, конечно, прекрасно, но, как подсчитали статистики, подобная культурная программа очень дорога на Западе, и, чтобы осуществить ее даже в весьма скромных масштабах, необходимо зарабатывать ежемесячно от 5 до 6 тысяч франков, а людей с таким доходом во Франции не больше 40 процентов. 59 процентов опрошенных сказали, что очень и очень задумываются, прежде чем сходить в кино, купить книгу или позволить себе другую «роскошь». 67 процентов молодых людей высказались в том духе, что культура без серьезных финансовых затрат им недоступна. Совершенно очевидно, что дело здесь не в прирожденных дурных вкусах: гораздо проще купить красочный альбом рисованной литературы, чем скромную серьезную книгу, посетить супермаркет, чем сходить в би-

блиотеку, которой во многих местах просто нет, посмотреть по телевизору пустой детектив, чем сходить в театр.

Таким образом, отсутствие интереса в сфере трудовой деятельности, невозможность зачастую оплатить культурный досуг заставляют трудящихся обращаться к эрзац-культуре, компенсировать свою творческую неудовлетворенность материальным потребительством. Однако компенсация эта глубоко искусственная и принести истинного удовлетворения не может. Диалектика производства и потребления такова, что нетворческий характер труда неизбежно порождает и лишенный творческого содержания досуг. Изучая проблемы рабочего и нерабочего времени, социолог Жан Русле сделал следующее заключение: «Основная потребность человека состоит в том, что он должен найти себя в своем деле... Если он не может удовлетворить эту потребность в труде, то не сможет найти себя и в отдыхе. В этом случае досуг для него будет средством восстановления затраченной физической и нервной энергии, но никак не творчеством».

Об этом же говорят и некоторые из участников приведенного выше опроса. «Досуг не может быть конструктивным, если работа разрушительна. Что бы там ни доказывали, компенсации тупому труду не существует» (Ж. П. Флино, преподаватель, 33 года). «Самое страшное—это сладкое телевизионное урчание, которое медленно отравляет сознание ядом, усыпляет его и душит волю к творчеству. Если все понимают, что труд может оглупить, то далеко не многие осознают, что к тому же самому может привести и досуг» (М. Ж. А., 35 лет).

...Мишлин Жакар за тридцать, она закончила университет и получила диплом филолога. Некоторое время преподавала классическую литературу в лицее, потом попала, как и многие другие, под сокращение и оказалась на улице. Мишлин время от времени откидывала назад прядь волос и пристально смотрела мне прямо в глаза, как бы силясь увидеть, понимаю я ее или нет.

— Самое страшное в безработице—это не потеря работы, а потеря надежды. Теперь я на своей собственной шкуре осознала, что человек, утративший надежду, перестает быть человеком, в нем исчезает главное, то, ради чего он родился и жил. Утратила ли надежду я? Пожалуй, да, впереди пустота. Иногда я подсознательно надеюсь на чудо, хотя разумом понимаю, что чудеса нынче редкость. Я убеждена, что роди-

лась филологом, это моя страсть, и здесь я могу принести пользу людям, сознание этого — уже само по себе счастье. Во сне мне иногда видится, что я работаю в библиотеке или в архиве, преподаю или составляю документацию. Пробуждение катастрофично, в эти моменты будущее выглядит особенно мрачным, а ты себе кажешься особенно никчемной, никому не нужной. Общество, которому хочешь служить, в тебе не нуждается. Недавно мне предложили место в химической лаборатории.

— «Вы ищете работу? Вам повезло, извольте мыть пробирки». Я отказалась, ведь я не об этом мечтала. Кое-кто из старших говорит, что я просто лентяйка и не хочу работать. Потому что пока получаю пособие по безработице. И знаете, даже обзывают меня белоручкой, которая гнушается черной работы. Вот они в свое время... И тому подобное. А ведь время идет, и мы — не они, мы стали другими, то, что их устраивало, нам не годится. И дело совсем не в том, что пробирки мыть унижительно, в свое время я мыла в ресторанах посуду, чтобы заработать деньги на учебу, черной работы я не боюсь. Но тогда это было оправданно, я мыла посуду, чтобы закончить учебу и заняться любимым делом.

А сейчас мне предлагают мыть пробирки для того, чтобы только заработать на жизнь. И, наверное, в конце концов придется согласиться, пособие не вечно. К тому же это как раз и унижительно — получать, не работая. Знаете, Феликс Леклер поет в одной из своих песен: «Лучший способ убить человека — это платить ему за то, что он ничего не делает». Раньше таких песен не пели. Я от интеллигентности не откажусь, это мое завоевание. Я знаю и других, которые гордятся этим. Мне рассказывали, что на заводе женщины-работницы требуют от администрации предоставить им работу, как и мужчине, в соответствии с их квалификацией. А ведь еще недавно они требовали за равный с мужчинами труд только равной оплаты.

Мишлин снова посмотрела на меня пристально.

— Понимаете ли вы, что это проявление нового сознания, которому тесно в рамках системы? И что крах моих надежд — это в то же время и крах ценностей всего нашего общества. А значит — и возрождение надежды.

Мысли Мишлин становятся сегодня достоянием все большей части молодежи.

Количественный рост безработицы приводит к серьезным

качественным сдвигам в сознании молодых людей. Половина опрошенных безработных в возрасте 21 года заявили, что смотрят на будущее с пессимизмом, даже если и удастся найти какую-либо работу. Именно потому, что какую-либо, а не ту, какую хочется. 25 процентов тех же участников опроса ответили, что чувствуют себя покинутыми и преданными обществом, 10 — эксплуатируемыми этим обществом. 40 процентов считают, что ничего к лучшему не изменится без коренного изменения общественных отношений.

Молодежи становится все более очевидно, что мешают ей жить не отвлеченная бюрократия и не взрослые, которые не понимают ее нужд, а конкретная социальная система — капитализм. Необычный суд состоялся в апреле 1982 года в Кливленде. Юноши и девушки этого американского города провели символический судебный процесс над администрацией Рейгана, которая обвинялась в бедственном положении американской молодежи. Суровым обвинением капиталистической системе была и Генеральная ассамблея молодежи стран Общего рынка, состоявшаяся в начале 1983 года в Брюсселе. Молодые европейцы заявили, что правительства стран «Малой Европы» больше пекутся об интересах монополий, чем о нуждах молодежи. Это — новое явление на Западе. Точнее, впервые оно стало массовым. Еще 8—10 лет назад эти же категории молодых людей объясняли свою неудовлетворенность работой тем, что им не повезло в жизни, неудачным выбором профессии или огрехами системы образования. Только 15 процентов обвиняли в своих неудачах саму социальную систему. Сегодня их 40 процентов. Разница большая, и она не может не тревожить буржуазию.

— Если мы ничего не сделаем для этих молодых людей, — сказал член комиссии европейских сообществ по социальным вопросам Айвор Ричард, — то они придут к выводу, что тоже ничего не должны делать для общества. А это прямой путь к анархии в будущем.

Причины жизненной неудовлетворенности западной молодежи не ограничиваются только безработицей.

...Андре работал на мебельной фабрике маленького провинциального городка, она была единственным предприятием, где местная молодежь могла получить работу. Хозяин Форже властно повелевал на своей фабрике и не терпел никаких возражений. Однажды он обратил внимание на то,

что некоторые молодые рабочие носят длинные волосы, и это ему не понравилось. Он поскреб свою лысину и предпринял им постричься. Андре, который был в числе длинноволосых, попросил Форже объяснить, почему они должны стричь волосы. Выяснилось: потому, что так хочет хозяин. Хочет, и все тут. Некоторые подчинились прихоти Форже, другие — нет. Волосы здесь ни при чем, сказал Андре, хозяин посягает на наше человеческое достоинство, он хочет сломить нашу волю, его не устраивает сам факт, что кто-то посмел перечить ему.

Андре и его товарищи были уволены, а когда начали протестовать, то по просьбе Форже ими занялась местная жандармерия. Как-то вечером двое на велосипедах догнали Андре и попытались остричь его силой.

Я не буду перечислять всех перипетий дела, но кончилось тем, что отец Андре, «верный» рабочий, привел сына в парикмахерскую и заставил его постричься. Андре любил отца и не мог отказать ему. На следующий же день был восстановлен на работе, и сам Форже встретил его ласково. Все утро Андре работал как автомат, строгал доски для стульев. Глаза его застыли, он не отвечал на вопросы товарищей. В перерыве он зашел домой, тем же невидящим взглядом скользнул по своим картинам (у него были способности к живописи) и молча повернул их к стене. Потом взял небольшую канистру и отправился на бензоколонку. У ворот фабрики опустился на колени, вылил на себя содержимое канистры и вытащил из кармана зажигалку. Ярko вспыхнул живой костер.

Все это вымысел. Реальных Андре и Форже не было. Я пересказал содержание французского художественного фильма «Стрижка за 10 франков». И все же фильм реалистично и точно отразил жизнь. По словам одного психиатра из Корнеллского университета (США), тяга к самоубийству среди молодежи выросла с 1960 по 1980 год более чем втрое (с 10 до 33 процентов). Случаи самосожжения отмечались и во Франции, и в других странах Запада. В этих странах живут сотни тысяч Андре, которые ведут упорную борьбу против тысяч Форже. Эта борьба приводит к осознанию необходимости и неизбежности социальных изменений.

Совершенно очевидно, что далеко не все из осознавших это созрели для активной политической борьбы. Для многих такое осознание носит еще пассивный характер. Та же Миш-лин Жакар констатирует крах своих надежд при столкнове-

нии с действительностью, но готова поставить крест на своих мечтах и заняться мытьем пробирок. Или Андре, который сжигает себя в знак протеста против той же действительности.

Подобное отрицание капитализма капиталистов не пугает. Их мало волнуют и самые «революционные» декларации, если они остаются только декларациями. Главное для них, чтобы практическое поведение людей не совпадало с этими декларациями. И буржуазная пропаганда зачастую готова даже подыграть им.

Ж. Эллюль определил указанный феномен термином «ортопраксия» (в отличие от ортодоксии, где, по его словам, действия соответствуют убеждениям и вытекают из них). Ж. Эллюль считает этот прием одним из главных в пропаганде Запада. «Цель современной пропаганды,— пишет он,— состоит не в том, чтобы модифицировать идеи, а в том, чтобы спровоцировать действие. Речь идет не о том, чтобы интеллектуальным путем изменить убеждения индивида и приобщить его к новой доктрине, а о том, чтобы иррационально включить его в активный процесс, не о том, чтобы подвести его к тому или иному выбору, но о том, чтобы возбудить его рефлекс. Необходимо, чтобы действие было не результатом размышления, выбора или решения, а выступало на уровне чисто рефлекторном. Иначе говоря, пропаганда воздействует на подсознание человека. Она должна нащупать такой центр, такой узел, привести в действие такой механизм подсознания, который вызовет желаемое действие. При этом индивид может иметь определенные политические убеждения и все же действовать вопреки им».

Не столь давно во Франции был проведен социологический опрос среди молодежи на тему «Как вы мыслите будущее и свое личное участие в нем?». Многие ответили, что будущее, вне всякого сомнения, принадлежит социализму. Что касается личного участия в этом будущем, то в ответах приводились и планы трудоустройства, и планы женитьбы, и планы достижения определенного материального стандарта жизни. Но в большинстве этих ответов не было и намек на личное участие в борьбе за достижение социализма. Против такого абстрактного социализма, который неизвестно когда и неизвестно кем будет «преподнесен» молодежи, правящий класс не возражает. Он страшится другого — продуманных политических акций.

Дорога к Ленину

Экономический кризис тридцатых годов XX века, подтвердивший правильность анализа капитализма, который дал К. Маркс, породил в свое время огромный интерес к марксистской политической экономии и философии. Кризис 70—80-х годов вызвал новую волну интереса к марксизму. В 1973 году Женевский университет предложил мне провести цикл семинаров по диалектическому материализму: студенты требовали, чтобы этот курс вел философ-марксист. Я согласился и, когда познакомился ближе со своими слушателями, обнаружил, что среди них есть немало тех, кто еще вчера размахивал анархистскими лозунгами гошизма. Интерес к марксизму — явление повсеместное и в Западной Европе, и за океаном.

В 60-е годы многие западные социологи уверяли, что Соединенные Штаты с их высоким уровнем жизни и аполитичным большинством населения останутся в стороне от этого процесса, что там нет почвы для марксизма. Когда профессор Висконсинского университета У. Уильямс написал, что концепция К. Маркса предлагает понимание и идеалы, в которых отчаянно нуждается Америка, если она хочет эффективно справиться со своими нынешними и будущими проблемами и реализовать свой огромный потенциал, это воспринималось многими как натяжка, лишенная оснований в реальной жизни.

Иные мотивы зазвучали в конце 70-х — начале 80-х годов; те же социологи заговорили о «возрождении марксизма» на американской почве. «Бизнес уик» посвятил этой теме один из своих номеров целиком. Разумеется, речь в нем шла об опасности распространения научного коммунизма в Новом Свете. Журнал пугал, но одновременно и пытался утешить своих высокопоставленных читателей. Марксизм, по его словам, представляет ныне в Соединенных Штатах явление сугубо интеллектуальное. Да, признает журнал, более 10 тысяч преподавателей читают в университетах курсы социальных наук с марксистским подтекстом; да, студенты изучают произведения Маркса, Энгельса, Ленина, спрос на марксистскую литературу непрерывно растет; да, за последние годы солидные американские издательства выпустили более 15 монографий, трактующих марксизм в позитивном плане. Все это признает «Бизнес уик» и все же пытается заверить, что марк-

сизм якобы еще не вышел за стены университетов и пока не имеет за собой серьезной массовой базы.

Орган монополий пытается унять свой собственный страх перед неизбежным, ищет утешительные факты, приводит случаи, когда отдельные университеты отказываются преподавать марксизм. Пытаются объяснить эти акции тем, что марксизм якобы — чуждое Америке явление, зараза, занесенная из-за океана. Однако тот же «Бизнес уик» вынужден признать, что внедрение идей научного коммунизма на американской земле — результат политических движений в самих Соединенных Штатах, в том числе и студенческого бунта, который хотя и потерпел поражение, но не остался без последствий. Анализируя причины его неудачи, многие бывшие бунтари приходят к выводу, что им не хватало политической теории, указывающей перспективы и цементирующей борьбу.

Когда крупный капитал чувствует опасность, он начинает обволакивать своей идеологической паутиной источник опасности, чтобы интегрировать его в систему. Как это было с движением «новых левых», контркультурой и многими другими течениями. Нет сомнения, что он попытается интегрировать и новый интерес к марксизму, превратить его в безобидное хобби для интеллектуалов. Однако более века сделать это никому не удавалось, хотя желающих было немало.

А пока что печать монополий в унисон с «Бизнес уик» пытается создать впечатление, что марксизмом балуются студенты, профессора, писатели и прочие интеллектуалы-одиночки, но что «незаумные» рабочие и служащие к подобным «интеллигентским исканиям» никакого отношения не имеют. Желаемое выдается за действительное. При этом игнорируется то, что социальные различия между интеллигенцией и рабочими постепенно стираются. Все более расширяя сферу наемного труда, монополистический капитал вовлекает в нее представителей когда-то свободных профессий и тем самым сближает их социальный статус с положением рабочего класса. Происходят изменения и в самом рабочем классе. Технический прогресс, усложняя труд, требует от рабочих все большего умения, знаний, а значит, поневоле делает рабочий класс более интеллигентным. Далеко не случайно Ж. Серван-Шрайбер ратует не за какой-нибудь, а за «интеллигентный» капитализм, он учитывает тягу широких масс к интеллигентности.

Сегодня далеко не редкость наблюдать стачку или забастовку, в которых наряду с рабочими участвуют служащие, инженерно-технические работники и даже представители свободных профессий, что еще не столь давно было попросту немыслимо. Все это способствует более тесным контактам между рабочими и интеллигенцией, сплачивает их в борьбе против общего врага — монополий. И совместные требования их становятся все более осознанными, не замкнутыми на интересах личной выгоды и благополучия. Монополисты это прекрасно понимают.

«Мы знаем теперь,—говорит один из крупнейших промышленных боссов ФРГ, председатель объединения независимых предпринимателей Ферч-Реве, — что, когда выдвигают требования об участии в управлении производством, речь идет не о нашей личной судьбе. При осуществлении этого требования под величайшую угрозу ставится экономический и политический строй, являющийся основой свободного предпринимательства. И мы знаем теперь, что должны бороться, если хотим существовать, что сейчас для немецких предпринимателей вопрос стоит так: «быть или не быть».

Конечно, капиталистам и их идеологам часто удается выхолостить из упомянутого требования его основное содержание. Но главное состоит в том, что трудящиеся все чаще думают не о лишнем франке или долларе, но выдвигают серьезные политические требования, ставящие под вопрос само господство частной собственности.

Разумеется, участие в управлении производством — это еще далеко не социализм, оно не уничтожает, а только ограничивает власть монополий. Однако в нынешних условиях участие в управлении может стать одним из существенных завоеваний трудящихся, помочь росту политического сознания рабочего класса. Участие в управлении производством предполагает овладение искусством управления, познание сложных механизмов и структур современной экономики.

Два процесса в истории идут рядом: становление революционного сознания и революционная борьба. Невозможно очистить, освободить свой разум от всего, чем его захламляют, не борясь против силы, захламляющей его. Эта истина познается снова и снова в результате собственного практического опыта. И, пожалуй, самым положительным результатом бурного молодежного десятилетия является то, что на смену негативизму и стихийности все более приходит про-

грамма действий, основанная на знании причин и целей движения. Это движение, в котором все больше сплачиваются все демократические силы.

...Анхел Мигель жил в Женеве в те годы, что и я, но познакомились мы с ним в Испании, в горах Каталонии, на высокогорной лыжной станции. Мигель присматривал за подъемниками, которые поднимали кресла с лыжниками к заснеженным вершинам.

Ярко-синее небо, сверкающие горы. Поскрипывание подъемников, гомон лыжников, исчезающих со своими креслами в вышине. Мигель обвел широким жестом величественную панораму:

— Вот дышу чистым горным воздухом. Отхаркиваю свое политическое прошлое.

Ему 30 лет. Работал в Швейцарии, строил дома, неплохо зарабатывал. Но «чересчур» активно участвовал в профсоюзной работе, полиция взяла его под наблюдение, и в кризисные годы он попал под сокращение одним из первых. Пришлось вернуться домой, в Испанию. Работы здесь не нашел, зато с головой ушел в политическую деятельность. Стал активистом гошистской организации Барселоны «Бандера роха». В это время удавалось часто бывать на заводах, знакомиться с жизнью промышленных рабочих. Потом попал под влияние маоистов, ему нравились экстремизм, призывы к немедленному свержению капитализма. Вступил в промаоистскую Организацию революционных трудящихся (ОРТ). Участвовал в переговорах об объединении ОРТ с промаоистской Трудовой партией Мадрида, где обе группы пытались выработать совместную программу, но не договорились о руководящих креслах и стали обмениваться бранными словами: привесили друг другу ярлыки «главных врагов рабочего класса» и «камарильи оппортунистов на содержании у ревизионистов».

Мигель усмехнулся:

— Это было совсем недавно, но мне как-то странно сейчас вспоминать ту пору, до сих пор не могу понять, о чем мы спорили, о ерунде какой-то. Но все единодушно ругали коммунистов. Мне приходилось по поручению ЦК «Бандера роха» посещать штаб-квартиры других таких же организаций. В них стояли солидные письменные столы, имелся штат секретарш. Ругая друг друга, все клялись именем Ленина. Как-то мне дали почитать брошюру Ленина «Что делать?». И

я, хотя и не был силен в теории, все же понял, что ни «Бандера роха», ни прочие «марксистские» группировки никакого отношения к марксизму не имеют. А именем Ленина пользуются для оправдания своих далеко не ленинских идей. Когда я сказал об этом, на меня очень рассердились и объяснили, что мысли Ленина надо сегодня понимать по-другому, как-никак со времен «Что делать?» прошло три четверти века.

Я уже говорил, что в теории не был очень образован, но в простотах тоже не числился. И когда меня убеждали, что рабочий нынче не тот, что раньше, что ему уже не нужна партия со строгой дисциплиной, потому что теперь он сам достаточно образован, чтобы разобраться в вопросах политики и демократии, и что марксизм нынче делается ежедневно на заводах самим пролетариатом, то все это было неубедительно. Кто-кто, а я-то уж повидал рабочего люда и знаю, что мозги у него засорены всяким хламом. Я знаю таких, которые еще наивно надеются выбиться в люди и вкалывают на босса как проклятые. И таких, которые думают только о том, чтобы не потерять приобретенного холодильника, автомобиля, много. Ну а взять хотя бы меня, я понимаю, что все дело в капитализме; пока он существует, безработицу и эксплуатацию не вывести. Но надо ведь еще и знать, как его уничтожить, суметь это сделать. Учиться и учиться. Ленин говорил о соединении марксизма с рабочим движением. Что с того, что с тех пор прошло столько лет? Эта задача и сегодня стоит перед революционерами. Сам Ленин ведь не отменял ее «за давностью», хотя она была поставлена Марксом задолго до него. Я лично так понимаю, что дело тут не во времени, а в обстоятельствах. Буржуазия сегодня тоже куда сильнее, чем при Ленине, она ведь не отказывается от задачи задушить марксизм, делает все для этого. Для России, говорят, марксизм подходил, а для нас устарел, умер. Только ведь борются всегда с живыми.

Мигель усмехнулся:

— Сейчас-то я говорю складно обо всем этом, почитал, поумнел, а тогда объясняться мне было труднее, но все же меня поняли правильно: обозвали догматиком и ревизионистом. И дружно указали на дверь. Когда сдавал членскую карточку, я им тоже выдал: посоветовал не упоминать имя Ленина, чтобы людям голову не морочить.

Что было потом? В Барселоне работы так и не нашел,

друзья помогли устроиться здесь, в горах. Набрал с собой книг, много читаю, благо свободное время есть. Дорога теперь одна — к Ленину, к настоящим коммунистам.

Так говорил простой испанский рабочий-интеллигент, и его слова звучали для меня убедительней иных теоретических статей, призывающих к немедленной мировой революции.

«История, старый крот, хорошо роет!» — любил говорить Маркс.

«Я — оптимист»

24 мая 1970 года в газете банковских кругов «Журналь де Женев» появилась статья «Большой сюрприз в Женеве». В чем же состоял сюрприз? В том, что на кантональных выборах в Административный совет Женевы избрали члена Швейцарской партии труда Роже Даффлона. Коммунист стал министром кантона! Событие для Швейцарии было если и не беспрецедентным, то уж во всяком случае исключительным.

Роже Даффлон получил на 2 тысячи голосов больше, чем кандидат блока буржуазных партий.

Официозную прессу охватила растерянность. «Волк в овчарне!» — воскликнула «Журналь де Женев». Орган радикалов «Импарсьяль» набрал в рот воды и решил не комментировать события, что послужило острякам поводом для шутки: «Для беспристрастных радикалов («Импарсьяль» означает «беспристрастный») это как раз тот случай, когда молчание — золото». «Трибюн де Женев» не могла замолчать такое событие, как итоги выборов. Она их прекомментировала. Но как! Дело, оказывается, в том, что Женева издавна была местом убежища для разного рода эмигрантов: анархистов, террористов, большевиков и прочих. Поэтому она, мол, привыкла ассимилировать чуждые ей элементы. Случай с Даффлоном — тому подтверждение. Но это еще не все: Женева, как всем известно, — родина кальвинизма и пуританства. Пуритане — скромные люди, они равнодушны к золоту и недолюбливают банкиров. Коммуниста поэтому восприняли как антипода денежных мешков. И потом, вообще, жители Женевы — такой покладистый народ, почему бы им не избрать для разнообразия коммуниста. Не мэром, конечно, а лишь одним из четырех советников мэра.

Зачем понадобилось «Трибюн де Женев» изворачиваться и выставлять жителей кантона такими всеядными дурачками? С таким вопросом я тогда обратился к виновнику переполоха Роже Даффлону. Он ответил:

— Очевидно, чтобы затушевать тот факт, что большинство избирателей проголосовали за представителя партии, чья политика наиболее отвечает их интересам. Нравится это буржуазным филистерам или нет. Большой сюрприз в Женеве? Пусть привыкают. Им предстоят еще и не такие сюрпризы.

С тех пор утекло немало воды. И вот, читая «Правду» от 6 июня 1979 года, я узнал, что Роже Даффлон избран президентом Административного совета Женевы, первым мэром-коммунистом за всю историю города. На сей раз этот факт стал большим сюрпризом уже для международной печати. Английская пресса крайне редко упоминает о Швейцарии. На сей раз большинство газет дали информацию об избрании Роже Даффлона, а «Гардиан» поместила и его фото. Сенсацию буржуазная печать замолчать не может, а для англичан, привыкших рассматривать Женеву с ее банками как бастион капитализма, избрание коммуниста мэром этого «бастиона» — бесспорная сенсация, как и для американской «Уолл-стрит джорнэл». Эта газета, правда, утешала своих читателей тем, что избрание Даффлона «еще не означает, что над городом банкиров уже завтра будет развеяться красный флаг с серпом и молотом». Утешает, но вместе с тем, как видите, и пугает перспективой. Без этого не могут. Бельгийская «Газет ван Антверпен» писала, что это событие «вызвало в мире холодную дрожь», ведь до сих пор «федерацию гельветов было принято считать очень консервативной страной».

Но были и такие, которые успокаивали. Бельгийская печать, например, пыталась представить Роже Даффлона как коммуниста особого толка, у которого нет ничего от «обычного марксистского сектантства». И который, являясь хорошим администратором и будучи наделен от природы «добрым сердцем», не очень-то вникает в проблемы «идеологии и диалектики», оставляя их трактовку своим «товарищам — сектантам». Подобную же хорошую мину при собственной плохой игре состроила и буржуазная швейцарская пресса, при этом она распространила трактовку «нестрашного коммуниста Даффлона» на всех членов Швейцар-

ской партии труда Женевского кантона. Шеф департамента юстиции и полиции Ги Фонтане даже заявил официально, что, «поскольку коммунисты будут соблюдать правила демократической игры, постольку они не будут рассматриваться в качестве экстремистов и подвергаться надзору полиции». Заявление это вызвало реплику в «Журналь де Женев» о том, что отныне с женевских коммунистов снимается обвинение в «слепом следовании приказам из Москвы» и в «попытках подрыва буржуазных институтов». Правда, более твердолобые буржуа из Цюриха, Берна, Базеля и других германоязычных кантонов поспешили отмежеваться от мнения женевских властей и заявили, что по-прежнему рассматривают членов Швейцарской партии труда как экстремистов и будут продолжать тщательное наблюдение за их деятельностью. Как бы там ни было, но факт остается фактом: в консервативной Швейцарии противники коммунизма вынуждены приспособляться и переходить к обороне.

Я послал Роже Даффлону письмо, поздравил с победой на выборах и вновь, как в 1970 году, попросил его прокомментировать это событие. Из его ответа мне стали известны более подробные детали женевских муниципальных выборов. На сей раз блок буржуазных партий твердо решил изгнать коммуниста из Административного совета. Вся предвыборная кампания проходила под знаком вульгарного, разнузданного антикоммунизма. Тем более внушительным был успех Роже Даффлона, который получил 57,2 процента голосов избирателей — на 4 тысячи больше, чем ближайший конкурент от буржуазной коалиции. Однако избрание в Административный совет даже со значительным большинством голосов не дает еще права на пост мэра. Президент совета назначается его членами, а большинство их — представители буржуазных партий. Вот почему регулярно, от выборов к выборам, получая большинство голосов, Даффлон в течение 10 лет ни разу не был мэром. Это вызвало серьезное недовольство избирателей, которые протестовали устно и письменно против того самого нарушения правил демократической игры, в котором буржуазия обвиняла коммунистов. На сей раз скрепя сердце представители буржуазии вынуждены были согласиться на избрание Роже Даффлона мэром Женевы. Известие об этом вызвало в городе бурное ликование, жители рабочих кварталов устроили стихийные манифестации.

Сам Даффлон не склонен переоценивать значение события, предстоит серьезная борьба, будут и поражения, и победы. Конечно, блок буржуазных партий сделает все, чтобы сместить его. Но неоспоримо главное: рост влияния коммунистов — процесс неизбежный и необратимый. Коммунизм вырастает решительно из всех пор общественной жизни, ростки его есть решительно повсюду.

С юных лет Роже принимал активное участие в борьбе рабочего класса за свои права, познал и безработицу, и тюрьму, и подполье. Он никогда не изменял принципам марксизма-ленинизма. Его твердость и убежденность в правоте дела, которому он посвятил жизнь, последовательная защита интересов трудящихся — вот главная причина «большого сюрприза» в Женеве. Уже став мэром, Роже Даффлон вновь заявил, что использует все свое влияние и престиж, чтобы убеждать людей в необходимости борьбы за мир и социальный прогресс.

Это требует огромных усилий. Роже Даффлон и его товарищи по партии не обольщаются. Сам он оценивает перспективы вполне трезво:

— Вы задаете мне вопрос о печально знаменитом «консенсусе», политике социального согласия. Она по-прежнему жива и даже приобрела сегодня второе дыхание. Конечно, это уже не то, что было раньше. Уроки экономического кризиса не прошли даром, сознание трудящихся претерпело определенную эволюцию. Ведь за период с 1973 по 1976 год 340 тысяч человек в Швейцарии потеряли работу, для маленькой «благополучной» страны это колоссальная цифра. Однако наша буржуазия сумела приспособиться и тут: из этого числа уволенных 220 тысяч были иностранные рабочие — итальянцы, испанцы, греки, югославы. Таким образом, безработица была экспортирована из Швейцарии, что, конечно, смягчило удары кризиса. Но пострадали и швейцарцы, в основном пожилые рабочие, женщины, молодежь. А главное, многие из них поняли, что швейцарская национальная «исключительность» не может служить гарантией от кризиса и безработицы. К сожалению, многие еще надеются, что пострадают не они, а их соседи, но это тоже до поры до времени.

А пока что большинство еще остается во власти иллюзий, и здесь колоссальную роль, вы это сами отлично знаете, играют средства массовой информации, которые не гнуша-

ются ничем: ни подачей пустячного факта в сенсационной форме, ни замалчиванием важных событий, ни просто откровенной ложью. А также подсовыванием пустых, надуманных проблем, отвлекающих трудящихся от их коренных интересов. Взять хотя бы проблему борьбы за «права человека», раздутую буржуазной пропагандой. Как будто эта проблема возникла только сегодня, а раньше о правах человека вроде и не надо было заботиться. Или борьба за охрану окружающей среды и призывы к возвращению назад к земле, к природе. Это просто гениально! В то время как крестьяне из поколения в поколение вынуждены покидать насиженные места и уходить в города в поисках заработка, многие интеллигенты и мелкие буржуа славят блага деревенской жизни! Я мог бы и дальше продолжать перечень подобных проблем, на которые клюет немало людей. Так что нам нередко приходится защищать их от них самих.

Но особенно активна и сильна сегодня антикоммунистическая пропаганда, которая достигла невиданного масштаба. Увы, приходится констатировать, что ее пагубное влияние не обходит и трудящихся, настраивает их против реального социализма, отвращает от революционной борьбы у себя дома. Но этого-то и добивается монополистическая буржуазия, которая смертельно боится влияния на трудящихся Запада примера стран социализма.

Роже продолжал:

— Вы хотите знать мои личные прогнозы на будущее. Ну что ж, я оптимист. Иначе сама моя жизнь потеряла бы всякий смысл. Я абсолютно уверен в победе нашего дела. Империализм испытывает большие трудности, он уже не может беспрепятственно делать то, что хочет. Народные массы все труднее поддаются на его уловки, пусть изощренные. Трудящиеся все настойчивее требуют участия в экономике и политике.

Конечно, массовое сознание еще остается в значительной степени во власти буржуазных иллюзий, и изменить его по мановению волшебной палочки невозможно. Предстоят долгие годы упорного труда нашей партии по переделке этого сознания, прежде всего на собственном опыте масс, с тем чтобы люди глубже поняли свои коренные интересы и потребности. Но такое осознание может быть достигнуто только в борьбе рабочего класса и его союзников против эксплуатации и угнетения, за демократию и социализм.

К читателю

Автор прекрасно понимает, что исчерпать поднятую в книге тему невозможно. Не только из-за многогранности молодежного протеста, но и потому, что он продолжается постоянно, принимает новые формы и требует нового осмысления. И даже давно пережитое и продуманное осмысливается сегодня гораздо глубже и полнее.

Из широчайшего спектра оттенков молодежного движения на Западе—от ультралевых до крайне правых—автор выбрал лишь некоторые, именно те, которые ему довелось наблюдать лично. И все же думается, что даже то, о чем ему удалось рассказать, дает основания для серьезных выводов.

Прежде всего, нельзя согласиться с теми западными социологами, которые на основании указанной многослойности, а зачастую и парадоксальности молодежного протеста, объявляют его некоей «вещью в себе», не поддающейся социальному прогнозу. Тут скорее всего срабатывает не научный, а классовый подход. Ибо объяснить истинные причины молодежного протеста—значит признать, что у капитализма нет исторической перспективы. Общество, теряющее свою молодежь, теряет и свое будущее.

Какие бы истоки молодежных движений на Западе мы ни взяли—массовую безработицу или угрозу ядерной войны, загрязнение окружающей среды или подавление свободы личности, духовное опустошение или жизненную неустроенность,—в основе всех этих явлений лежат неразрешимые противоречия самой капиталистической системы.

Не все, далеко не все молодые люди сознают это, и идеологи монополий делают все возможное, чтобы задержать рост политического самосознания молодежи, в результате чего многие ответвления молодежного протеста принимают поистине уродливые формы.

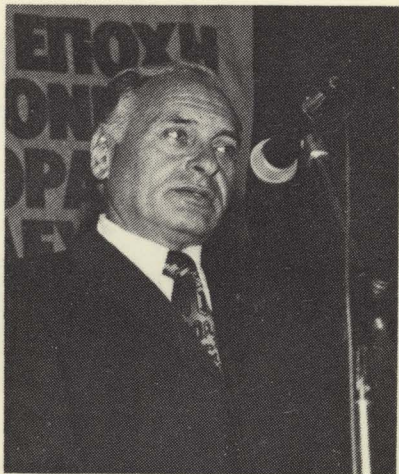
И все же постепенно, шаг за шагом, молодежь приходит к правильному пониманию современных политических реалий. Сегодня она гораздо ближе к истине, чем в конце 60-х годов. И в этом немалая заслуга исторических достижений реального социализма, мирового коммунистического и рабочего движения, национально-освободительной борьбы, антивоенного движения.

Однако и наши классовые противники учатся на своих поражениях и действуют против стран социализма, против трудящихся своих собственных стран все более изощренно и коварно. Есть в их арсенале и специальные методы воздействия на молодежь. Здесь их цель очевидна: отравить сознание молодых людей соблазнами потребительства, раздробить молодежный протест, отделить его от борьбы рабочего класса, широких слоев трудящихся и тем самым ослабить мировое революционное движение в целом.

Вот почему ныне столь необходимо понимание той непреложной истины, что только участие в совместных революционных действиях может помочь молодежи до конца осознать свои интересы, понять, что борьба за достойную жизнь, за чистое небо и чистый воздух неотделима от борьбы против капитала.

Только совместная борьба воспитывает людей, независимо от их возраста, только она открывает им меру их сил, расширяет кругозор, развивает способности, проясняет ум, выковывает волю.

Слова К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что устранение ложных представлений из сознания людей достигается изменением условий, а не теоретическими дедукциями, сегодня столь же верны, как и прежде.

Эдуард РОЗЕНТАЛЬ, советский социолог и публицист, родился в 1928 г. Закончил Московский государственный институт международных отношений.

Изучает проблемы молодежи Запада, различные аспекты культуры.

Преподавал философию и социальную психологию в высших учебных заведениях Швейцарии, Мали, Конго.

В качестве журналиста побывал во Франции, Испании, ФРГ, Великобритании, Греции и других странах.

Автор книг: «Хиппи и другие», «Гуманизм и человек», «О свободе в «свободном мире», «Мишень — сознание», «В поисках идеала», «Власть иллюзии» и других.

Помимо СССР его книги публиковались в Болгарии, Чехословакии, Польше, США, Японии, Греции, Италии, Швейцарии и других странах.